

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Р.Г. КУЗНЕВА
УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИЭИ УНЦ РАН

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции молодых ученых
г. Уфа, 30 сентября 2015 г.

Уфа 2015

УДК 39
ББК 63.5(2)
Э 91

Печатается по решению
Ученого совета Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
Протокол № ____ от ____ г.

Совет молодых ученых:

*С.С. Алексеенко, А.Г. Баимов, И.И. Бахшиев, Э.В. Камалеев, А.Г. Колонских,
Р.М. Мухаметзянова-Дуггал, Т.М. Надыршин, А.Т. Тузбеков, З.Р. Хабибуллина*

Ответственный редактор:

А.Т. Ахатов

Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность:
материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых
ученых / отв. ред. А.Т. Ахатов – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2015. – с. – ISBN

В сборник вошли доклады и выступления участников IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность». Тематика статей охватывает актуальные проблемы археологии, этнографии, истории, религиоведения, межкультурного взаимодействия и сохранения этнокультурных традиций в современных условиях.

Статьи печатаются в авторской редакции.

ISBN

© Коллектив авторов, 2015

© ИЭИ УНЦ РАН, 2015

О СТАТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА У БАШКИР

L.Kh. Allamuratova

ABOUT STATIC PRINCIPLE OF BASHKIR SPATIAL CONCEPTIONS

Аннотация: В данной статье рассматриваются пространственные представления башкир. Характеризуются два принципа восприятия пространства – динамический (или линейный) и статический (или концентрический). В динамическом типе пространственного представления – народ, человек воспринимает пространство, двигаясь через него. В статическом – человек живет оседло, пространство ему представляется серией концентрических кругов, которые к периферии слабеют. В работе описываются локусы, границы освоенного и неосвоенного пространств – дом, дверь, порог, окна дома, двор, ворота; территория населенного пункта, околица, кладбище и т.д.; их семантическая значимость, взаимосвязь.

Ключевые слова: пространство, представления, башкиры, линейный, концентрический, локус, граница, мифология.

Abstract: This article covers Bashkir spatial conceptions. In the article the author defines 2 principles of spatial perception – dynamic (or linear) and static (or concentric). In the dynamic type of spatial conception we mean that people, man perceives space when we go through it. In the static kind – man lives a settled life, he perceives space as a series of concentric circles which fade off to periphery. In the work presented the author describes loci, borders of developed and undeveloped spaces – say, house, door, doorstep, windows, court, gates, territory of settlement, village fence, cemetery etc., including their semantic significance, interrelation.

Keywords: space, conception, Bashkir people, linear, concentric, locus, border, mythology.

Представление о пространстве – одно из самых важнейших категорий любой культуры, образующих основную систему координат. Каждый конкретный народ формируется и хозяйствует в условиях определенной природно-климатической зоны, приспосабливается к ней и эти пространственные особенности зоны проживания находят отражение во всех сторонах культуры этого народа¹.

По мнению французского антрополога Андре Леруа-Гурана, на развитие племен, народов повлияли два типа восприятия пространства. Первый тип – динамический или «маршрутный». Человек в этом случае воспринимает пространство линейно, и в процессе движения упорядочивает мир, давая имена разным объектам и запоминая места. Другой тип Леруа-Гуран называет статическим и радиальным (концентрическим). Оседлый земледелец находится как бы в центре пространства, воспринимая его как серию концентрических кругов, затухающих к периферии. Таким же «концентрическим» способом земледелец и расширяет границы своего

¹ *Аминев З.Г.* Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа, 2013. С. 43.

«очеловеченного микрокосма», своего целостного Мира¹. В историографии утвердилась точка зрения того, что статический тип восприятия пространства характерен преимущественно оседлым земледельцам, однако при изучении пространственных представлений башкир, мы наблюдаем оба типа (причем концентрический представлен очень четко). Добавим, что Н.Л. Жуковская, долгое время изучавшая историю, культуру монголоязычных народов, пишет: «при изучении способов освоения пространства кочевниками мы отметили у них сочетание обоих принципов: концентрического – пока юрта находится на временной стоянке, и линейного – в процессе перекочевки с одной стоянки на другую»².

Данная статья посвящена статическому (концентрическому) типу восприятия пространства в традиционной культуре башкир. Как было выше отмечено, для данного типа пространственного представления характерен сакральный центр, от которого расходятся концентрические круги, ослабевающие к периферии. Центром является дом, жилище, далее следуют двор, территория населенного пункта. Также в ближайший концентр входят зоны хозяйственного освоения близлежащей к населенному пункту территорий – поля, выгоны; лесные угодья общины – второй концентр; дальние пространства – третий концентр³. В зависимости отдаления от центра данные объекты теряют свою сакральность, «освоенность» и получают пограничное положение между «своим» освоенным и «чужим» неосвоенным миром.

Дом, жилище – это один из самых ключевых символов культуры. С понятием «дом» в той или иной мере соотнесены все важнейшие характеристики жизни человека и его картины мира: представления о пространстве и времени; особенности социальной организации; религиозные воззрения и др.⁴ Дом – средоточие своего, освоенного мира. Именно жилище являлось и является обязательной отправной точкой всех обрядов переходного типа, связанных с путешествием через границы пространства.

Жилище и семья предстают как единое целое, причем характерно, что само слово дом в ряде индоевропейских языков первоначально, видимо, означало не жилое строение, а форму общественной организации, семью⁵. Здесь уместно вспомнить башкирское слово «йорт», которое означает как «дом», принадлежащий одному человеку, так и страну башкир в целом⁶.

Вместе с тем «дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека»⁷. В нем сосуществует человек и вселенная. Кольцеобразная

¹ *Leroi-Gowhan A.* Le geste et la parole: Le memoire et le rythmes. Paris, 1965. V. 2.

² *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 24.

³ *Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 16.

⁴ *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 3–15.

⁵ *Benvenist E.* Le vocabuaire des institutions Indo-europeennes. Paris, 1969. V. 1. P. 293.

⁶ *Аминев З.Г.* Указ. соч. С. 47.

⁷ *Цивьян Т.В.* Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Т. 10. Тарту, 1978. С. 65.

планировка башкирского аула, а также круглая форма традиционного летнего жилища «тирмэ өй» (юрта), есть повторение в миниатюре башкирского мира¹. Польский ученый Е. Василевский справедливо высказывает идею о том, что «юрта – модель вселенной, микромир кочевника; она ориентирована по сторонам света, имеет центральную ось, проходящую через очаг и дымовое отверстие; она членится на семантические секторы: правый – левый, северный – южный, верхний – нижний, почетный – непочетный, мужской – женский»².

По представлениям башкир у каждого дома есть свой дух-покровитель – домовый («өй хужаһы», «өй атаһы», «өй эйәһе»). Он не показывается человеку, охраняет дом от всяческих бед, предупреждает об опасности, иногда может вредить жильцам, домового необходимо было переносить с собой при переезде в новый дом.

Границами дома, которые соприкасались с чужим, неосвоенным миром, являлись дверь, окна, порог, печная выюшка, труба и т.д. Традиционно в башкирских домах над дверью в обережных целях вешают ветки можжевельника, аяты (короткие молитвы) из Корана, чаще всего это Аят аль-Курси, рога оленя, острые предметы (ножницы, острие косы), подковы. Во многих деревнях до сих пор над дверью приколачивают деревянный колышек («ағас сөй»), куда по представлениям башкир по пятницам садятся души умерших родственников³.

Наиболее семантически нагруженным элементом дверей является порог, возле которого происходило множество ритуальных и этикетных действий, связанных главным образом с социальными контактами и защитой «своего» пространства от внешней опасности. Так, башкирам строго запрещалось наступать на порог, стоять на нем, передавать какие-либо предметы, разговаривать через порог, начинать подметать, мыть полы от порога во внутрь помещения (последнее совершалось после смерти одного из жильцов дома).

Границей между своим миром и чужим пространством было также окно. Окна как глаза дома обеспечивают возможность видеть, что происходит за пределами дома, находясь изнутри. Через окна извне проникает не только солнечный свет, но и чужой взгляд, опасность, смерть, поэтому запрещалось смотреть в окно с наружной стороны вовнутрь дома, входить/выходить из окна, ночью смотреть в окно. Считалось, что это может вызвать нежелательные для хозяев последствия, вплоть до смерти кого-либо из жильцов, так как обратный порядок вещей свойственен для обитателей потустороннего мира⁴. Видимо, охранительную роль играли обязательные атрибуты окон – шторы, занавески, резные наличники, узоры которых содержали в себе образы, прежде всего животных и птиц, выступавших в

¹ Аминев З.Г. Указ. соч. С. 50.

² Wasilewski J. Space in Nomadic Cultures - a Spatial Analysis of the Mongol Yurts // Altaica Collecta. Wiesbaden, 1976. P. 345–360.

³ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 5.

⁴ Аминев З.Г. Указ. соч. С. 55.

башкирской культуре в качестве оберегов¹. В домашнем пространстве сакральную семантику имеет также объект, который по-башкирски называется «урза» – это шест, прикрепляемый к стене ниже потолка для развешивания вещей. По сообщению одного из информантов, Хызыр Ильяс – святой старец, покровитель путников, не может пройти в дом дальше этого шеста («Хызыр Ильяс урза аша үтмэй»)². В свадебном обряде при переезде в дом жениха, девушка привязывала на этот шест монету или кисточку, чтобы на ее место не пришла в дом нечистая сила³.

Следует отметить, что особенность символики данных пограничных объектов заключается в том, что они сочетали в себе статус особо опасной точки связи с внешним, «чужим» миром и обеспечивали проницаемость границ. Возможно поэтому, окна, двери, дверной порог, вьюшка печи играли важную роль в башкирских магических, целебных обрядах. Так, чтобы остановить смерть детей в семье, новорожденного ребенка «продавали/покупали» через окно. При заговаривании рахита («өс йән имләү») живот или одежду ребенка зажимали дверью⁴. Если, во время лечения испуга «кот койоусы» (досл. отливание души), свинец долго не отливался в форме сердца, знахарь («кот койоусы») открывал вьюшку печи, стучал по порогу, открывал дверь и звал «кот» – улетевшую душу.

Следующая традиционная зона мифологического пространства – это *двор* (урам) – огороженное место вокруг дома, включающее хозяйственные постройки. Двор как локус пространства с одной стороны принадлежал «внешнему» (относительно дома) пространству, то есть является «иным миром». С другой стороны, двор был наиболее освоенным человеком локусом «иног» пространства. Здесь человек располагал «свои» предметы: различные хозяйственные постройки, инвентари и т.п. Как отмечает этнограф С.И. Руденко, подробно изучавший этнографию башкир: «Общей характерной чертой каждого башкирского двора (урам) были большие его размеры... За первым двором непременно бывал второй, а иногда еще и третий»⁵. Как и в доме, территория двора была заселена своим духом – дворовым («азбар эйәһе», «азбар хужаһы»). В башкирской мифологии дворовой является покровителем домашних животных, который может показываться в облике хозяина дома, соседей, родственников, незнакомых старцев, иногда животных. Он предупреждает хозяев об отеле, окоте, проникновении воров во двор или хлев, возникновении пожара и других бедах⁶.

Также особое значение в представлениях башкир отводится внешней регламентированной границе локуса двора – воротам. Они, как и двери дома,

¹ Хасанова З.Ф. Изображение птиц и животных в украшении жилищ и построек у башкир инзерского бассейна // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2013. С. 154.

² Полевые материалы автора (далее ПМА), 2013 г. Зианчуринский район РБ.

³ Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 328.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 202.

⁶ Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 6.

обладали тем же сочетанием пограничных признаков. На месте, где были ворота, не строили дом – это к несчастью. В засуху, столб у ворот дома, столб у ворот в деревню поливали водой, чтобы вызвать дождь¹. В народной медицине, чтобы избавиться от болезней под столб ворот выливали заговоренную воду. В свадебном обряде ворота являлись преградой на пути участников свадьбы: перед сватами, женихом запирали ворота и требовали выкупа, продавали воду, которую принесла невеста.

Следующим локусом является *территория поселения*, которая может быть определена как переходное к хаосу пространство, обладающее качествами и упорядоченности, и неупорядоченности, своего и чужого. Б.Г. Калимуллин, изучавший народное зодчество башкир, сообщает, что раньше для башкирских деревень было характерно кольцеобразное расположение жилищ², что повторяло расположение юрт на кочевьях. Так, кочевые жилища расставлялись по кругу, а все входы ориентировались вовнутрь, что, по мнению исследователя, обозначало границы жилища большой семьи и нераздельность рода. Главное место занимала юрта старейшины, в символической антропоморфной структуре его юрта могла соотноситься с такой частью тела, как голова. С.И. Руденко также считал, что родовой принцип, по которому, башкиры-родственники кочевали вместе, сказался на расположении дворов в деревне. «Во многих, особенно в зауральских и в юго-восточных, башкирских деревнях, – пишет он, родственники селились вместе, отчего деревня удлинялась не в одну улицу, вдоль реки, а разрасталась вширь³.

Как было выше сказано, территория населенного пункта несла в себе оппозиционность – с одной стороны, это «своя», освоенная область, с другой стороны, селение таило в себе много опасностей. В деревне имелись места повышенной опасности – регламентированные и нерегламентированные каналы между зонами мифологического пространства. Это были перекрестки дорог, мосты, места, где выбрасывали отходы, мусор и т.д. В населенный пункт могла проникать нечистая сила, принимая облик человека или животного, вселяться в пустующие дома, часто через селение проходили пути, дороги этих существ. В переходных обрядах (проводы в армию, на войну, выдача замуж) пространство селения, улица приобретали статичность. Обряды, ритуалы проводились с целью получения уходящим максимального числа одобрений от односельчан.

Отметим, что в критические моменты, когда в населенном пункте усиливалась масса «чужого», неосвоенного хаоса, и, на территории селения возрастала опасность – население защищало не только свое жилище, но и все поселение. Так, например, башкиры для того, чтобы остановить эпидемии, череду смертности в деревне, опахивали ее границы. Этим самым ритуально проведенная граница была призвана ограничить, обособить деревню от «чужого», вредоносного.

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 176.

² Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978. С. 13–14.

³ Руденко С.И. Указ. соч. С. 207.

Населенный пункт также располагал пространственными границами – околицей, которая, по представлениям башкир, имела свои ворота – «ауыл капкаһы». Сакральная значимость этого пограничья подчеркивается в магических обрядах, совершаемых во время эпидемий. «Ваба булһа, ауыл капкаһы алдын һөрәләр ине» – при эпидемии холеры перед воротами в деревню вспахивали землю¹. Здесь, как и в выше приведенном примере, бережная пахота была призвана изгнать болезни, беды за пределы опахиваемого пространства.

В переходных обрядах околица, ворота в деревню получают особую значимость. Парней, уходящих на службу, друзья и близкие родственники провожают до околицы, где уходящий приобретает статус путника. Автор данной статьи в Баймакском районе РБ зафиксировал интересную традицию, когда отслуживший солдат, возвращаясь домой, доезжает до околицы и на границе деревни спешивается, то есть входит в населенный пункт пешком. По сведениям информаторов, подобные действия совершались и в советское время².

Довольно значительное пространство вокруг первичной территории занимает вторичная территория, которая представляет собой луга, пашни, которые позволяют сообществу населенного пункта обеспечивать свое существование. В это пространство входит и кладбище (зыярат), которое как противопоставлялось миру живых, так и являлось «святым» местом, где пребывают духи предков.

За границами вторичной территории человек попадал в абсолютно неосвоенное пространство – в мифологический хаос, которое по народным представлениям соотносится с зоной смерти и входом в иной мир. Нахождение человека в этой области требовало выполнения определенных правил поведения. Поэтому все обряды переходного типа были призваны создавать условия для «уходящего», его успешного возвращения или выполнения задач.

Таким образом, представления о пространстве являются важной категорией для всех народов. Следует согласиться с мнением Т.В. Цивьян, «что человек с момента своего самосознания, то есть выделения из природы, стремится установить границы и как бы обезопасить себя внутри некоторого замкнутого пространства»³. Так, ограничивая, одомашнивая пространство, человек создавал и жилище, и нежилище – «свое» и «чужое». Мы отметили, что для пространственного восприятия башкир характерны и линейный, и концентрический типы, что отразилось в обрядах, ритуалах, семантической наполненности различных объектов, и, особо полно рассмотрели статический (концентрический) тип пространственного представления.

© Алламуратова Л.Х., 2015.

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Указ. соч. С. 41.

² ПМА, 2010, 2011, 2014 гг. Баймакский район РБ.

³ Цивьян Т.В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 243.

**БАШКИРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XVI – НАЧАЛА XX ВВ.:
КРАТКИЕ ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

A.T. Akhatov

**BASHKIR SETTLEMENTS OF XVI – EARLY XXTH CENTURIES:
SUMMARY RESULTS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH
(BY ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN
THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Аннотация: Статья обобщает накопленную к настоящему времени информацию по археологическому изучению башкирских поселенческих памятников XVI – начала XX вв. Выделяются два основных направления исследований – рекогносцировочные и стационарные работы, на основании результатов которых определяются проблемы и перспективы археологического изучения поселений башкир.

Ключевые слова: Башкортостан, поселенческие памятники, этноархеология, башкиры, аул, летовка, жилищные комплексы, планировка поселений.

Abstract: The article summarizes the experience to date information of the archeological study of bashkirs' settler monuments of XVI - early XX centuries. There are two main areas of research - Reconnaissance and stationary operations which results define problems and prospects of the archaeological study of the Bashkir settlements.

Keywords: Bashkortostan, settler monuments, ethnoarcheology, bashkirs, aul, summer pasture, housing complexes, planning of settlements.

В археологической науке поселения считаются одной из наиболее информативных категорий памятников, дающих значимые источники по хозяйственной, культурной, повседневной и др. областям жизни людей в прошлом. Их исследованием занимается особое направление – поселенческая археология, объектами изучения которой являются «не только памятники с выраженными остатками жилищ или / и других стационарных построек, но и различные места временного пребывания человека, в том числе сезонного, отмеченные иногда лишь небольшим количеством фрагментов керамики или костей»¹.

Археологическое исследование башкирских селений XVI – начала XX вв., в отличие от их этнографического, исторического и архитектурного изучения началось намного позднее – в конце XX в. Между тем, данное направление можно считать одним актуальных и перспективных на сегодняшний день, поскольку оно позволяет не только определять время существования, планировку, размеры и внешний вид отдельных поселений у башкир на разных хронологических этапах, но и выявлять общие закономерности в генезисе поселенческих структур в регионе.

¹ *Корякова Л.Н.* Формирование и развитие археологии поселений (зарубежный опыт) // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 4.

К настоящему времени исследователями рассмотрены многие проблемы, связанные с изучением исторического, социально-экономического, этнодемографического, культурного и архитектурного развития башкирской деревни в целом и отдельных населенных пунктов в частности¹. Несмотря на большое количество публикаций, написанных с привлечением широкого круга архивных, письменных и этнографических материалов, некоторые вопросы, сопряженные с появлением и эволюцией населенных пунктов у башкир, формированием их инфраструктуры (особенно на ранних этапах) остаются слабоизученными до настоящего времени ввиду отсутствия необходимого материала, который могут дать археологические исследования.

В советское время изучением башкирских поселений археологи не занимались, исключение составляют разведочные работы проведенные в Мелеузовском районе на Берековском селище В.Д. Викторовой в 1950-х гг.² и Н.А. Мажитовым в 1960-х гг.³ Впервые вопрос о необходимости и перспективности их археологического изучения был поднят в научно-исследовательской литературе в 1990-х гг.⁴ Тогда же появляются первые сведения об обнаруженных поселенческих памятниках башкир, данные о которых позднее были включены в отдельный «Свод археологических памятников»⁵.

Начиная с этого момента в их изучение можно выделить два основных направления – рекогносцировочные и стационарные исследования. Первое было связано с проведением в республике разведочных работ отдельными археологическими отрядами возглавляемыми Г.Н. Гарустовичем, Н.С. Савельевым, А.Ф. Яминовым, Г.Т. Обыденновой и др. Благодаря этим исследованиям были выявлены остатки сезонных стоянок – летовок (яйляу), представленных земляными и каменными оградками эпохи позднего

¹ *Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир: Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М., 1984; *Она же.* История архитектурного декора в башкирских аулах. Уфа, 2004; *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009; *Бикбулатов Н.В.* Башкирский аул. Очерк общественной и культурной жизни. Уфа, 1969; *Калимуллин Б.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959; *Сулейманов Ф.М.* Башкирский двор (конец XVIII – первая половина XIX века). Уфа, 2003; *Ширгазин А.Р.* Формирование планировочного устройства малых населенных мест Башкортостана: принципы историзма и актуальные вопросы методологии планировочного проектирования. Уфа, 2000; *Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006 и др.

² *Викторова В.Д.* Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // Вопросы археологии Урала. Сборник статей. Выпуск 4. Свердловск, 1962 г. С. 163–166, 172.

³ *Мажитов Н.А.* Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного урала периода раннего железа // Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год. Уфа, 1966. С. 98.

⁴ *Яминов А.Ф., Савельев Н.С., Псянчин А.В.* Баишевский микрорайон: итоги и перспективы этноархеологических исследований в Башкирском Зауралье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V Всероссийского научного материала, посвященного 155-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск-Уфа, 1997. С. 182–185; *Иванов В.А.* Задачи и перспективы «Археологии нового времени» // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998. С. 156–158.

⁵ Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа, 2004. (далее САПРБ).

средневековья – начала XX в. и археологизировавшиеся населенные пункты (аулы) XVII – середины XX вв. в Абзелиловском, Баймакском, Хайбуллинском, Кармаскалинском, Мелеузовском и др. районах Башкортостана¹.

Из археологических экспедиций, работавших в данном направлении, особо стоит выделить исследования под руководством А.Ф. Яминова и Н.С. Савельева проходивших в 1995, 1996, 2003 гг. в пределах т.н. «Баишевского микрорайона» (Баймакский район), в ходе которых было зафиксировано около 20 башкирских поселенческих памятников².

Также стоит отметить разведочные работы археологов Башкирского государственного университета им. М. Акмуллы под руководством Г.Т. Обыденновой проводившиеся в 2005 г. в Кармаскалинском, Аургазинском, Чишминском и Мелеузовском районах РБ. В ходе археологических исследований здесь были обследованы месторасположения некоторых старых башкирских селений, известных по картографическим и архивным материалам XVIII–XIX вв.³

Результатом работ второго направления, явились раскопки ряда поселенческих памятников, из которых к настоящему моменту в наиболее полном виде исследованы деревня Тэкэево (Салаватский район, 1994 г.)⁴, стоянки Макан 4а и Макан-5 (Хайбуллинский район, 1995–1996 гг.), Азнаевское поселение (Ишимбайский район, 1998 г.)⁵, селище Шемяк-2 (Уфимский район, 2012–2013 гг.)⁶, Ибрагимовский аул (Кармаскалинский район, 2006–2007 гг.)⁷ и др. Исследователями были изучены топография и планировка поселений, остатки жилых и хозяйственных построек, получен представительный комплекс находок, состоящий из фрагментов глиняной, фарфоровой и фаянсовой посуды, металлических изделий, украшений и т.д. Здесь же был собран богатый нумизматический и остеологический материал.

Несмотря на то, что в ходе проведенных в 1990–2000-х гг. в РБ полевых археологических работ, было выявлено и исследовано несколько десятков поселенческих памятников башкир, нужно отметить, что в целом

¹ САПРБ. С. 15–16, 56–57, 64, 147–178 (№ 19, 169, 174–175, 205–206, 412, 502–503) и т.д.

² Яминов А.Ф., Савельев Н.С., Псянчин А.В. Указ. соч.; Акбулатов И.М., Ахтарянова Д.И., Котов В.Г., Минеева И.М., Савельев Н.С. Исследования Ирендыкской экспедиции на юге Башкирского Зауралья // Археологические открытия / Институт археологии. М, 2003/2004. С. 296–302.

³ Обыденнова Г.Т. Отчет о научно-исследовательской работе по ГНТП за 2005 г. Тема: «Башкирский аул» XVI–XIX вв. в историко-археологическом исследовании». Уфа, 2005 // Научный архив Лаборатории археологического источниковедения и историографии Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

⁴ Мажитов Н.А. Отчет об археологических работах в Башкортостане в 1994 г. Уфа, 1995 // Научный архив Археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Ф. 2. Д. 48. Л. 4–5.

⁵ САПРБ. № 293, 502–503. С. 91, 147–148.

⁶ Савельев Н.С. Изучение селища Шемяк-2 в Уфимском районе Башкортостана в 2012–2013 гг. // Известия археологического общества Республики Башкортостан. 2014. № 1 (1). С. 8–9.

⁷ Картунов А.И., Воробьева С.Л. Результат этнографо-археологического исследования башкирской деревни (аула) Тукус (Тукуч, Текес, Тукусево, Тукучево). Исследования и исследователи юго-востока России (XIX–XX вв.) // Вторые региональные историко-краеведческие чтения памяти проф. П.Е. Матвиевского. Оренбург, 2008. С. 95–98.

данное направление является не достаточно разработанным на сегодняшний день. В связи с этим, говоря об изучение башкирских поселений нельзя оставить без внимания проблемы их дальнейших исследований, которые во многом перекликаясь с общими вопросами изучения археологических памятников указанного времени, тем не менее, имеет свою специфику.

Поселенческая проблематика XVI–XX вв. в республике тесно связана, прежде всего, с ее малой изученностью и фрагментарностью, отсутствием целенаправленных широкомасштабных исследований, невысоким уровнем научного интереса, негативным антропогенным воздействием на культурный слой и т.д.¹ Однако одна из основных трудностей ее изучения определяется не разработанностью теоретических аспектов, методов и методик данных исследований.

В советское время в отечественной науке населенные пункты изучались, прежде всего, как социально-территориальные образования, развитие которых определялось влиянием экономических, общественно-политических, исторических и других факторов. Начиная с конца XX в. они стали рассматриваться как сложные социокультурные системы, для изучения которых стали использоваться методы междисциплинарных исследований.

Перспективным в этом плане является изучение поселений XVI – начала XX вв. на основе этноархеологического подхода, разрабатываемого группой археологов и этнографов во главе с Н.А. Томиловым из г. Омска. Предложенная ими методика базируется на выделении и исследовании многокомпонентных этнографо-археологических комплексов (ЭАК), каждый из которых представляет собой «фактически реконструированный или сконструированный с помощью данных этнографии археологический социокультурный комплекс», основу которого «составляют этнически определяемые археологические материалы памятников, обогащенные этнографической информацией». Выделенный с привлечением исторических данных ЭАК по мнению исследователей может быть исследован, насколько позволяют материалы и в плане выявления более ранних его этапов².

Изучение отдельных ЭАК XVI – начала XX вв. на территории Башкортостана осложняется их малой изученностью, недостатком комплексных археолого-этнографических исследований, отсутствием археологических карт наглядно демонстрирующих исчезнувшие (археологизировавшиеся) и существующие до настоящего времени старинные населенные пункты, проблемами систематизации и обработки археологического материала полученного с раскопов уже изученных

¹ Камалеев Э.В. Ахатов А.Т. Изучение поселенческих памятников XVI – XIX вв. На территории республики Башкортостан: проблемы и перспективы развития археологии нового времени в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014 № 4 (60) Т. 1. С. 17–21.

² Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы: Проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI–XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 1. Новосибирск, 1996. С. 16–17.

памятников и др.¹ Тем не менее, данная методика исследования, направленная на сопряжение археологических и этнографических методов, несмотря на имеющиеся трудности, в случае успешной ее апробации, может помочь при решении широкого круга вопросов связанных с изучением этно- и культуругенеза в регионе в целом.

Исследование непосредственно башкирских поселенческих памятников осложняется особенностями их хозяйственного и этнокультурного развития. На протяжении долгого периода времени башкиры были известны как кочевой и полукочевой народ, основу хозяйственного комплекса которого составляло скотоводство, сопряженное с постоянными или сезонными перекочевками. У скотоводческих народов в прошлом были известны два основных типа поселений – временные и стационарные. Первые характеризуются как сезонные стойбища с обитанием в переносных, а вторые как более устойчивые зимние селения с проживанием в стационарных жилищах.

По этнографическим материалам и письменным источникам в кочевой и полукочевой период истории башкир различали сезонные – весенние (язгы йорт), летние (яйляу), осенние (кезге йорт) и постоянные – зимние (кышлау) места стоянок. Именно последние, по мнению исследователей и стали основой для появления башкирских сел и деревень². По мнению С.Н. Шитовой, подход, основанный на выделение временных поселений (летовок, или летних стойбищ) и основных стационарных аулов, где первые связывались с кочевым образом жизни а вторые с переходом к оседлости, является не совсем верным, а сама указанная градация на указанные категории до некоторой степени является условной.

Ее исследования показали, что летовки в разных районах проживания башкир отличались между собой, осенние стойбища по характеру жилищ различались с весенними и летними, а стационарные аулы, являлись основным, но не единственным типом поселения у башкир. Долгое время в разных районах существовали зимние хутора – утары и выселки из двух трех домов. В тоже время, если весной, летом и осенью кочевая община из года в год останавливалась в строго определенных местах, то «постоянные» аулы были лишь фактически временным зимним пристанищем, оставаясь пустым с апреля-мая по октябрь³.

Тем не менее, сформировавшийся к настоящему времени корпус археологических материалов подтверждает деление башкирских селений на стационарные поселения-аулы и сезонные летовки, однако ввиду

¹ *Ахатов А.Т.* Проблемы выделения и изучения этнографо-археологических комплексов народов Южного Урала XVIII – начала XX вв. (по археологическим материалам республики Башкортостан) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул–Омск, 2015. С. 69–72.

² *Хисаметдинова Ф.Г.* Названия башкирских населенных пунктов XVI – XIX веков. Уфа, 2005. С. 60; *Шаяхметов Ф.Ф.* Между Великой Степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распространения земледелия в XVII–XIX вв. Уфа, 2005. С. 152.

³ *Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища... С. 23, 24.

немногочисленности и малоизученности поселенческих памятников XVI – начала XX вв., собранные данные не позволяют провести их дальнейшую классификацию на отдельные типы, классы и т.д.

Между тем, у скотоводов Казахстана, у которых так же исторически развивались два основных типа селений – временные и стационарные, исследователем С.Е. Ажигали различались собственно временные (кратковременные), временные сезонные, стационарные сезонные и стационарные оседлые (круглогодичные) поселения¹. Последние в свою очередь, по мнению исследователя Жолдасбаева С.Ж. занимавшегося изучением поселений казахов Южного и Центрального Казахстана XV–XIX вв. делились на следующие типы: 1) кыстау – зимовки, 2) кыстак-зимовка – поселение или селище, 3) уактылы корган – временный замок, укрепленный глиняными или каменными стенами со рвами, 4) кент (кала) – городище².

Изучение поселений башкир осложняется также спецификой этнокультурного развития региона в XVI – начале XX вв. (особенно в западных и северо-западных районах), когда в результате интенсивных миграций на территории региона уже к концу XVIII в. существовало большое количество этнически смешанных населенных пунктов. Активные межэтнические взаимодействия, приводили не только к межкультурному обмену, нивелировки культурных явлений, но и к смене этничности населения целых сел и деревень³.

Археологическое изучение населенных пунктов башкир тесно связано с широким кругом вопросов этногенетического, хозяйственного и культурного развития башкирского народа в целом. Одними из наиболее важных направлений их дальнейшего исследования (каждое из которых может стать отдельной темой), можно считать изучение структурных элементов составляющих поселения (жилые и хозяйственные постройки) и развитие планировки. В ходе археологических изысканий на территории республики в разные годы были обнаружены следы переносных и стационарных жилищных комплексов. Так, на отдельных памятниках были зафиксированы остатки жилых сооружений типа юрт (Юмаш-Тау-6, Петропавловский 7, Ургаза-5, Ургаза-6, Азнаевское поселение и т.д.), полуземлянок (Береговское поселение) и наземных бревенчатых домов (дер. Тэкэво).

В тоже время, на некоторых памятниках были отмечены кольцеобразная (Азнаевское поселение) и кучевая (Береговское поселение) планировка расположения жилищ⁴. Последний памятник, по мнению Н.А. Мажитова является зимней стоянкой башкир XV–XVI вв. и имеет некоторые аналогии с

¹ Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 153.

² Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 46–58.

³ Ахатов А.Т. Проблемы выделения и изучения... С. 71.

⁴ САПРБ. № 169, 174, 175, 293, 412. С. 55, 56, 57, 91, 123; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010. С. 466; Мажитов Н.А. Отчет об археологических работах... Л. 4–5.

одной стороны с более ранним памятником XIII–XIV вв. (Турналинское городище), а с другой с населенными пунктами башкир XVIII в.¹

Таким образом, в ходе проведенных в 1990–2010-х гг. в Башкортостане рекогносцировочных и стационарных археологических работ, было выявлено и исследовано несколько десятков поселенческих памятников башкир XVI – начала XX вв., представленных остатками сезонных стоянок – летовок (яйляу) и археологизировавшимися населенными пунктами (аулами). Однако проделанная в данном направлении работа, является начальным этапом археологических исследований поселений башкир указанного времени.

Несмотря на существующие проблемы их изучения связанными как с общей поселенческой проблематикой XVI–XX вв. в Башкортостане, так и с особенностями хозяйственного и этнокультурного развития башкир, археологическое изучение башкирских населенных пунктов может помочь при решении широкого круга вопросов этногенетического, хозяйственного и культурного развития башкирского народа в целом. Одними из наиболее важных направлений их дальнейшего исследования, можно считать изучение структурных элементов составляющих поселения (жилые и хозяйственные постройки) и развитие их планировки.

© Ахатов А.Т., 2015.

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 466.

ПЕРВИЧНАЯ ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ИСЛАМСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

A.G. Baimov

INITIAL TRAINING FOR MILITARY CHAPLAINS THE ISLAMIC CREED

Аннотация: В статье обращается внимание на проблему нехватки кадров в мусульманских религиозных организациях для работы в Вооруженных силах РФ. Указывается основные причины нежелания мусульманского духовенства работать военными имамами. Рассматривается процесс подготовки военного духовенства исламского вероисповедания в Российской исламском университете ЦДУМ России.

Ключевые слова: Армия, военный имам, капеллан, Российский Исламский Университет ЦДУМ России.

Abstract: This paper draws attention to the problem of shortage of staff in the Muslim religious organizations to work in the Armed Forces of the Russian Federation. It indicates the main reasons for the reluctance of Muslim clergy working chaplains. The process of preparing the military clergy of the Islamic religion in the Russian Islamic University CMSB of Russia.

Keywords: Army, the military imam, the chaplain, the Russian Islamic University CMSB of Russia.

В январе 2015 г. исполнилось 5 лет с момента официального воссоздания института военного духовенства. За это время были выявлены многие недостатки деятельности военных священнослужителей, и предприняты попытки для их устранения. Одной из таких недостатков является проблема кадров, в частности в мусульманских религиозных организациях. Подобная проблема в начале 90-х гг. была характерна и для Русской православной церкви, о чем в марте 1993 г. отметил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II: «хотелось бы видеть институт военного и морского духовенства восстановленным в ближайшее время и в полном объеме, соотносимом с дореволюционным временем. Я, однако, прекрасно отдаю себе отчет в том, что мы не сможем в одночасье к этому придти. Духовенства не хватает даже на приходах...»¹. С того момента прошло уже более 20 лет. Русская православная церковь накопила огромный опыт взаимодействия с армией, и на сегодняшний день не испытывает каких-либо трудностей в подборке кадров.

Ислам является второй по количеству верующих военнослужащих религией в армии. Но до сих пор слаженной работы мусульманских религиозных организаций в армии не наблюдается. По словам начальника отдела по работе с гражданами военного комиссариата РБ Каримьяна Сайфуллина, мусульманское духовенство часто игнорирует его приглашения

¹ Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Материалы конференции «Христианство и армия», проведенной в марте 1993 г. М., 1994. С.8.

участвовать в митингах, посвященных проводам новобранцев в армию: «Из 8 проведенных митингов в весенний призыв (2015 г. – прим. автора), мусульманское духовенство присутствовало только в 2-х¹». Также во время подготовки масштабных военно-стратегических учений «Южный щит – 2006» Синодальный отдел Московского патриархата по взаимодействию с ВС и Правоохранительными органами, отправил приглашение всем крупным муфтиятам 19 регионов, входившие в то время Приволжско-Уральский военный округ, с просьбой об участии в военных учениях. Откликнулся только Пермский муфтият, отправив на место сборов шестерых имамов. Остальные же проигнорировали приглашение². Вот, что об этом сказал в своем интервью Муфтий Мухамедгали Хузин, принявший участие в учениях: «Самое главное, наверное, что все зависит от готовности самих религиозных организаций к такой реальной работе. Ведь прошедшие армейские учения это очень ярко обнажили. Единственный муфтият, который принимал участие в учениях – Пермский. А ведь в военный округ входят 19 регионов России. Во всех регионах есть муфтии, муфтияты, общины и т.д. Где же они были? Понятно, что есть специфика. Не всех сегодня можно в армейскую среду допустить... Тем не менее факт остается фактом. Армия сегодня готова к работе с духовенством. Духовенство (имеется ввиду мусульманское духовенство – прим. автора) не готово прийти в армию³».

Причин для такого пассивного поведения мусульманского духовенства довольно много, приведем некоторые из них:

1) Разрозненность и отсутствие централизации мусульманских духовных управлений. Нет специальной административной единицы в мусульманских религиозных организациях, отвечающей за взаимодействие с ВС РФ как в Синодальный отдел по взаимодействию с ВС и Правоохранительными органами в РПЦ.

2) Средний возраст имамов превышает 55 лет⁴. Участие в военных учениях предусматривает определенные нагрузки, что требует физического здоровья от священнослужителей и определенной выносливости.

3) Не всех имамов можно допустить к работе с военнослужащими.

Устранение этих проблем стало бы возможным в дальнейшем при организации подготовительных курсов для военных имамов. В настоящее время единственной образовательной программой по подготовке военных имамов является курсы, созданные в 2012 г. на основе Факультета переподготовки повышения квалификации и дополнительного образования

¹ ПМА, октябрь 2015 г.

² Православные и мусульманские священнослужители впервые работают на военных учениях «Южный щит – 2006» // Православие.ru [электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/news/18434.htm>

³ Нам обязательно нужно вводить институт военного духовенства // Русская народная линия [электронный ресурс] http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/10/13/nam_obyazatel_no_nuzhno_vvodit_institut_voennogo_duhovenstva/

⁴ Хабибуллина З.Р. Корпус мусульманского духовенства Республики Башкортостан: состояние и тенденции развития. // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. № 3-2, Т. 155. 2013 г., С. 162–170.

Российского Исламского Университета ЦДУМ в г. Уфа, подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама для работы в Вооруженных Силах России. Деканом факультета является кандидат филологических наук, доцент Гареева Раушания.

Первый набор по указанной специальности был объявлен в 2012 г. Обучение состоялось из 5 блоков 2 раза в год. Обучаемые прошли 500 часовой курс лекций в течение 2,5 лет. В сентябре 2015 г. осуществлен первый выпуск полковых имамов в количестве 6 человек. Всем были выданы дипломы государственного образца с пометкой «Прошел профессиональную переподготовку на Факультете переподготовки повышения квалификации и дополнительного образования по программе Подготовка специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама для работы в Вооруженных Силах России» удостоверяющего «право на ведение профессиональной деятельности в качестве (статусе) служителя исламского вероисповедания для работы с верующими военнослужащими». В настоящий момент четверо из шести выпускников отправились на службу в качестве полкового имама в военные части Санкт-Петербурга, Ульяновска, Оренбурга, Крыма. Один из выпускников прошедших курсы военных имамов, в прошлом офицер правоохранительных органов, Мидхад Шакирьянов ныне преподает физкультуру в РИУ ЦДУМ.

Рисунок 1. Образец диплома полкового имама¹

¹ Фотография взята с сайта <http://cdum.ru>

Перед желающими получить дополнительное образование по вышеназванной специальности ставятся следующие требования:

- Служба в Российской армии или в других силовых структурах РФ (желательно офицер запаса или в отставке);
- Не старше 60 лет;
- Среднее или высшее светское образование;
- Начальное, среднее или высшее религиозное образование.

Зачисление кандидатов осуществляется по итогам собеседования.

Обучение делится на 3 этапа: 1) Светские дисциплины (психология, психология общения, педагогика, педагогика личности), лекторы приглашаются из числа преподавателей БГПУ им. Акмуллы; 2) Военное право, лекции читал начальник управления по работе с верующими военнослужащими Минобороны России Борис Лукичев; 3) Религиозные дисциплины – преподаватели РИУ ЦДУМ.

В январе 2015 г. состоялся новый набор слушателей курсов. Заявок было подано около 20, но в настоящее время обучаются по программе только 8 человек. «Понятное дело, не все из зачисленных завершат обучение. У слушателей есть семьи, свои заботы, и ресурс времени у них сильно ограничен» – отметила Гареева Раушания. Также она считает неправильным сокращение времени обучения до 250 часов.

Мусульманское духовенство востребовано в современной Российской армии. Об этом свидетельствует ряд событий произошедших в Вооруженных Силах России в недавнем прошлом. Например, раздутый в СМИ как «Исламский бунт» событие, произошедшее в октябре 2010 г. в авиабазе ВВС «Сокол» в Пермской области. Более ста военнослужащих, выходцев Северокавказского региона, отказались выполнять приказы русских офицеров, нарушали устав и дисциплину. Командир воинской части Дмитрий Кузнецов был вынужден обратиться за помощью к мусульманскому духовенству, чтобы урегулировать конфликт. В итоге инцидент был исчерпан во многом благодаря имамам¹. Другой пример: «окопные священники» часто говорят о том, что перед боем к ним иногда обращаются военнослужащие-мусульмане с просьбой окропить их святой водой, т.к. «имама же нет». «Был у меня когда-то случай на войне: я отправлял в бой отряд спецназа. И собирался окропить их святой водой. А бойцы мне говорят, что в строю есть один мусульманин. Попросил его выйти вперед и спрашиваю: «Ты не против, если я тебя тоже святой водой окроплю?». Он улыбнулся и сказал, что может погибнуть в бою, поэтому совершенно не против²». Обращения военнослужащих-мусульман к командованию воинской части с просьбой об организации встречи с имамом имеют место быть и в мирное время, о чем отметил при интервьюировании майор в отставке

¹ На военной базе разгорелся исламский бунт // Новости 59.ru [электронный ресурс] <http://59.ru/text/news/327257.html>

² Сборы военного духовенства в Воронеже: как боевые офицеры становятся священниками // Комсомольская правда [электронный ресурс] <http://www.vrn.kp.ru/daily/26387.4/3264935/>

Перченко Александр, в прошлом заместитель командира по воспитательной работе военной части в г. Елань, Свердловская область. Говоря о востребованности военных имамов нельзя не упомянуть и современную геополитическую ситуацию. В своих обращениях к мусульманам России, террористы ИГИЛ часто называют Россию «Страной кяфиров». Отсутствие полковых имамов в Российской армии может создать иллюзию у некомпетентных мусульман-военнослужащих о справедливости этих слов.

Таким образом, на сегодняшний день проблема нехватки кадров среди мусульманского духовенства для работы с верующими военнослужащими очевидна. Очевидно и то, что военные имамы востребованы в армии. За последние годы делаются попытки устранения дефицита военных имамов. С этой целью были организованы подготовительные курсы в РИУ ЦДУМ. На данный момент осуществлен лишь первый выпуск полковых имамов, и обучение скорее является экспериментальным, нежели налаженным.

© Баимов А.Г., 2015.

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
2010 ГОДА (ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ БАШКИР/ТАТАР)**

E.N. Batyrshina

**NORTH-WESTERN REGION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN
BY MATERIALS OF RUSSIAN CENSUS OF 2010
(ETHNO-LINGUISTIC COMPOSITION OF BASHKIRS AND TATARS)**

Аннотация: Активные этнические процессы затрагивают языковую сферу, степень изменений которых еще предстоит выяснить. При неплохой изученности этнических процессов на территории Повожья, Приуралья, северо-запад Республики Башкортостан выглядит белым пятном на карте исследований, языковые процессы на северо-западе Башкортостана изучались с точки зрения языка, но не истории и этнографии.

Ключевые слова: Язык, этническое самосознание, этноязыковые процессы, статистические данные.

Abstract: Active ethnic processes affect the scope of the language, the level of variability that have to be found out. With a good scrutiny of ethnic processes in the Volga region, the Urals, the north-west of the Republic of Bashkortostan looks blank spot on the map of research, language processes in the north-west of Bashkortostan had been studied from the point of view of language, but not history and Ethnography.

Keywords: Language, ethnic consciousness, ethno-linguistic processes, statistics.

С 14 октября по 25 октября 2010 г. в России прошла очередная Всероссийская перепись населения. Известно, что перепись ставит целью получение обобщенных демографических, экономических и социальных данных в отношении всех лиц, находящихся на определенную дату в стране. На данный момент материалы переписи по Республике Башкортостан обработаны и стали достоянием общественности¹. В рамках тезисов нам бы хотелось проанализировать этноязыковую ситуацию в регионе среди башкир и татар.

К северо-западному региону республики традиционно относят города: Нефтекамск, Дютюли, Янаул и Агидель, а также Аскинский, Балтачевский, Дюртюлинский, Калтасинский, Краснокамский, Татышлинский, Янаульский районы. Северо-западный регион Башкортостана с конца XVII – начала XVIII вв. формировался как многонациональный. Колонизационная политика Российского государства способствовала переселению в край татар, марийцев, удмуртов.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность жителей Нефтекамска составляет 133535 человек. В национальном составе города башкиры составляют – 25,8 % – это 34126 человек (из них 15600 –

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013.

мужчины, 18536 женщины), татары – 31,5 % – это 41701 человек (из них 19883 – мужчины, 21818 – женщины). Лица не указавшие свою национальность составляют 1095 человек.

Следующий по величине – город Дюртюли. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность жителей г. Дюртюлей 31725 человек. В национальном составе города башкир – 23,2 % – это 7267 человек (из них мужчин 3298, женщин 3969), татары – 64,1 % – это 20062 человек (из них 9681 мужчин, 10381 женщин).

Следующий город – Янаул. В 2010 г. число его жителей составило 26597 человек. Национальный состав города согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. следующий: башкиры – 39,4 %, или 10574 (из них мужчин 4879, женщин 5695), татары – 29,9 %, или 8034 (из них мужчин 3926, женщин 4108).

Одним из самых молодых городов республики является Агидель. Численность населения города – 16370 человек. Национальный состав населения, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года: башкиры – 22,2 %, или 3165 (из них мужчин 1335, женщин 1830), татары – 53,6 %, или 7662 (из них мужчин 3568, женщин 4094).

В Аскинском районе проживает 21272 человека. Из них башкир – 68,9%, или 14642, татар – 19,4%, или 4125.

В Балтачевском районе проживает 21623 человека. Из них башкир – 51,1%, или 10962 человека, татар – 31,2%, или 6701.

В Дюртюлинском районе проживает 64426 человек. Из них башкир – 36%, или 22965, татар – 49,3%.

В Калтасинском районе проживает 26268 человек. Из них башкир – 10,2%, или 2644, татар – 14%, или 3646.

В Краснокамском районе проживает 27986 человек. Из них башкир – 31,3%, или 8752 человека, татар – 25,8%, или 7220.

В Татышлинском районе проживает 25159 человек. Из них башкир – 60,1%, или 15114 человек, татар – 14,9%, или 3754.

В Янаульском районе проживает 48134 человека. Из них башкир – 43,3%, или 20805 человек, татар – 22,8%.

Таким образом, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в четырех городах северо-запада РБ проживает 208554 человек. Из них башкир 55132 человек, что составляет 26,4 %; татар 77459 человек – это 37,1 %.

Прослеживается любопытная тенденция: численность башкиро-татарского населения не совпадает с численностью носителей языка этих национальностей. Наглядно это можно продемонстрировать в следующей таблице 1.

Таблица 1 – Этноязыковая ситуация среди татар/башкир в северо-западном регионе РБ по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г.

№	Административная единица	Численность башкир по переписи населения 2010 г.	Численность населения, владеющая родным башкирским языком	Численность татар по переписи населения 2010г.	Численность населения, владеющая татарским языком
1	Нефтекамск	34126	12587	41701	36800
2	Дюртюли	7267	4279	20062	26166
3	Янаул	10574	8188	8034	15195
4	Агидель	3165	2384	7662	9415
5	Аскинский р-н	14642	14425	14125	14488
6	Балтачевский	10962	4865	6701	13557
7	Дюртюлинский	22965	14867	31430	50850
8	Краснокамский	8752	6604	7220	13396
9	Калтасинский	2644	917	3646	7438
10	Татышлинский	15114	9157	3754	21257
11	Янаульский	20805	17168	10950	28920
	ИТОГО	151016	95441	155285	237482

Следовательно, этническое самосознание не совпадает с материалами статистики. Население числится башкирским, но самосознание жителей скорее татарское, чем башкирское. Идет процесс смены этнического самосознания и не в пользу титульной нации республики.

© Батыршина Э.Н., 2015.

АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА (КРАТКИЙ ОБЗОР)

I.I. Bakhshiev

ARCHAEOLOGY OF SOUTH URAL'S STEPPE ZONE IN BRONZE AGE IN THE FIRST QUARTER OF XX CENTURY (BRIEF SUMMERY)

Аннотация: В работе рассматривается история археологических исследований на территории степной зоны Южного Урала, проведенных в годы, предшествовавшие началу профессионального планомерного изучения памятников. Характеризуются комплексы эпохи бронзы исследованные И.А. Кастанье, Н.К. Минко и С.Н. Дурылиным.

Ключевые слова: история археологии, Южный Урал, эпоха бронзы, И.А. Кастанье, Н.К. Минко, С.Н. Дурылин.

Abstract: The history of the archaeological researches in the territory of the steppe zone of South Ural, conducted in the years preceding the beginning of professional systematic study of sites, is considered in the article. The archaeological researches of Bronze Age complexes conducted by I.A. Kastanye, N.K. Minko and S.N. Durylin are evaluated.

Keywords: History of archaeology, South Ural, Bronze Age, I.A. Kastanye, N.K. Minko, S.N. Durylin.

Продолжателями работ Р.Г. Игнатъева и Ф.Д. Нефедова в Оренбургской ученой архивной комиссии являлись председатель организации А.В. Попов, И.С. Шукшинцев и И.А. Кастанье, А.П. Гра и Н.Е. Макаренко¹. Основу научных разработок этого периода составляет совместная статья А.В. Попова и И.А. Кастанье «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и киргизской степи» (1906)² и монография И.А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (1910)³, предоставляющие общую картину археологической изученности исследуемой территории.

¹ Более подробно о научной деятельности Р.Г. Игнатъева и Ф.Д. Нефедова см.: *Обыденнов М.Ф.* История археологического изучения бронзового века Урала. Уфа, 1990; *Кульшарипов М.М.* Р.Г. Игнатъев – видный исследователь истории Башкортостана // Вестник Башкирского государственного университета. № 2 (том 11). 2006. С. 82–85; *Бахшиев И.И.* Археологическое исследование памятников эпохи бронзы Ф. Д. Нефедовым (1839–1901) // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2007. С. 49–50; *Он же.* История археологии на Южном Урале во второй пол. XIX в. – нач. XX в. и вклад Р. Г. Игнатъева в её развитие // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана. Уфа, 2008. С. 44–50; *Евгеньев А.А.* Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в.: дис. ... канд. истор. наук: 07:00:06. Оренбург, 2008; *Роднов М.И.* Археологическая информация на страницах «Уфимских губернских ведомостей» (1865–1895 годы) // Уфимский археологический вестник. Вып. 8. 2008. С. 130–133; *Он же.* Игнатъев: историк на государственной службе // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – нач. XX вв.): персонально-биографический аспект. Уфа, 2013. С. 158–162.

² *Попов А.В., Кастанье И.А.* Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и в киргизской степи // Труды ОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 206–226.

³ *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. 22. Оренбург, 1910.

Основными раскопками А.В. Попова являлись исследования кургана «Шихан» и курганной группы на Бердинской горе¹. Вскрытые им захоронения относятся к периоду раннего железа, на что также указывают комментарии к этим памятникам М.И. Ростовцева². Непосредственный же научный интерес А.В. Попова связан с исследованиями каменных жертвенников савромато-сарматского периода. Деятельность А.В. Попова в сфере охраны памятников истории и археологии выразилась в организации архивоведческих, археологических и научно-исследовательских работ. По проекту предусматривались финансовые санкции, а также уголовная ответственность за порчу или нанесение вреда памятникам истории и археологии³. Необходимо упомянуть и о раскопках Н.Е. Макаренко в 1908 г. на той же Бердинской горе. Он исследовал 3 кургана (№№ 1, 6–7). В курганах №1 и № 7 сохранность костяков была совершенно плохая (в кургане №7 костяк отсутствовал – *И.Б.*). Интерес представляет погребение из кургана №6: «...на глубине 1 арш. Среди пространства, ограниченного каменной обкладкой, обрисовалась могильная яма и на глубине 2 ¼ арш. В западном углу ямы обнаружен костяк, прикрытый сверху плитами. Кости лежали как бы в беспорядке. В ЮЗ части ямы лежал вверх дном, глиняный сосуд»⁴. В андроновском круге памятников аналогии такого рода погребениям довольно многочисленны – см. напр. могильники Малый Койтас (мог. №1), Канай (мог. № 1, 2, 5, 13–19)⁵ и др.

Рассматривая работы И.А. Кастанье, отметим активность и широкую эрудицию этого исследователя. В отличие от А.В. Попова «который основной акцент деятельности ОУАК ставил в плоскости практической охраны и учета археологических памятников на территории Оренбургской губернии, И.А. Кастанье в историю южно-уральской археологии вошел как первый археолог-интерпретатор»⁶.

Начиная с 1904 г. И.А. Кастанье проводит раскопки курганов не только в оренбургских степях, но и в Северном Казахстане. Например, при раскопках в Актюбинском уезде Оренбургской губернии им выявлена серия андроновских захоронений. Там же им исследован крупный курган высотой 12 м, насыпь которого состояла из мелкой утрамбованной гальки. Первым было обнаружено погребение, относящееся к кочевникам позднего средневековья. Положение костяка – вытянуто на спине, ориентирован

¹ *Попов А.В.* Дневник раскопок кургана «Шихан» и других в окрестностях г. Оренбурга, произведенных летом 1897 года А.В. Поповым // Труды ОУАК. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 105–116; *Он же.* Исследования последних курганов на Бердинской горе 8–11 мая 1905 года // Труды ОУАК. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 202–205.

² *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. Вып. 37. Петроград, 1918. С. 29.

³ *Обыденнова Г.Т.* Очерк истории Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия. Уфа, 2002. С. 18–19; *Евгеньев А.А.* История развития археологии Оренбуржья в дореволюционный период // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. 2004. С. 127–128.

⁴ *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи... С. 33.

⁵ *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 88, 1960. С.14–15, 31–32, 34–35.

⁶ *Обыденнова Г.Т.* Указ. соч. С. 22.

головой на ЮЗ. Сопроводительный инвентарь: железный кинжал, колчан из березовой коры, железные наконечники стрел (по определению И.А. Кастанье «татарского типа» – *И.Б.*). Раскопки были продолжены так как, «нельзя было предположить, что такой большой курган был предназначен для одного только человека...».

Наибольший интерес представляет для нас, выявленный глубже описанного выше костяка скелет в скорченном положении, ориентированный головой на ЮЗ. Из сопутствующего инвентаря автор отмечает лишь присутствие сильно коррозированного железного предмета. Двумя метрами глубже в восточном секторе кургана обнаружены еще два костяка так же ориентированные на ЮЗ. Один – в скорченном положении с «отрубленной головой» (определение И.А. Кастанье – *И.Б.*), которая располагалась рядом с костяком на площадке из красной глины. Другой костяк находился в вытянутом положении, череп отсутствовал, сопутствующего инвентаря обнаружено не было. Метром ниже исследователь вышел на уровень нетронутого материка¹. Отмеченный археологический сюжет, с определенной долей условности, может быть сопоставлен с традициями захоронения черепов, отдельных тел без черепов, а также устройства глиняных постаментов в погребальных камерах фиксируемые археологами в комплексах ямной культуры Волго-Уралья².

Необходимо отметить деятельность Н.К. Минко, С.Н. Дурылина, М.Д. Черноскутова в окрестностях Челябинска. Как отмечает С.А. Григорьев, «только Н.К. Минко раскопал в районе Челябинска около 40 насыпей эпохи бронзы»³. В своем письме И.А. Кастанье Н.К. Минко сообщает, что в общем количестве им было исследовано 60 курганов. Наиболее интересным является приведенное описание андроновских погребений, «...которые к слову сказать, в окрестностях Челябинска отличаются большим разнообразием». Характеризуя исследованные погребения автор определяет ведущие признаки – неглубокие могилы, обложенные с нескольких сторон плахами, камнями или в одном случае каменными плитами. Из обряда положения покойника в погребении, отмечает, обряд трупосожжение, «перемешанные кости», а также погребения в скорченном положении в неглубоких могилах⁴. В то же время С.Н. Дурылин указывает на цифру 112

¹ *Кастанье И.А.* Отчет о раскопках в Актюбинском уезде (Тургайская обл.) летом 1909 г. // Труды Оренбургской архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1910. С. 73–74.

² *Файзуллин И.А.* Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. № 3 (2). 2014. С. 592–593; *Файзуллин И.А.* Социологическая интерпретация неординарных обрядов в захоронениях ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 40–43; *Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Григорьев Н.Н.* Самарский II курганный могильник – новый некрополь ямной культуры в Башкирском Зауралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11, 2014. С. 114.

³ *Григорьев С.А.* История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. Челябинск, 2002. С. 43.

⁴ *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи ... С. 35.

курганов вскрытых Н.К.Минко¹. К сожалению, более развернутые публикации по итогам раскопок Н.К. Минко отсутствуют.

Как справедливо отмечает С.Н. Дурылин, существуют всего два источника по раскопкам Н.К. Минко:

– выше приведенное письмо Минко к Кастанье, в котором он кратко описывает исследованные погребальные комплексы;

– краткое сообщение о раскопах в 1909 г., опубликованное в «Отчете Археологической Комиссии за 1909–1910 гг.»².

Таким образом, несмотря на активные полевые работы в районе Челябинска в начале XX в., итоги их оказались фактически потерянными для науки. Погребения в основном относились к алакульской и федоровской культурам, в ряде погребений присутствовала синкретическая кожумбердынская керамика.

С.Н. Дурылин предложил на основании имеющихся материалов могильников Смолино и Сухомесово свою упрощенную периодизацию, которая как отмечает С.А. Григорьев, основываясь на работе опубликованной в «Записках Уральского отделения любителей естествознания» от 1927 г.³, «базируется не на стратиграфических наблюдениях, а на логических посылах». Суть периодизации заключалась в предположении, что поначалу население хоронило по обряду трупоположения, а только затем появился обряд кремации⁴.

Между тем С.Н. Дурылин в другой своей работе того же года не отмечает хронологический приоритет погребений, выполненных по обряду трупосожжения, а предполагает возможность взаимодействия носителей этих двух различных типов погребального обряда. В ходе этих диффузионных процессов, по мнению С.Н. Дурылина, население, практиковавшее ранее захоронения в виде трупоположения «переняв от другого народа другой способ погребения – трупосожжение, соединил старое с новым...»⁵. Таким образом, С.Н. Дурылин не отмечает эволюционное преобразование одной традиции погребальной обрядности в другую, а предполагает их сосуществование с небольшим хронологическим приоритетом погребений, выполненных по обряду трупоположения.

¹ Дурылин С.Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Книга 1. Челябинск, 1927. С. 56.

² Там же.

³ Дурылин С.Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XL. 1927. Вып. 2.

⁴ Григорьев С.А. Указ. соч. С. 44.

⁵ Дурылин С.Н. Челябинские курганы... С. 66.

Большое внимание С.Н. Дурылин уделял анализу керамических комплексов. По-видимому, это было обусловлено влиянием работ В.А. Городцова, подчеркивающего важность исследования древней керамики¹. С.Н. Дурылин определил схожие черты в керамике из погребений в районе Челябинска с комплексами андроновской культурой Минусинской котловины. Нельзя не отметить его наблюдения, во многом предвосхитившие более поздние выводы о многокомпонентности сложения андроновской общности. Он выделяет в погребениях Челябинской области «...много перекрестных культурных влияний, и вся керамика, как и сам тип погребения, представляется сложной, сложившейся под многими и различными влияниями разных культурных очагов»².

© Бахшиев И.И., 2015.

¹ *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1905 г. // Труды XIII археологического съезда. Т.1. М., 1907. С. 211–365; *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916; *Мелешко Б.В.* Периодизация степной бронзы и становление археологической теории В.А. Городцова // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 18.

² *Дурылин С.Н.* Челябинские курганы... С. 69.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОНИТОРИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ Г.О. САМАРА)**

Yu.N. Guseva, G.E. Kozlovskaya

**ETHNIC TOLERANCE IN YOUTH
(BY MATERIALS IN SAMARA EDUCATIONAL INSTITUTIONS)**

Аннотация: В статье представлены результаты социологического исследования по теме «Этническая толерантность в молодежной среде», проведенного среди подростков образовательных учреждений г.о.Самара осенью 2014 г. Анализируются основные результаты мониторинга, даются практические рекомендации общего характера.

Ключевые слова: социологический опрос, этническая толерантность, этническая терпимость, молодежь, Самара.

Abstract: It presents the results of a sociological survey on the topic «Ethnic tolerance among young people» in Samara`s schools in autumn 2014. It analyses the results of opinion poll.

Keywords: opinion poll, ethnic tolerance, youth, Samara.

Российское общество, следуя в русле мировых глобальных изменений социального, мировоззренческого, геополитического характера, находится в состоянии неустойчивого равновесия. Разнонаправленность и сложность настоящего момента переживается личностью и социумом неоднозначно: актуализируются вопросы самоидентификации, поиска этнической идентичности, в качестве маркеров собственного «я» утверждаются новые светские и религиозные идеалы. Тем более важно понимать, как выглядит реальная картина на микроуровне: анализ частных случаев дает основания для научного обобщения и выработки практических рекомендаций в данном вопросе на общероссийском уровне.

Современные эксперты и СМИ нередко представляют Самару, Самарский регион как «проблемный», находящийся в «зоне риска» в области межнациональных отношений¹. По данным, приводимым Н.С. Мухаметшиной в экспертном докладе распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем в ПФО, в 2012 г. среди населения Самарской области уровень этнической терпимости составлял 22% (из 100 теоретически возможных)².

Исследование выполнено в рамках реализации муниципальной программы городского округа Самара «Самара многонациональная» (на 2014–2016 годы) на базе лаборатории социологических исследований в образовании Центра развития образования г.о. Самара.

¹ См., например, исследование Центра изучения национальных конфликтов «Гроздь Гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России» (весна-осень 2014 г.) <http://club-rg.ru/the grapes of wrath/02>, (дата обращения – 20 мая 2015).

² Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. Москва-Ижевск, 2013. С. 73.

Трудно не согласиться с тем, что Самара находится в зоне повышенного риска ввиду исторически сложившейся и динамично меняющейся картины этнического и религиозного многообразия. В настоящее время в Самарской области проживают представители 157 национальностей, зарегистрированы более 100 национально-культурных общественных объединений, в том числе 43 национально-культурные автономии. Здесь представлены все основные конфессии, официально зарегистрировано более 500 религиозных организаций. При этом, как и во многих субъектах РФ, здесь наблюдается массивный приток мигрантов из различных, преимущественно «мусульманских» территорий: до последнего времени их количество измерялось десятками тысяч ежегодно. Именно с фактором интенсивной миграции многие специалисты связывают ухудшение состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в России, впрочем, как и во всем мире.

У государства присутствует четкое понимание важности и сложности решения данного вопроса, предпринимаются разноплановые усилия в этом направлении, но существует очевидная проблема систематического мониторинга состояния дел внутри различных этнических и конфессиональных групп, в области этноконфессиональных взаимодействий, особенно в мигрантской среде. Еще большую обеспокоенность экспертов вызывает изучение рефлексии принимающего сообщества, в особенности наиболее уязвимой для экстремистских, радикальных идей, части населения – молодежи. В связи с этим важно выяснить, с какими установками и стереотипами современные подростки включаются и взаимодействуют в социальном пространстве.

В связи с этим в образовательных учреждениях Самары в сентябре – ноябре 2014 г. было проведено исследование, направленное на изучение степени ксенофобии, толерантности в этнорелигиозной сфере среди подростков. В качестве наиболее адекватного метода сбора информации для решения поставленных задач был выбран анкетный опрос. Выборка – стратифицированная непропорциональная. Всего было опрошено 1415 учащихся 9-11-х классов общеобразовательных учреждений Самары. Из них: 750 учащихся по теме «Этническая толерантность в молодежной среде».

Анализируя результаты исследования, отметим следующее. Большинство подростков характеризуют отношение в школе к ученикам другой национальности как вполне толерантное – 60,0% (таблица 1). Тем не менее, почти пятая часть опрошенных (18,6%) отмечает, что в школе есть определенная напряженность (не проблемы!) в межнациональных взаимоотношениях. Чуть больше учащихся (21,4%) не смогли сформировать свое мнение по этому вопросу.

Таблица 1. Подростки о состоянии межнациональных отношений в школе
(% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
определенная напряженность и неприязнь к другим национальностям существует	18,6
в нашей школе одинаково положительное отношение к людям разных национальностей	60,0
затрудняюсь ответить	21,4
Итого	100,0

Складывающееся из оценок школьников вполне благоприятное представление о межэтнических отношениях на уровне школы заметно меняется, когда речь идет о межнациональных отношениях на уровне города в целом (таблица 2). В этом случае подавляющее большинство школьников считает, что в самарском сообществе присутствует этническая интолерантность (68,9%).

Таблица 2. Представление подростков о межнациональных отношениях в городской среде (% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
в Самаре есть неприязнь к другим национальностям	68,9
в Самаре одинаково хорошо относятся к людям разных наци	10,2
затрудняюсь ответить	20,9
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>

Де-факто подтверждая это, больше половины школьников отметили, что сталкивались с проявлением неприязни по национальному признаку (таблица 3). Причем 14,4% подростков сталкивались с этим по отношению к себе лично, а каждый второй – по отношению к другим людям (53,4%). В результате мы получаем достаточно высокий процент (67,8) тех, кто в той или иной форме зафиксировал подобные явления.

Таблица 3. Школьники о фактах проявления неприязни по национальному признаку в городском пространстве (% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
приходилось сталкиваться по отношению к себе	14,4
приходилось сталкиваться по отношению к другим людям	53,4
никогда с этим не сталкивался	32,1
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>

Для выявления скрытых, неосознанных этнических установок в опросе были использованы проективные вопросы, моделирующие ситуацию выбора коллег, друзей и брачного партнера. В результате выявилась тенденция к увеличению роли национальности по мере увеличения степени близости группы к индивиду. Так, менее всего национальность значима при приеме на работу, а более всего, что вполне объяснимо, при выборе брачного партнера (таблицы 4,5,6).

Таблица 4. Значение национальной принадлежности в проективной ситуации выбора сотрудника при приеме на работу (% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
имела бы большое значение.	10,5
национальность была бы не очень важна	43,7
национальность не имела бы никакого значения	31,3
трудно сказать	14,5
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>

Таблица 5. Значение национальной принадлежности в проективной ситуации выбора друзей, если представители их национальности участвовали в террористических актах (% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
имела бы большое значение	17,5
национальность была бы не очень важна	24,5
национальность не имела бы никакого значения	33,3
трудно сказать	24,7
Итого	100,0

Таблица 6. Значение национальной принадлежности в проективной ситуации выбора брачного партнера (% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
женюсь (выйду замуж) только на человеке своей национальности	33,7
могу жениться (выйти замуж) на человеке определенной нации	17,0
национальность значение не имеет	25,4
трудно сказать	23,9
Итого	100,0

Следующий важный вопрос – отношение подростков к приезду мигрантов в Самарскую область. Его можно назвать скорее негативным – 57,8% опрошенных с разной степенью категоричности выступают за ограничение въезда мигрантов, а еще почти каждый пятый (19,8%) не имеет определенного мнения по этому вопросу (таблица 7).

Таблица 7. Отношение подростков к приезду мигрантов в Самарскую область (% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
положительно	16,8
думаю, что приезд мигрантов надо ограничить	44,5
считаю, что нужно совсем запретить приезжать в наш город мигрантам	13,3
безразлично	1,8
другое	3,8
затрудняюсь ответить	19,8
Итого	100,0

В современном образовательном учреждении реализуется такая важная задача как воспитание толерантности у подростков. С этой целью в школах организуются различные мероприятия. Однако результаты опроса показывают, что лишь каждый третий опрошенный ученик отмечает наличие таких мероприятий в школе (34,7%). Остальные подростки говорят либо об отсутствии мероприятий на данную тему (30,8%), либо не могут о них вспомнить (34,5%), что свидетельствует о невысокой продуктивности таковых (таблица 8).

Таблица 8. Школьники о проведении мероприятий на тему межнационального общения
(% от числа опрошенных, N=750)

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля опрошенных</i>
мероприятия проводятся	34,7
мероприятия не проводятся	30,8
не помню, затрудняюсь ответить	34,5
<i>Итого</i>	<i>100,0</i>

Согласно полученным данным, в подростковой среде образовательных учреждений Самары ситуация в области этнических отношений относительно стабильна. Одновременно зафиксированы тенденции, которые могут способствовать ухудшению ситуации: фактически каждый пятый подросток (20% всех опрошенных) находится в зоне относительной конфликтности, то есть в той или иной степени испытывает (на себе или к кому-то) чувство этнической нетерпимости.

Подводя итоги, отметим, что Самара и Самарская область находятся в русле общих тенденций, характерных для других областей ПФО. Опираясь на оценки экспертов и сравнительный анализ материалов по Поволжскому региону, можно констатировать, что точка невозврата в вопросах радикализации, роста экстремизма не пройдена, но негативные процессы прогрессируют. В связи с этим исключительную роль начинает играть работа по купированию негативных тенденций. Систематический мониторинг должен быть одним из краеугольных камней в основание фундамента мирного сосуществования этносов и конфессий, корректного решения подобных проблем, но при этом он сам составляет проблему. Существуют разнообразные социологические исследования, которые так или иначе затрагивают этот вопрос, но зачастую они не дают возможности рассуждать о динамике происходящих процессов, не касаются данной целевой группы.

Особое значение имеет конструктивная деятельность в этом направлении в системе образования. Современная «школа и вуз являются ведущими институтами социализации, играющими важнейшую роль в (вос)производстве доминирующих способов осмысления человеком себя и окружающей социальной реальности, и, следовательно, в воспроизводстве определенного образа действий»¹.

Наибольшее внимание должно быть приковано не только к объекту воздействия, но и к субъекту – учителю. Однако учителя зачастую не обладают уверенностью и навыками, необходимыми для решения таких проблем, школьная система при определенных условиях может способствовать усилению невежества и нетерпимости в противовес идее сосуществования и терпимости. Одним из ключевых направлений работе государственных и общественных организаций должна стать поддержка образовательных учреждений с тем, чтобы они могли сыграть более целенаправленную, упреждающую роль в предотвращении конфликтов на этнической и конфессиональной почве.

© Гусева Ю.Н., Козловская Г.Е., 2015.

¹ Вовлечение молодежи в усилия по противодействию насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму. Отчет о выводах и рекомендациях Совместное заседание экспертов в формате «круглого стола» Секретариата ОБСЕ и Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. Вена, 23 и 24 октября 2012. Вена, 2012. С. 32.

**ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА В
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА (ПО
ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Yu.G. Dinikeeva

**CHILDBIRTH RITUALS IN TRADITIONAL CULTURE
OF RUSSIANS OF BASHKORTOSTAN (BASED ON FIELDWORK)**

Аннотация: В статье рассматриваются обряды, связанные с рождением ребенка, характерные для традиционной культуры русских Башкортостана. Описываются особенности проведения родов, деятельность повивальной бабки, поведение роженицы, а также действия и средства направленные на усиление родовой деятельности.

Ключевые слова: родинные обряды, рождение ребенка, роженица, традиционная культура, русские Башкортостана, повивальная бабка.

Annotation: The article is considered with the the rites associated with the birth of a child, typical of the traditional culture of the Russian population of Bashkortostan. We describe the features carrying out childbirth, midwife activity, behavior pregnant woman, as well as actions and means to strengthen activities in childbirth and their favorable outcome.

Key words: rites of birth, birth of a child, a woman in labor, traditional culture, the Russian population of Bashkortostan, a midwife.

Родинные обряды относятся к циклу семейной обрядности. Для любого общества важным является вопрос воспроизводства. Родинный обряд наделен множеством запретов, действий, процедур, направленных на благополучный исход родов, сохранение жизни и здоровья матери и ребенка. Они представляют собой научную ценность, так как отражают этнический характер, психологию, своеобразие народной культуры. Этим обусловлена актуальность данной темы. В родинном обряде можно выделить определенные периоды: дородовый – связанный с периодом беременности женщины, рождение ребенка и послеродовый. Цель нашего исследования – рассмотрение второго периода, то есть обрядов, связанного с рождением ребенка в традиционной культуре русских Башкортостана. В качестве основных источников используются полевые материалы автора, собранные в 2013–2015 гг. на территории республики.

Местом проведения родов традиционно выбирались изолированные помещения. Роды проводились в доме при отсутствии всех членов семьи или для этого освобождалась одна его половина. С целью уединения, скрытности использовать хлев и другие постройки. Благоприятным местом для проведения родов также была баня: «если роженица еще терпит, баню затопляли, в бане рожали, – чтоб никто не видал, не слышал, чтобы потом все

смыть»¹. Баню топили старшие родственницы или сама роженица, почувствовав приближение родов. Предвестниками считали такие симптомы, как ломота в теле, боли в спине и внизу живота. Положение женщины во время родов не было одинаковым в различных районах. Так, рожали в положении лежа с согнутыми коленями, на полу или на койке. Если печь была большого размера, рожали на ней. Это имело практическое (было тепло) и символическое (как символ русского дома) значения. Русские Дюртюлинского района поверхность застилали ветошью или соломой, которую удобно было собрать и сжечь². Однако многие информаторы Дуванского района утверждают, что все физиологические выделения после родов не принято было сжигать, так как они являются плотью живого человека и их обязательно вымывали с использованием большого количества воды³. Совершались роды и в положении стоя, держась руками за полотенце, которое закреплено к перекладине. А также сидя на корточках или стоя на коленях, опираясь на койку⁴ (такое положение характерно для тюркоязычных народов, к примеру, башкир⁵). В Бирском районе зафиксирован случай, когда женщина рожала стоя на коленях перед сидящим мужем, облокачивалась на его колени, а повитуха снизу подхватывала родившегося ребенка⁶. При частых родах женщины рожали «где придется» – в поле во время страды, в сарае. Бывало, женщина, почувствовав приближение родов, сама готовила все необходимое – теплую воду, чистые холстины, а затем подсказывала старшей дочери, как необходимо действовать⁷. Встречались редкие случаи, когда роды проходили без посторонней помощи, но это было скорее исключением⁸.

В родильном обряде главная роль отводилась повивальной бабке (повитухе). Ею могла быть опытная женщина, владеющая акушерскими навыками, способная оказать медицинскую помощь, которая знала молитвы, заговоры. Она же, как правило, выполняла функции знахаря в деревне. Повитухами были женщины в старшем возрасте, в обществе они пользовались большим уважением и признанием. Ей полностью доверяли и выполняли ее указания, даже полагали, что рожать с повитухой лучше, ведь она сразу молитвы прочитает и грыжу заговорит, здоровье матери поправит. Об их участии почти всегда договаривались заранее. В одном селении могло быть несколько повитух или же была одна на несколько соседних деревень.

¹ Полевые материалы автора (далее ПМА), 2014 г. Информатор В.Р. Подорожня (1935 г.р.), с. Месягутово, урж. с. Тастуба Дуванского р-на РБ.

² ПМА, 2014 г. Информатор Е.А. Богданова (1926 г.р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

³ ПМА, 2015 г. Информатор Л.С. Ситчихина (1925 г.р.), с. Ярославка Дуванского р-на РБ.

⁴ ПМА, 2014 г. Информатор К.И. Третьякова (1921 г.р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

⁵ Султангареева Р.А. Семейно-бытовой фольклор башкирского народа. Уфа, 1998. С. 26–27.

⁶ ПМА, 2013 г. Информатор Т.Г. Самойлова (1927 г.р.), г. Бирск, уроженка д. Улеево, Бирского р-на РБ.

⁷ ПМА, 2015 г. Информатор А.В. Отмахова (1930 г.р.), с. Тастуба, урж. д. Смоляковка Дуванского р-на РБ.

⁸ ПМА, 2013 г. Информатор Т.Г. Самойлова (1927 г.р.), г. Бирск, уроженка д. Улеево Бирского р-на РБ.

При ее отсутствии роды могла принять опытная женщина старшего поколения, живущая в доме (мать, свекровь) или по соседству¹. Таким образом, запрет принимать ребенка кровному родственнику (мать) нарушался.

При первых признаках приглашали повитуху, но всегда иносказательно, не говоря о прямой цели, в Благовещенском районе: «сходи-ка за Потапьевной, скажи маме плохо, она знает»². Ведь приближение родов и сами роды оставались в тайне. Согласно Д.К. Зеленину, существовало убеждение, что «родовые муки будут тем сильнее, чем больше людей узнают о происходящем разрешении от бремени»³. Подобные представления сохранились сегодня и исполняются молодыми женщинами. В Дуванском районе случалось, что роды проходили в доме повитухи, куда роженица приходила сама⁴. При быстрых и легких родах совершались обычные действия: определялось положение плода, раскрытие маточного зева, проводились медицинские мероприятия и т.д. В народе быстрые роды являлись показателем правильного поведения женщины в жизни и во время беременности. Худшим наказанием для женщины были тяжелые роды и поэтому, желая навредить женщине, пророчили тяжелые роды. Имел место случай, когда свекровь, чтобы разлучить с сыном, наговаривала: «тебе бы не разродиться»⁵.

При трудных родах повитуха совершала акты рационального и магического характера, которые усиливали родовую деятельность. Та водила по дому, заставляла двигаться, массажировала поясницу, а также распускала волосы роженице, произносила заговоры, молитвы, сопровождающиеся определенными действиями. Считалось, что всякая замкнутость мешает быстроте родов, поэтому в доме раскрывались все замки, печные заслонки, развязывались все узлы, пояса. Все это должно было способствовать быстрым родам. Перед родами также снимали с себя все украшения, кольца (которое символизирует вечный круг, и в родах будешь мучиться постоянно) и отдавали мужу со словами: «Мужчина мается, а женщина рождает»⁶. Повитуха проводила действия с роженицей, заставляла перешагивать ее через порог (сакральный смысл, обозначающий пограничное состояние), обмывала углы у стола водой и давала выпить, все это для того, чтобы роженица «долго не маялась, не родила дольше»⁷. Чтобы быстрее и легче родить, повитуха использовала куриное яйцо (в некоторых случаях, за ним

¹ ПМА, 2013 г. Информатор П.А. Корепанова (1932 г.р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.

² ПМА, 2014 г. Информатор Т.И. Первушевская (1936 г.р.), г. Агидель Краснокамского р-на, урж. с. Быково, Благовещенского р-на РБ.

³ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991, С. 319.

⁴ ПМА, 2015 г. Информатор А.В. Отмахова (1930 г.р.), с. Тастуба, урж. д. Смоляковка Дуванского р-на РБ.

⁵ ПМА, 2013 г. Информатор В.И. Ярославова (1931 г.р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.

⁶ ПМА, 2013 г. Информатор П.А. Корепанова (1932г.р.), с. Бурново Бирского р-на РБ.

⁷ ПМА, 2013 г. Информатор А.Ф. Дударева (1926 г.р.), г. Бирск, уроженка с. Абызово Караидельского р-на РБ.

должна была спуститься в подпол сама роженица), этим яйцом катала по краю стола, обходя все углы (яйцо символизирует зарождение новой жизни). Использование яйца в обрядовых действиях было хорошим знаком для благополучного исхода родов¹. Для усиления родовой деятельности роженица брала в рот распущенные волосы, чтобы напрягался живот, вызывая рвотный рефлекс². Подобное средство применялось женщинами при родах и в родильных домах³.

По русским поверьям, помогал роженице и троекратный обход ею стола, на углах которого насыпали горки соли. Отведывая соль из каждой горки, роженица произносила заговоры. Молитвы, заговоры и приговоры имели большое значение. Читали молитвы «Отче наш», «Богородице» перед иконами, и повивальная бабка произносила «Распротай, Господи, человека (имя роженицы)». Если роженица сама не знала эти молитвы, она должна была повторять за бабушкой каждое слово⁴. Повитуха при этом подводила женщину к иконам, в передний угол и каждая молитва произносилась по три раза⁵. В доме зажигали свечи (венчальные), лампы, молодую женщину умывали и поили святой водой. В Дюртюлинском районе при затянувшихся родах проводились подобные действия: на цело (шесток) печи выкладывали в виде креста четыре лучинки и поджигали их, произнося: «Распротай, Господи, человека (имя)», и пока они горят, продолжали читать молитвы⁶. В особо тяжелых случаях при родах просили священнослужителя открыть царские врата в церкви⁷.

После появления на свет ребенка повивальная бабка перерезала пуповину ножницами или ножом. У русских (а так же других народов) разных регионов России важным было, где и кем проводилась эта процедура, с этим связывали представления о дальнейшей судьбе ребенка. У новорожденной девочки пуповину перерезали на прялке или веретене, чтобы была пряхой, у мальчика – на топоре⁸. Это делали также на колодке для плетения лаптей или на книге, дабы новорожденный вырос мастером своего дела или грамотным человеком⁹. На территории Башкирии в начале XX в. эти обычаи изменились. Так, новорожденного мальчика сразу после рождения клали в нишу печи рядом с топором, чтобы был мастеровым, а девочку – рядом с веретеном¹⁰.

¹ ПМА, 2013 г. Информатор А.Г. Плотникова (1931 г.р.), г. Бирск, уроженка д. Улеево Бирского р-на РБ.

² ПМА, 2014 г. Информатор Н.А. Столярова (1929 г.р.), с. Байки Караидельского р-на РБ.

³ ПМА, 2014 г. Информатор Е.А. Богданова (1926 г.р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

⁴ Она же.

⁵ ПМА, 2014 г. Информатор К.И. Третьякова (1921 г.р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

⁶ ПМА, 2014 г. Информатор М.М. Чукавина (1932 г.р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

⁷ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 320.

⁸ Там же. С. 320.

⁹ Там же. С. 321.

¹⁰ ПМА, 2014 г. Информатор А.С. Иванова (1933 г.р.), с. Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

По полевым материалам, собранным в Дуванском районе Башкирии, пуповину у новорожденного отрезали на определенном расстоянии от живота (около 10 см), а затем перевязывали льняной нитью¹. Как пишет Д.К. Зеленин, пуповину малыша русские других регионов также перевязывали льняной нитью, волокнами женских растений конопли или волосом матери, добавляя к ним волосы отца². Согласно народным представлениям русских, в Дюртюлинском районе считали, что плохо завязанная пуповина малыша может стать причиной многократных его болезней в будущем³.

Итак, родины в традиционной культуре включают в себя множество различных представлений и связанных с ними действий. Обряд, связанный с рождением ребенка носит тайный и сакральный смысл. Роды проходили в изолированном помещении с целью уединения, такое событие не разглашалось, а участие мужа допускалось лишь в особых случаях. Деятельность повивальной бабки сводилась к подготовке к родам, проведению определенных действий, направленных на благополучный исход родов, поддержание здоровья матери и ребенка. Наряду с вполне рациональными способами достижения цели, существует множество магических средств, которые используются и признаются как эффективные, что характерно для традиционного мировоззрения.

© Диникеева Ю.Г., 2015.

¹ ПМА, 2015 г. Информатор А.В. Отмахова (1930 г.р.), с. Тастуба, урж. д. Смоляковка Дуванского р-на РБ.

² Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 321.

³ ПМА, 2015 г. Информатор Л. А. Константинова (1956 г.р.) со слов А.В. Королевой (1928 г.р.) с. Ангасяк Дюртюлинского р-на.

**ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ С. МАСЛЯНЫЙ МЫС XVIII–XX ВВ.**

E. V. Kamaleev

**HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CHARACTERISTICS OF
CULTURAL LAYER OF MASLYANIY MYS VILLAGE IN XVI – XX
CENTURIES**

Аннотация: В статье проведен анализ материалов археологической разведки нежилой деревни Масляный Мыс Краснокамского района Республики Башкортостан в 2014 г. Сравнение круговой керамической посуды с. Николо-Березовка и деревни Масляный Мыс выделяют их в единый комплекс расселения русского населения в северо-западной части Башкирии.

Ключевые слова: культурный слой XVIII–XIX вв., наконечник стрелы, подъемный материал, гончарная посуда, оселок.

Abstract: The article analyzes the archaeological exploration of the non-residential village in Krasnokamsky region in the Republic of Bashkortostan in 2014. The comparing pottery of Nichola-Berezovka and Maslyaniy Mys villages distinguish them into a single set of the Russian population settlement in the north-western part of Bashkiria.

Keywords: cultural layer of XVIII–XIX centuries, arrowhead, surface material, pottery, touchstone.

В 2014 г. сотрудниками ИЭИ УНЦ РАН под руководством Э.В. Камалеева была проведена археологическая разведка северо-западной части Краснокамского района, на территории, ограниченной левым берегом р. Кама и р. Буй. Целью экспедиции являлось выявления объектов археологического наследия, исследование ранее выявленных памятников и уточнения сведения о них, а также в научном обследовании и фиксации сохранившихся участков культурного слоя XVI–XVIII вв. на заявленной территории¹.

В ходе обследования территории ныне нежилой деревни Масляный Мыс была собрана коллекция круговой керамики, фрагменты фаянсовой посуды, из индивидуальных находок следует выделить черешковый наконечник стрелы и фрагмент каменного оселка(?) с клеймом на лицевой стороне. Первое археологическое обследование памятника было проведено в 1991 г. А. Р. Якуповым². Исследователем было зафиксировано городище,

¹ Камалеев Э.В. Научный архив об итогах археологической разведки в Краснокамском районе Республики Башкортостан в 2014 г. // Научный архив Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

² Якупов А.Р. Отчет об археологической разведке на севере, северо-западе Краснокамского района Башкирии // Научный архив Археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Ф. 6. Д. 36. Рис. 5.

названное «Масляный Мыс-1, городище», хотя никаких следов укрепленного поселения им обнаружено не было, о чем указывал автор¹.

Разведка 2014 г. также не выявила следов укрепленного поселения в виду аварийного состояния памятника в результате масштабных ландшафтных изменений на территории бывшего населенного пункта. На момент обследования южная часть памятника оказалась фактически полностью разрушенной в результате проведения строительно-планировочных работ с целью отведения участков под индивидуальное строительство, а также разработки песка и образования локальных карьеров.

Памятник расположен на мысу надпойменной террасы левого берега р. Камы, в 0,5 км от ее русла и в 0,7 км от р. Буй. С восточной стороны территория памятника ограничена лесом, а с западной стороны – широкой поймой р. Прорва. Края террасы обрывистые. Площадка памятника в южной части ровная, из песчаного грунта.

В центральной части, в районе сохранившегося памятника участникам ВОВ, площадка памятника нарушена песчаным карьером и оврагом на границе с лесополосой. Общая площадь населенного пункта достигала 224000 кв.м. Занимая площадь всей террасы, протяженность населенного пункта с ЮЗ на СВ достигала 800 м вдоль одной или двух центральных улиц, что соответствовало линейной уличной планировке.

По архивным исследованиям А.З. Асфандиярова периодом основания села является начало XVIII в.². Деревня Масляный Мыс возникла всего в 7 км северо-восточнее с. Николо-Березовка – крупного центра северо-западного куста русского освоения Башкирии. Интересна также этимология слова масляный, возможно связанное с маслом, одно из определений которого «маслявина» означает «топкое место, болото»³. Учитывая болотистый характер почв в пойме р. Прорва и р. Буй и их затапливаемость в весеннее половодье, то данное значение вполне себя оправдывает.

Однако возможна и иная трактовка самоназвания деревни, которая связана с маслом в значении зажиточности и богатства. Вспоминая выражение «кататься как сыр в масле», мы имеем в виду жить в достатке, что может относиться и к жителям деревни Масляный Мыс. Подтверждением тому может служить «Карта Уфимского наместничества из атласа горного училища» 1792 г., на котором отсутствует село Николо-Березовка, однако указана деревня Масленой Мысь, которая во второй половине XVIII в. возможно стала наиболее значимым населенным пунктом на данной территории.

В начале XVIII в. произошли события связанные с башкирскими восстаниями XVII–XVIII в., и нападение на с. Николо-Березовка в 1682 г. привело к упадку численности населения в 8 раз с 380 до 45 душ мужского

¹ Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа, 2004. №. 314. С. 97.

² Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 218.

³ <http://www.onlinedics.ru/slovar/fasmer/i/maslo.html> (дата обращения 14.09.2015 г.)

пола¹. Вполне вероятно, что часть населения, оставив разоренную деревню Николо-Березовка и уйдя на север, основало деревню Масляный Мыс. Данный вывод отчасти подтвержден технологическим сходством, и, возможно, преемственностью изготовления гончарной посуды, собранного на территории, как Масляного Мыса, так и села Николо-Березовки.

По некоторым сведениям часть населения, спасаясь от башкир, бежали далеко на восток. В частности, по исследованиям Б.А. Васина и И.Б. Васина их предки, возможно, будучи жителями села Николо-Березовка, вынуждены были его покинуть и двигаясь по маршруту Николо-Березовка – Дуваней – (вероятно, Уфа) – Колчеданский острог – Окуневская слобода – Невьянский завод оказались на уральских заводах².

В ходе археологической разведки 2014 г. на площадке памятника и на краю террасы были заложены стратиграфические разрезы длиной 1 м. Мощность культурного слоя достигала 30-40 см. В первой зачистке на краю террасы помимо фрагментов круговой керамики были выявлены фрагменты крицы, шлака и расплавленный стекловидный фрагмент слюды. Во второй зачистке, проведенной на площадке памятника в 100 м южнее от первой, не было выявлено каких-либо предметов кроме шлака и крицы, свидетельствующие о крупном пожаре на территории села.

По концентрации были выделены 3 зоны выявления подъемного материала в центральной, южной и северной частях памятника. Основу коллекции составляют фрагменты круговых поливных и неполивных сосудов, фрагменты расписной фаянсовой посуды. В ходе исследования площадки памятника были также обнаружены следы более десяти грабительских раскопок размерами от 0,5х0,5 м до 0,2х0,2 м глубиной не более 0,2-0,4 м, что свидетельствует об использовании «черным» археологами металлодетектора глубиной обнаружения не более 50 см.

Фрагменты круговой керамики относятся к горшкам, корчагам и кринкам. Технологическое строение гончарных горшков и корчаг аналогично посуде, собранных в ходе той же разведки 2014 г. на территории села Николо-Березовка. Данные выводу получены в ходе сравнения керамического материала двух комплексов, однако, учитывая небольшую мощность культурного слоя на памятнике Масляный Мыс, сложно проводить хронологическую привязку конструктивных особенностей керамических сосудов для того или иного периода.

Найденные фрагменты гончарных горшков отнесены к 4 типам (Таблица 1). Тип I аналогичен посуде села Николо-Березовка – это загнутая во внутрь шейка с вертикальным округлым (Тип I А), с вертикальным валиком по венчику (Тип I Б) и вертикальным слабовыраженным заостренным крем по внешней кромке (Тип I В). По имеющимся фрагментам венчиков стоит отметить преобладание сосудов Тип I Б. Диаметр

¹ Роднов М.И., Васильева О.В. История Николо-Березовки. Уфа, 1997. С. 24.

² Васин Б.А., Васин И.Б. Из истории заселения Южного Урала (ранние миграции русского крестьянства) // Река времени. Уфа, 2014. С. 22–30.

представленных фрагментов венчиков составляет 17-18 см, однако встречаются фрагменты более 20 см.

Следующим типом горшков являются фрагменты сосудов с туловом, переходящим в отогнутый вертикально округлый край (Тип II А) и с заостренным краем (Тип II Б). Новыми вариантами II типа сосудов являются отогнутый край в виде валика (Тип II Г) и отогнутый наружу округлый край (Тип II Д). Найдены также фрагменты Тип III А с отогнутым наружу округлым краем.

К новому типу круговой посуды стоит отнести фрагменты венчиков, которые найдены на поверхности деревни Масляный Мыс. Это горшки со слабо раздутым туловом, переходящим в вертикальный край (Тип IV А), на одном из фрагментов которого нанесен сетчатый орнамент, не встреченный больше ни на территории Масляного Мыса, ни в Николо-Березовке.

Таблица 1. Типы и варианты венчиков керамической посуды с Масляный Мыс XVIII–XX вв. по материалам разведки 2014 г. Подъемный материал

Керамический сосуд	Тип	Вариант	Формы венчиков	Формы сосудов	
Горшки	Тип I	I А			
		I Б			
		I В			
	Тип II	II А			
		II Б			
		II Г			
		II Д			
	Тип III	III А			
	Тип IV	IV А			
	Корчаги				
Кринки					
Кринка творильня					

В качестве сырья для изготовления гончарных сосудов использовали красную ожелезненную глину. Для преобладающего количества фрагментов характерна однородная без видимых примесей масса, однако встречаются фрагменты с примесью мелкого песка. Для данного памятника в отличие от материалов Николо-Березовки характерен окислительный обжиг гончарных сосудов с красным в изломе черепка цветом (более 60 %), окислительный обжиг присутствует на 20 % фрагментах, неполный обжиг с двухцветным излом также отмечен на 20 % керамических сосудов.

Сходство керамических гончарных сосудов двух населенных пунктов выражается не только в форме и типах сосудов, но и в орнаментации, состоящей из линейных и волнистых вдавлений. Вариативность форм венчиков горшков на Масляном Мысу сохраняется в рамках одного типа, а появление горшков Тип IV А можно рассматривать как результат обмена, либо более поздними этапами развития гончарного дела на территории населенного пункта.

Уникальной находкой на памятнике является железный дровяной наконечник стрелы длиной 82 мм, шириной 19 мм. Перо ромбической формы линзовидное в сечении. Ровные прямые плечики плавно переходят в прямоугольный упор 6x4 мм. Черешок 35 мм квадратного сечения 4 мм с заужением в нижней части. Наконечник стрелы по типологии К.А. Руденко близок по форме типу А25, который использовался в качестве боевого или охотничьего средства, и датирован XI–XIII в.¹

Данный тип наконечников встречается на памятниках ранних башкир караякуповской культуры IX–X вв. и материалов раскопок памятников X–XII вв. Учитывая высказанное мнение о том, что «башкирский комплекс вооружения этнографической современности сформировался в X–XI в. и сохранялся практически неизменным в общих чертах»², мы можем говорить о башкирском типе вооружения, найденный на территории русского села XVIII–XX вв. Аналогичный тип наконечников использовался населением Западной и Южной Сибири тюркскими племенами Алтая и кыпчаками XIII–XIV вв.³, а также на поселениях позднего средневековья XVI–XVIII, связанные с тем же тюркским населением⁴.

Также следует привести описание фрагмента каменного оселка (?) прямоугольного в сечении 52x45 мм с небольшим заужением в нижней части, имеет шлифованные верхние грани под углом 45°, а также 2 желобка треугольных в сечении на верхней грани и лицевой стороне. На лицевой стороне также имеется клеймо. Предмет является не тривиальным по своей сути, так как затрачены немалые усилия на его изготовление и отсутствуют следы утилитарного использования в качестве точильного камня. Следует

¹ Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань, 2003. С. 419.

² История башкирского народа: в 7 т. Уфа, Т. 2, 2012. С. 270.

³ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

⁴ <http://nativeurals.narod.ru/arrowendsXV.htm> (дата обращения: 14.09.2015 г.)

предположить, что предмет является статусным, и возможно использовался в религиозном культе. К индивидуальным находкам XIX–XX вв. следует отнести однолезвийный ледовый конек, горлышко стеклянной бутылки и фрагмент стеклянной рюмки.

Таким образом, рассматривая историю развития русских населенных пунктов на основе привлечения материалов археологических исследований, мы наблюдаем единство историко-культурных традиций первых поселений на северо-западе Башкирии. Центром данного куста расселения русских являлось с. Николо-Березовка, распространившего свое влияние на соседние русские селения в результате торговых отношений и передаче производственных традиций, примером которому служит гончарная керамическая посуда.

© Камалеев Э.В., 2015.

**ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ С. НИКОЛО-БЕРЕЗОВКА XVI–XX ВВ.**

E. V. Kamaleev, A. T. Ahatov

**HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CHARACTERISTICS OF
CULTURAL LAYER OF NIKOLO-BEREZOVKA VILLAGE IN XVI – XX
CENTURIES**

Аннотация: В статье проведено исследование особенностей заселения и формирования первых русских поселений в Башкирии. В частности, был рассмотрен самый ранний и наиболее крупный центр – с. Николо-Березовка, выделенного в северо-западный куст расселения русских на территории Башкирии. Использование метода картографирования населенных пунктов XVI–XX вв. указанной территории, выявил особенности взаимодействия русских и марийцев на указанной территории. На основе материалов археологической разведки под руководством Э.В. Камалеева в 2014 г. на территории села Николо-Березовка были выделены формы и технологические особенности гончарной посуды.

Ключевые слова: культурный слой XVI–XX вв., острог, крепость, русское население, гончарная керамическая посуда, колокольчик.

Abstract: The article describes the first Russian settlements formation features. In particular, Nichola-Berezovka which is the earliest and the largest center was considered as North-West part of Russian settlement on the territory of Bashkortostan. The mapping method of XVI –XX th centuries of the said area allowed identifying features of Russian-Mari interaction. Technological features of pottery. Form and the technological features of pottery were distinguished on the basis of E.V. Kamaleev archaeological exploration in 2014 in the village of Nikolo-Berezovka.

Keywords: cultural layer XVI–XX centuries, burg, fortress, Russian population, pottery, bell.

Падение Казани в 1552 г. явилось отправной точкой начала колонизационной политики по освоению восточных земель Урала и Приуралья и заселения новых земель славянскими, тюркскими и финно-угорскими народами. В XVI в. на территории Башкирии русские селились немногочисленными локализованными группами, создавая небольшие населенные пункты вокруг одного крупного центра. Так, в конце XVI в. был основан Уфимский острог, около которого позднее стали появляться дворцовые и помещичьи села.

По тому же принципу формировалась поселенческая структура рядом с Табынской и Бирской крепостями. Тот же принцип заселения территории русским населением на северо-западе Башкирии осуществлялся вокруг с. Николо-Березовка (Никольское, Березовка) XVI в. на р. Березовка, не являвшегося однако укрепленным поселением. Изначальное строительство села как неукрепленного поселения, очевидно, было связано с тем, что отсутствовала опасность нападения кочевых племен на указанной

территории. Учитывая близкое расположение Закамской укрепленной линии, прибывавшее русское население чувствовало себя в относительной безопасности.

«Книга письма и дозора Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154 года (1646 г.)» свидетельствует, что в середине XVII в. с. Николо-Березовка по численности являлось вторым крупным населенным пунктом в нижнем течении реки Кама. В с. Сарапул на 1646 г. в 241 дворе проживало 885 человек, в с. Никольском в 100 дворах проживало 380 человек¹. Принимая во внимание факт того, что здесь было учтено лишь мужское население, общее количество жителей села составляло около 800 человек². Примечательно, что то же время в начале XVII в. в г. Уфе проживало 279 жителей³, а в 1635 г. – 702 человека в 66 дворах⁴, без учета 888 башкир, которые, скорее всего, не являлись «постоянным» населением г. Уфы. То есть, сходя из приведенных данных можно сделать вывод, что по количеству дворов с. Николо-Березовка почти в 2 раза превышало г. Уфу нач. XVII в.

В том же документе «Книг письма и дозора Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154 года (1646 г.)» указаны починок Шипицын (5 дворов, 17 человек), починок Патроков (1 двор, 5 человек), починок Вятской (37 дворов, 160 человек), дер. Дубник (26 дворов, 117 человек), дер. Большой Буй (33 двора, 122 человека), дер. Верхний Буй (12 дворов, 39 человек), починок Тарасов (15 дворов, 53 человека) при с. Николо-Березовка. Доминантное положение с. Николо-Березовки по отношению к другим прилегающим населенным пунктам выделяло его как административно-хозяйственный, экономический, религиозный центр северо-западного «куста» расселения русского населения Башкирии.

Именно локальное расселение русскими на ограниченной территории в XVI–XVII вв. позволяет говорить о кустовом типе характерном для Южного Приуралья⁵. Данный тип расселения был отмечен на этой территории и в более ранний период. Так, для памятников бахмутинской культуры эпохи средневековья на основе картографирования территории современного Краснокамского района были выделены кусты, где радиус экономических связей между поселенческими памятниками варьировался от 1 до 7 км⁶. Тот же параметр хозяйственно-экономических связей на основе

¹ Покровский И.М. К истории помещного и экономического быта в казанском крае в половине XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Т. 76. Кн. 7-8. Казань, 1909. С. 106.

² Роднов М.И., Васильева О.В. История Николо-Березовки. Уфа, 1997. С. 24.

³ Синенко С.Г. Город над Белой рекой: Краткая история Уфы в очерках и зарисовках: 1574-2000 гг. Уфа, 2002. С. 16.

⁴ Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII вв. Уфа, 1913. С. 9.

⁵ Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001. С. 33.

⁶ Колонских А.Г. Особенности пространственного распределения поселенческих памятников бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья (предварительные результаты) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященная 85-летию Р.Г. Кузеева. Уфа, 2014. С. 55–60.

предварительного картографирования русских населенных пунктов вокруг с. Николо-Берзовка был характерен и для XVI–XVII вв. Однако в XVIII–XIX вв. отмечается значительное увеличение площади освоения новых земель и расстояние между крайними населенными пунктами увеличивается до 20 км.

Следует отметить немаловажный факт, что многие русские города были построены на месте древних укрепленных центров или рядом с ними¹. На данный момент известно о существовании ранних археологических объектов на территории г. Уфа, г. Бирск, села Табынского. Принимая во внимание данное положение, и учитывая удобное географическое и территориальное расположение с. Николо-Берзовка, высока вероятность обнаружения ранних, еще не выявленных объектов археологического наследия в культурном слое села.

Говоря о процессах взаимодействия русских с другими народами, следует предположить, что русские контактировали прежде всего с марийским населением, селившимся восточнее. Данные выводы получены на основании картографирования населенных пунктов XVI–XVII вв. Краснокамского района в геоинформационной системе SASPlanet. В XVIII–XIX вв. за счет увеличения численности населения и освоения земель русские вытесняли марийцев, которые в XVIII в. селились в 10 км восточнее населенных пунктов, основанных ранее. Данные выводы являются лишь предположением, однако отсутствие иноэтничных или этнически смешанных населенных пунктов внутри территории расселения, как русского, так и марийского народов, свидетельствует об их закрытости и возможно напряженности отношений на фоне освоения земель.

О сложном характере заселения территории северо-западной части Башкирии могут свидетельствовать самоназвания населенных пунктов XVI–XVII вв. образованных близ с. Николо-Берзовка. Из 8 населенных пунктов 4 носят наименование «починок», которым, в отличие от близкого по содержанию слова «заимка» (занятие и присвоение бесхозяйственной и пустопорожной земли (т.е. в сущности, государственной земли))², наделены основанные населенные пункты русских на присвоенных вотчинных землях башкир.

Помимо выгодного географического положения села основателями учитывалась близость водных путей, в котором с. Николо-Берзовка стала крупнейшим центром в северо-западном регионе, контролировавшее узловую речную артерию нижнего течения р. Камы при впадении в нее р. Белой. Именно привязанность к речным и водным путям, очевидно, становилось определяющим фактором выбора места для строительства и заселения той или иной местности русским населением.

¹ Тишков В.А., Трепавлов В.В. Синтез народов и культур в Российском Государстве (восточное направление колонизации в XV–XVIII вв.) // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко*. Новосибирск, 2013. С. 588.

² *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки) // *Востоочнославянский этнографический сборник*. Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1956. С. 38.

Расстояния между городами-крепостями Уфа, Табынск и Бирск по реке Белой не превышал 120 км, что соответствовало однодневному водному переходу между указанными населенными пунктами. Расстояние между Бирском и другим крупным городом XVI в. – Мензелинском, превышало 180 км. Использование же Николо-Березовской пристани в качестве узлового пункта Камского речного пути также соответствовал значению не превышавшего 100 км.

В этой связи, очевидно, что использование водного пути являлось приоритетным, менее опасным и более комфортным для передвижения по территории башкирских вотчинных земель. На это указывал и С.Р. Минцлов уже в начале XX в. который находясь в городе Стерлитамаке по дороге в Табынск: «покончив дела и узнав, что в 4 ч. дня отходит на Уфу пароход «Внучек», решил ехать водою: и удобно, и скоро – в 9 ч. вечера должны были быть уже в Табынске»¹. Преимущество водного передвижения даже в XX в. оставалось более предпочтительным наряду с конным поездками, тогда как в более ранний период «в этих тогда еще “диких” местах пока не существовало сухопутных путей сообщения»².

Создавая укрепленные форпосты на отдаленных территориях, правительство решало многочисленные задачи с целью дальнейшего освоения башкирских земель. Строительством крепостей в XVI – XVII в. в самом центре башкирского края правительство усиливало влияние в крае, создавало удобную речную транспортную сеть для передвижения и переправке грузов.

Появление крепостей и населенных пунктов русских на локальных территориях по берегам рек Белой и Камы имело важное стратегическое значение. И если для строительства города Уфы было выбрано наиболее удобное место в самом центре башкирских земель на месте существовавшего укрепленного поселения, то для Бирска, Табынска и Николо-Березовки главенствующим фактором могла выступать православная религия. В качестве предположения высказывается точка зрения о первопричинности поселения русских на месте явления почитаемых христианских реликвий на территории или в окрестностях указанных населенных пунктов. Защита православных святынь, как оплота русской государственности, а также территории их появления становилось отправной точкой выбора места строительства и формирования населения.

По различным версиям история возникновения села Николо-Березовка так или иначе связана с явлением иконы Николая Чудотворца ставшего покровителем здешних мест. О религиозности местного населения свидетельствуют медные нательные кресты XVI – XVII в. обнаруженные в ходе археологических работ в 1999 г. на территории села и разрушенного православного кладбища. Аналогичный медный крест был найден во время

¹ Минцлов С.Р. Уфа. Дебри жизни: Дневник 1910-15 гг. Уфа, 1992. С. 15-16.

² Тишков В.А., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 588.

археологической разведки с. Николо-Березовка в 2014 г.¹. Нательный медный крест длиной 4,6х1,7 см толщиной 0,13 см имеет кольцевидное овальное ушко и тонкий поясok обводки по контуру, что соответствует периоду бытования XVI–XVII вв.².

Сам памятник находится на северо-западе Краснокамского района на территории Николо-Березовского сельсовета. Занимает коренную террасу левого берега р. Кама высотой 3-4 м и северную часть полуострова, образованного р. Камой и р. Березовкой. Поверхность террасы ровная, задернована, края вдоль берегов р. Кама и р. Березовка обрывистые.

Северную и центральную часть полуострова занимают садовые участки жителей с. Николо-Березовка. Вдоль улиц Ленина и Чеверева в центральной части памятника расположены старинные купеческие двухэтажные дома жителей села XIX–XX вв., ныне либо полуразрушенные, либо отреставрированные под гостиницы и частные строения.

Впервые археологические исследования на памятнике «Николо-Березовка-1, культурный слой и могильник» были проведены Н.С. Савельевым в 1999 г. Вдоль сильно осыпающегося среза берега от спасательной станции до гостиницы было заложено 6 раскопов общей площадью 60 кв.м. Мощность культурного слоя 0,8-1,2 м. Находки представлены гончарной керамикой, фарфором, различными металлическими изделиями, многочисленными костями животных, медными монетами. По материалам исследований, данным стратиграфии и медным нательным крестам памятник датирован XVI – началом XX вв.³

В ходе археологической разведки под руководством Э.В. Камалева в 2014 г. в с. Николо-Березовка на поверхности памятника были собраны 50 фрагментов круговой поливной и неполивной керамики, фрагмент железного однолезвийного ножа, 2 стеклянных аптекарских флакона, валдайский колокольчик и нательный крест. В рекогносцировочном шурфе 1х1 м заложенном в 250 м ЮЮЗ от храма Николая Чудотворца была также собрана коллекция из 40 фрагментов круговой поливной и неполивной керамики, железные гвозди различных размеров квадратные в сечении со сферической шляпкой, фрагменты фаянсовой столовой посуды. Мощность культурного слоя составляет около 110 см.

В ходе исследования керамики было выявлено, что качестве сырья для изготовления гончарных сосудов местные мастера использовали красную ожелезненную глину. Формовочная масса теста однородная без видимых примесей в тесте, либо с содержанием мелкого песка или шамота. По цвету излома фрагментов керамики преобладает окислительный обжиг сосудов,

¹ Камалеев Э.В. Научный отчет об итогах археологической разведки в Краснокамском районе Республики Башкортостан в 2014 г. // Научный архив Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

² Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII в. М., 1999. С. 335–336.

³ Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах. / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа, 2004. № 303. С. 94.

лишь на нескольких фрагментах выявлен двухцветный излом, свидетельствующий о неполном обжиге с серым цветом во внутренней части сосуда. Не более 10 % представленных фрагментов имеют серый в изломе цвет восстановительного обжига.

По найденным на поверхности памятника фрагментам венчиков были предварительно реконструированы формы сосудов (Таблица 1), относящиеся к горшкам с преобладанием сосудов диаметром венчиков от 14-15 см. Конструктивной особенностью сосудов (Тип I) является отогнутая во внутрь слабовыраженная шейка сосуда и вертикальный округлый край (вариант I А), реже отогнутый наружу край с валиком по внешней кромке венчик (вариант I Б) и заостренный, треугольный в сечении валик по внешней кромке (вариант I В). Венчик № 5 в таблице 1 может рассматриваться как переходная группа между Вариантом I А и I Б, имеющий слабовыраженный приостренный валик.

У фрагментов, собранных на поверхности, отсутствует шейка и тулово сразу переходит в вертикальный, округлый недеформированный край толщиной 3-5 мм (вариант II А), либо вертикальный треугольный в сечении край (вариант II В), а также вертикальный, приостренный край (вариант II Б). III Тип венчиков керамических сосудов имеет тулово без шейки с загнутым наружу округлым краем.

Таблица 1. Типы и варианты венчиков керамической посуды с. Николо-Березовка XVI–XX вв. по материалам разведки 2014 г. Формы венчиков из шурфа – №№ 1,3-7; формы венчиков на поверхности памятника – №№ 2,8-13

Керамический сосуд	Тип	Вариант	Формы венчиков	Формы сосудов
Горшки	Тип I	I А		
		I Б		
		I В		
	Тип II	II А		
		II Б		
		II В		
Тип III	III А			
Корчаги				
Кринки				
Кринка творильня				

Для фрагментов керамики найденных во 2 и 3 горизонте шурфа также характерна отогнутая во внутрь слабовыраженная шейка сосуда толщиной 5-7 мм, но с более массивным валикообразным и треугольным в сечении краем (вариант I Б) Однако если диаметр горшков во 2 горизонте не превышает 19 см, то в 3 горизонте он составляет 20–22 см.

Следующей распространенной формой сосудов являются корчаги с округлым отвернутым наружу краем и валиком по внешней кромке, диаметром венчика более 21 см, фрагменты которых встречаются также в 3 горизонте шурфа. Найдены фрагменты кринок с округлым приостренным треугольным в сечении валиком на внешней кромке венчика. Несколько фрагментов венчиков относятся к кринкам творильням, схожие по форме с квашенками по типологии кухонной посуды Л.В. Татауровой¹, но с более раздутым туловом. Аналог данной формы гончарной посуды выставлен в Николо-Березовском краеведческом музее. Найдены также фрагменты крышек от горшков диаметром 18 см.

Довольно распространенным является ангобирование гончарных сосудов, подавляющее большинство фрагментов которых выявлены во 2 и 3 горизонте культурного слоя села. В то время как во время сборов были найдены лишь единичные фрагменты. Также найдены фрагменты крышек диаметром 17 и 21 см.

Орнамент на представленных фрагментах сосудов линейный, либо волнистый. В найденных орнаментированных фрагментах посуды преобладают две, три вдавленные параллельные линии, волна, а также различные их сочетания нанесены на плечо либо тулово сосуда. На ангобированных фрагментах орнамент более разнообразен и представляет различные сочетания линейных и волнистых вдавлений с росписью зеленой поливы по ангобу. В качестве глазури использовали прозрачную поливу красного и желтого цвета, в то время как сборы на поверхности выявили использование также черной, зеленой, синей, желто-зеленой поливы.

К находкам XIX–XX вв. относятся 2 стеклянные аптекарские или парфюмерные бутылочки, фрагмент медной ложки и валдайский полугранный колокольчик форма 1-3 по типологии В.А. Кима². Колокол с проушным креплением без языка имеет высоту 8,4 см, диаметр нижней части 6,5 см. диаметр верхней части 4 см. Имеет круговую плохо читаемую надпись из-за окислов под крышкой.

Таким образом, на основании материалов исследований можно предварительно установить малое количество форм гончарных сосудов на памятнике Николо-Березовка. На раннем этапе характерно использование крупных форм горшков и корчаг, которые постепенно уменьшаются. В качестве предположения можно увязать распространение ангобированной

¹ Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. С. 100–101.

² Ким В.А. Ямские колокольчики и бубенцы. Сводный каталог-справочник. Т. 1. Описание ямских колокольчиков и бубенцов по губерниям России и мастерам 1802–1917 гг. Ростов, 1998.

посуды с расцветом и социально-экономическим увяданием села во второй половине XVII – начале XVIII в. По материалам М.И. Роднова именно в этот период численность села сократилась в 8 раз в результате башкирских восстаний XVII–XVIII вв.¹, что возможно привело к упрощению керамической посуды и ее дополнительной обработки. Приведенные сведения являются лишь предварительными в виду малого количества информативных фрагментов керамики и привязки их к культурного слою села, однако авторам исследования очевидна перспективность широкомасштабных исследований крупнейшего центра северо-западного куста расселения русского населения XVI–XIX вв.

© Камалеев Э.В., Ахатов А.Т., 2015.

¹ Роднов М.И., Васильева О.В. Указ. соч. С. 37.

**ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ КЕРАМИКА УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ Р. БЫСТРЫЙ
ТАНЫП: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ**

A.G. Kolonskih, A.K. Bahshieva

**THE FORTIFIED SETTLEMENTS' CERAMICS OF BAKHMUTINO
CULTURE OF THE RIGHT BANK OF THE RIVER BYSTRYJ TANYP:
PRELIMINARY RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL
RECONNAISSANCE**

Аннотация: В работе изложена эволюция исследовательских взглядов на керамику бахмутинской культуры, проведен технико-технологический анализ подъемного материала разведок укрепленных поселений правобережья р. Быстрый Танып.

Ключевые слова: Бахмутинская культура, городища, поселенческая керамика, технико-технологический анализ.

Abstract: The evolution of the researchers' views on ceramics of bakhmutino culture is described in the paper. Technical analysis of archaeological reconnaissance's material of fortified settlements on the right bank of the river Bystryj Tanyp is carried out.

Key words: Bakhmutino culture, fortified settlements, ceramics of settlements, technical analysis.

Введение. В процессе археологических раскопок и разведок на поселенческих памятниках фрагменты глиняной посуды, на данный момент, являются единственным источником позволяющим получить объективную информацию о древних поселениях¹. Однако степень изученности городищ и селищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья не позволяет производить датировку археологических объектов подробнее, чем III–VIII вв. н.э.

Неопределенность существует и с культурной атрибуцией подъемного материала. Форма, состав, орнамент – основные культурно-хронологические маркеры. При этом схожие черты материальной культуры населения раннего железного века на раннем этапе и мощные этнокультурные взаимодействия на позднем этапе развития становятся препятствиями в определении культурной принадлежности материала с поселений бахмутинских племен.

Возможным решением, на наш взгляд, может стать более детальное изучение керамики по методике А. А. Бобринского.

¹ *Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: Сборник научных трудов. Уфа, 1983. С. 120.

Объектом исследования стали укрепленные городища бахмутинской культуры правого берега р. Быстрый Танып, предметом исследования – подъемный материал в виде находок древней керамики.

К проблеме изучения керамики бахмутинской культуры. Первые научные интерпретации керамических комплексов бахмутинской культуры были проведены в 20-х годах XX в. А.В. Шмидтом по материалам поселений Кара-Абыз, Чандарского, Бажинского («Каменная гора»), Бирского, Костаревского, Чертова, Варьязского, Укмановского городищ, Анненского, Ахлыстинского, Кляшевского селищ, Бахмутинского могильника, а также находок у д. Надеждено на р. Салдыбаш, д. Новиковка под Уфой и в окрестностях г. Бирска¹. Важность выводов сделанных автором заключается в объединении известных на тот момент археологических объектов в единую археологическую культуру – бахмутинскую. Основой для этого становятся схожие черты погребального обряда, инвентаря, а также наличие керамики так называемого чандарского типа, характеризующейся (по А.В. Шмидту) следующими признаками:

- круглодонность;
- примесь в тесте мелких камушков, при отсутствии следов раковины и шамота;
- орнаментация в виде небольших круглых ямок нанесенных по всей поверхности сосудов².

В процессе дальнейшего изучения были исследованы другие варианты формы, технологии изготовления и орнаментации керамических комплексов бахмутинской культуры.

Большинство исследователей отмечают круглодонность и чандарский орнамент, как отличительный признак керамики бахмутинской культуры. При этом появление сосудов чандарского типа связывают с трансформацией материальной культуры раннесредневекового населения в V в. н.э.³ Довольно часто встречается и узор из круглых ямок расположенных рядами и хаотично, и насечек в виде елочки, и гребенчатого узора в виде зигзагов. Основным рецептом формовочной массы является глина с добавлением песка, мелких камешков, значительно реже исследователи выделяют наличие в составе растительности, дресвы, шамота и толченой раковины, связывая последнюю с более ранним периодом существования культуры⁴.

¹ Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук // Приложение к № 8–9 «Хозяйство Башкирии» за 1929 год. Уфа, 1929. С. 25.

² Шмидт А.В. Указ. соч. С. 24.

³ Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // Советская археология. М, 1971. С. 104; Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия в во второй половине I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 132.

⁴ Васюткин С.М. Указ. соч. С. 104; Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: Сборник научных трудов. Уфа, 1983. С. 120–121; Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 146, 150; Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М., 1958. С. 67–68.

Существующая хронология бахмутинской керамики создана на основе погребальных памятников, в которых были найдены целые сосуды (особенно в поздних погребениях). В то же время, хронологию поселенческой керамики не возможно построить на основе форм и размеров. В связи с этим, вопрос хронологии керамических комплексов бахмутинской культуры остро стоит среди исследователей.

Т.И. Останина объединяет все памятники Среднего Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья в мазунинскую археологическую культуру (III–V вв.). Соответственно и весь массив керамики, включающий многообразие форм и орнамента сосудов, за исключением «бахмутинского типа» (VI–VII вв.). Под этим типом Т.И. Останина понимает группу памятников отражающих процесс смешения мазунинской, турбаслинской и кушнаренковской культур¹. Характерные черты керамики этого типа можно соотнести с сосудами археолого-этнографических типов названных В.Ф. Генингом кансиярским, бирским, чандарским². А.Н. Султанова подобные керамические комплексы объединяет в промежуточный бирский тип, характерной чертой которого является многокомпонентность форм и орнамента, включающая традиции местного бахмутинского и пришлого населения турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской археологических культур³.

Вторая точка зрения объединяет памятники той же территории в рамках бахмутинской культуры (III–VIII вв.), существование которой характеризуется двумя этапами: ранний – III–V вв. (раннебахмутинский или мазунинский) и поздний – V–VIII вв. (бахмутинский или позднебахмутинский)⁴. В соответствии с данной хронологией исследователи дают характеристику керамических комплексов раннебахмутинской и позднебахмутинской группы. Для первой группы свойственны: примесь в глине песка, мелких камушков, реже толченой раковины, а также сочетание острорезных форм с орнаментом в виде округлых или овальных ямок по шейке, косых насечек по венчику или шейке, горизонтальной «елочки» и гребенчатого орнамента⁵. Часто исследователи связывают керамику этого типа с традициями предшествующего населения эпохи раннего железного века⁶.

¹ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. С. 181.

² Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972. С. 252–254, (Рис. 7), 258.

³ Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дис. канд. ист. наук : 07.00.06. Уфа, 2000. С. 55, 125–129.

⁴ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010. С. 132–135, 156–160; Сунгатов Ф.А., Гарустович, Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа, 2004. С. 3–5.

⁵ Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Выпуск 5. Уфа, 2004. С. 229–230; Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское) // Уфимский археологический вестник. Выпуск 2. Уфа, 2000. С. 167.

⁶ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 62.

Вторая группа включает в себя открытые круглодонные сосуды с плоскими или закругленными венчиками, имеющие плавное округлое плечо, и характерный орнамент в виде беспорядочных или нанесенных рядами круглоямочных вдавлений, с примесью песка, мелких камушков, реже растительности и дресвы¹.

Таким образом, в современной историографии проблемы хронологии керамических комплексов бахмутинской культуры имеют несколько путей их решения. В своем исследовании мы опирались на двухступенчатую периодизацию бахмутинской культуры (III–V; V–VIII вв.), что позволило наметить некоторые различия подъемного материала раннесредневековых городищ.

Результаты археологической разведки. Целью данного исследования стала характеристика подъемного материала, полученного в ходе археологической разведки без осуществления земляных работ.

В ходе археологической разведки было обследовано 14 укрепленных поселений бахмутинской культуры локализуемых вдоль правого берега р. Быстрый Танып, на территории современных Татышлинского, Балтачевского, Калтасинского, Дюртюлинского, Янаульского административных районов Республики Башкортостан (Таблица 1).

В результате, подъемный материал, представленный в основном в виде остатков глиняной посуды, был обнаружен только на 7 городищах. Причинами отсутствия подъемного материала обычно становится техническое состояние археологических памятников. На четырех поселениях площадки и фортификация уничтожены полностью (Кальтыевское, Ново-Татышлинское, Алтаевское, Манякское).

Анализ керамики. Подъемный материал, представленный археологической керамикой, был проанализирован в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского² с применением бинокулярного микроскопа МБС-10. Была получена информация о гончарных традициях населения, проживавшего на данных городищах: состав формовочных масс, способы обработки поверхности и обжига.

При анализе исходного сырья выделяются ожелезненные и неожелезненные глины. Ожелезненные глины содержат естественные включения бурого железняка, и после дожига в муфельной печи при температуре 650° черепки приобретают красно-оранжевый цвет. Неожелезненные глины не содержат видимого бурого железняка, и после обжига цвет черепков не меняется либо становится серых или кремовых оттенков.

По степени запесоченности ожелезненные глины делятся на три вида – низкопластичную, среднепластичную и высокопластичную. Среди неожелезненных глин выделяются – низкопластичные и высокопластичные

¹ Иванов В.А., Останина Т.И. Указ. соч. С. 120–121; Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Указ. соч. С. 230; Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Указ. соч. С. 167.

² Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

глины. Низкопластичная глина содержит естественные включения песка в размере 0,1 – 0,5 мм в концентрации 1:3 – 1:4, среднепластичная – естественные включения песка в размере 0,1 – 0,5 мм в концентрации 1:5 – 1:6, высокопластичная – естественные включения песка в размере 0,1 – 0,5 мм в концентрации менее 1:7.

Изучение обработки поверхности большинства фрагментов было осложнено размерами подъемного материала. Однако удалось выявить следы механической обработки (заглаживание и лощение), а на Урском городище и следы термической обработки поверхности (чернение).

Обжиг всех фрагментов был произведен в очаге или в кострище в окислительной или в восстановительной среде. При обжиге в окислительной среде черепки в изломе имеют один, два или три цвета.

Барязинское городище (Таблица 2). Всего было проанализировано 11 фрагментов керамики, семь из которых орнаментированы круглыми ямочными вдавлениями.

В качестве исходного сырья использовалось все три вида ожелезненных глин – низкопластичная, среднепластичная и высокопластичная.

По данным подъемного материала на памятнике зафиксировано три рецепта формовочных масс: глина + органика, глина + песок + органика, глина + дробленая раковина + органика.

Поверхность всех фрагментов была заглажена, в 5 случаях удалось установить, что инструментом служил гладкий твердый предмет.

Обжиг производился в окислительной среде (9 случаев) и в восстановительной среде (2 случая).

Кудашевское городище (Таблица 3). На памятнике был найден и проанализирован один фрагмент керамики, орнаментированный круглыми ямочными вдавлениями. Фрагмент изготовлен из высокопластичной глины с добавлением песка и органики. Поверхность была заглажена, а затем слабо залощена. Обжиг производился в окислительной среде.

Манякское городище (Таблица 4). Было проанализировано 5 фрагментов керамики. Из них только один фрагмент орнаментирован круглыми ямочными вдавлениями.

В качестве исходного сырья использовалась ожелезненная глина (средне- и высокопластичная) и неожелезненная глина (низко- и высокопластичная). Формовочная масса изготавливалась по двум рецептам: глина + органика, глина + песок + органика.

Обработка поверхности – заглаживание, на одном из фрагментов зафиксировано, что инструментом был гладкий твердый предмет.

Обжиг производился в окислительной среде.

Краснохолмское городище (Таблица 5). Всего проанализировано 6 фрагментов, орнаментированных круглыми ямочными вдавлениями.

В качестве исходного сырья использовалась низкопластичная, среднепластичная и высокопластичная ожелезненная глина. Зафиксировано два рецепта формовочных масс: глина + органика и глина + песок + органика.

Поверхность всех фрагментов была заглажена гладким твердым предметом. На одном фрагменте зафиксированы статичные отпечатки шерсти.

Обжиг произведен в окислительной среде.

Кансиярское городище (Таблица 6). Было проанализировано 5 фрагментов керамики, один из которых – венчик с отколотой ручкой. Три из пяти фрагментов орнаментированы круглыми ямочными вдавлениями.

В качестве исходного сырья использовалась ожелезненная глина двух видов: среднепластичная и высокопластичная. Всего зафиксировано три рецепта формовочных масс: глина + песок + органика, глина + дробленая раковина, глина + тальковая дресва + органика (?). Фрагмент, в составе которого зафиксирована тальковая дресва, возможно, относится к более ранней эпохе (РЖВ, эпоха бронзы), однако, установить точно из-за небольших размеров экземпляра не представляется возможным.

Обработка поверхности производилась в четырех случаях заглаживанием, из них три фрагмента были обработаны гладким твердым предметом. На четвертом фрагменте удалось зафиксировать только следы неинтенсивного лощения.

Обжиг всех фрагмент был проведен в окислительной среде.

Юмакаевское городище (Таблица 7). Шесть из восьми изученных фрагментов орнаментировано круглыми ямочными вдавлениями и одно наколами.

В качестве исходного сырья использовалась средне- и высокопластичная ожелезненная глина. Зафиксировано три рецепта формовочных масс: глина + органика, глина + песок + органика, глина + дробленая раковина + органика.

Поверхность на всех фрагментах заглаживалась (в 5 случаях гладким твердым предметом), а на одном сверху слегка лощилась.

Обжиг в 2 случаях проводился в восстановительной среде и в 6 случаях в окислительной.

Урское городище (Таблица 8). Было проанализировано 7 фрагментов, шесть из которых орнаментированы круглыми ямочными вдавлениями.

В качестве исходного сырья отбиралась ожелезненная глина двух видов – среднепластичная и высокопластичная. Для изготовления формовочной массы использовалось два рецепта: глина + песок + органика и глина + дробленая раковина + органика.

Поверхность всех фрагментов была заглажена, из них 5 – гладким твердым предметом, и 1 – мягким предметом. В 4 случаях поверхность обрабатывалась в два этапа: поверх заглаживания на керамике фиксируются

следы лощения. На одном из черепков обнаружены статичные отпечатки шерсти. Возможно, два фрагмента были обработаны термически (чернение). Обжиг производился в окислительной среде.

Выводы. Рассмотренный нами керамический материал семи укрепленных поселений бахмутинской культуры выявил следующие общие черты подъемного материала городищ. Для всех изученных поселений характерна керамика с орнаментом в виде круглоямочных вдавлений, примеси песка и органики в глиняном тесте, обжиг керамической посуды проведен в окислительной среде. Значительно реже встречается примесь в виде толченой раковины, обжиг в восстановительной среде, а также орнамент в виде наколов.

Т.И. Останина выделяла примесь раковины как характерную черту для мазунинских племен бассейна реки Камы, а примесь песка – для племен бассейна реки Белой в ее нижнем течении¹. О.А. Казанцева на основе технико-технологического анализа керамики Кудашевского и Тарасовского могильников отмечает примесь раковины как характерную для мазунинской керамики². В формовочной массе раннебахмутинской (мазунинской) керамики Бирского грунтового могильника, расположенного на берегу р. Белой, также фиксируется примесь раковины³. По результатам анализа керамики с городища Уфа-II исследователи выделяют примесь раковины в формовочной массе сосудов с нижних горизонтов⁴, что позволяет связать ее с ранним этапом развития бахмутинской культуры.

Таким образом, присутствие традиции добавления раковины в формовочную массу при изготовлении глиняных сосудов на Барьязинском, Кансиярском, Юмакаевском и Урском поселениях может свидетельствовать о существовании данных памятников уже на раннем этапе развития бахмутинской культуры (III–V вв.).

В то же время примечательно, что в формовочной массе всех изученных фрагментов отсутствует примесь шамота, характерная для керамики Бирского могильника⁵ и городища Уфа-II⁶. Вероятно, традиция

¹ Останина Т.И. Указ. соч. С. 159.

² Казанцева О.А. Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I–V вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 1. Ижевск, 2011. С. 55 – 62; Она же. Некоторые итоги изучения керамики Кудашевского могильника (IV–V вв. н.э.) // XVII Уральское археологическое совещание. (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 253–256.

³ Фазрахманова А.К. Приспособительные гончарные традиции населения, оставившего Бирский могильник // IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (IV БАСК) (16 декабря 2011 г.): материалы конференции. Сибай, 2011. С. 116–119.

⁴ Мухаметдинов В.И., Фазрахманова А.К. К проблеме выделения культурных горизонтов на городище Уфа-II (по данным анализа распределения в слое бахмутинской керамики) // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летию юбилею Н.А. Мажитов. Уфа, 2013. С. 60–69

⁵ Фазрахманова А.К. Указ. соч. С. 116–119; Мухаметдинов В.И. Технико-технологический анализ серии сосудов Бирского могильника // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии): Сборник научных работ. Вып XI. Уфа, 2008. С. 236–238

⁶ Мухаметдинов В.И., Фазрахманова А.К. Указ. соч. С. 60–69.

добавлять шамот в глину появилась в результате внешних контактов бахмутинских племен.

Основываясь на известную хронологию керамики бахмутинской культуры, нами был определен промежуток времени, в котором могло существовать каждое городище. В результате, время бытования исследованных нами поселений бахмутинского времени укладывается в широкие границы III–VIII вв. н.э.

Подводя итоги предварительной оценки результатов археологической разведки бахмутинских поселений правобережья реки Быстрый Танып стоит отметить, что дальнейшее изучение бахмутинской керамики в рамках историко-культурного подхода при условии увеличения выборки позволит уточнить культурные традиции бахмутинских племен и время их бытования на данной территории.

Таблица 1. Городища бахмутинской культуры правобережья р. Быстрый Танып

Городище	Культурная принадлежность	Административный район	Подъемный материал	Источники информации
Юг-Хуторское	Бахмутинская культура	Татышлинский	нет	Стоколос В.С. Отчет 1967; АКБ № 613; АПБ № 9; Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. Отчет 2011.
Ново-Татышлинское	Бахмутинская культура	Татышлинский	нет	Галиев А.Н. Отчет 1986; ПАБ № 68.
Кальтяевское	Бахмутинская культура	Татышлинский	нет	Галиев А.Н. Отчет 1986; ПАБ № 66.
Уразгильдинское	Бахмутинская культура	Татышлинский	нет	Галиев А.Н. Отчет 1986; ПАБ № 65.
Урское	Бахмутинская культура	Балтачевский	есть	Стоколос В. С. 1967; АКБ № 605; АПБ № 22.
Кансияровское	Бахмутинская культура	Балтачевский	есть	Мажитов Н. А. 1957, 1959; АКБ № 588; АПБ № 21.
Тучубаевское	Бахмутинская культура	Балтачевский	нет	Мажитов Н.А. 1957; 1959; Иванов В.А. 1972; АКБ № 587; АПБ № 20.
Юмакаевское	Бахмутинская культура	Бураевский	есть	Мажитов Н.А. 1957; АКБ № 581; АПБ № 25.
Алтаевское	Пьяноборская, бахмутинская культура	Бураевский	нет	Морозов Ю.А. 1965; АКБ № 555.

Бустанаевское	Бахмутинская культура	Бураевский	нет	Мажитов Н.А. 1967; Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. 2011; АКБ № 525; АПБ № 24.
Кудашевское	Бахмутинская культура	Бураевский	есть	Васюткин С.М. 1959; Морозов Ю.А. 1964; Щербаков Н. Б., Шутелева И.А. Отчет 2011; АКБ № 539; АПБ № 26.
Барьязинское	Бахмутинская культура	Калтасинский	есть	Морозов Ю.А. 1964; Иванов В.А. 1974; Акбулатов И.М. Отчет 2010; АКБ № 496, АПБ № 16.
Краснохолмское	Бахмутинская культура	Янаульский	есть	Васюткин С.М. 1959; Акбулатов И.М. 2010; АКБ № 511; АПБ № 18.
Маняжское	Бахмутинская культура	Дюртюлинский	есть	Мажитов Н.А.. 1967; Овсянников В.В. 2010; АКБ № 637; АПБ № 36.

Список научных отчетов использованных при составлении табл. 1: *Акбулатов И.М.* О проведении инвентаризации памятников археологии Краснокамского района Республики Башкортостан. Уфа, 2010. // Архив Государственного бюджетного учреждения культуры Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры Республики Башкортостан (далее Архив ГБУК НПЦ МК РБ); *Васюткин С.М.* Отчет об археологических разведках, проведенных ИИЯЛ БФАН СССР в окрестностях г. Бирска, Бураевском и Калтасинском районах // Научный архив Уфимского научного центра РАН (далее НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 377; *Галиев А.Н.* Научный отчет об археологических разведках в северных районах БАССР и южных районах Пермской области в 1981–83 гг. Аксаитово, 1986 // Научный архив Археологической лаборатории Башкирского государственного университета (далее НА АЛ БашГУ). Ф. 6. Д. 30; *Иванов В.А.* Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне рек Белой и Уфы 1974 г. Уфа, 1974. // НА АЛ БашГУ. Ф. 6. Д. 13; *Он же.* Отчет о раскопках в составе московского отряда нижекамской археологической экспедиции. Уфа, 1972. // НА АЛ БашГУ. Ф. 6. Д. 7; *Мажитов Н.А.* Научный отчет об археологической экспедиции в Бураевский и Балтачевский районы Башкирской АССР за 1957 г. // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 372; *Он же.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции в Бирский, Калтасинский, Бураевский и Балтачевский р-ны БАССР за 1959 г. // Научный архив Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (далее НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 459; *Морозов Ю.А.* Научный отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции в 1965 г. // НА ИЭИ УНЦ РАН. А/АО/1-54; *Овсянников В.В.* Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Дюртюлинском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2010 // Архив ГБУК НПЦ МК РБ; *Стоколос В.С.* Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 год. // НА ИЭИ УНЦ РАН. А/АО/1-03а; *Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.* Научный отчет о проведении археологической разведки в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2011 году по Открытому листу № 996. // Архив ГБУК НПЦ МК РБ.

Таблица 2. Барьязинское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье			Рецепт ФМ			Механическая ОП	Орнамент		Обжиг			
		Г1	Г2	Г3	Г+О	Г+П+О	Г+ДР+О	Заглаживание	нет	Круглые ямочные вдавления	О/1цв	О/2цв	О/3цв	В
1	стенка	+			+			ГТП		+			+	
2	стенка	+				+		ГТП		+				+
3	стенка			+			+	+	+			+		
4	стенка			+			+	ГТП	+				+	
5	стенка	+				+		ГТП		+		+		
6	стенка		+			+		+		+			+	
7	стенка		+		+			+	+					+
8	стенка			+		+		+	+			+		
9	стенка	+			+			+		+	+			
10	стенка	+			+			ГТП (?)		+	+			
11	стенка		+			+		+		+			+	

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г1 – низкопластичная железненная глина, Г2 – среднепластичная железненная глина, Г3 – высокопластичная железненная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, ДР – дробленая раковина, О – обжиг в окислительной среде, В – обжиг в восстановительной среде, ГТП – гладкий твердый предмет.

Таблица 3. Кудашевское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье	Рецепт ФМ	Механическая ОП		Орнамент	Обжиг
		Г3	Г+П+О	Заглаживание	Лощение	Круглые ямочные вдавления	О/2цв
1	стенка	+	+	+	+	+	+

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г3 – высокопластичная железненная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, О – обжиг в окислительной среде.

Таблица 4. Маняжское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье				Рецепт ФМ		Механическая ОП	Орнамент		Обжиг		
		Г2	Г3	Г4	Г5	Г+О	Г+П+О	Заглаживание	нет	Круглые ямочные вдавления	О/1цв	О/2цв	О/3цв
1	стенка	+				+		ГТП		+		+	
2	стенка				+		+	+	+				+
3	стенка			+			+	+	+		+		
4	стенка		+				+	+	+			+	
5	стенка				+		+	+	+				+

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г2 – среднепластичная железненная глина, Г3 – высокопластичная железненная глина, Г4 – низкопластичная глина, Г5 – высокопластичная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, О – обжиг в окислительной среде, ГТП – гладкий твердый предмет.

Таблица 5. Краснохолмское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье			Рецепт ФМ		Механическая ОП		Орнамент	Обжиг		Прочее
		Г1	Г2	Г3	Г+О	Г+П+О	Заглаживание	Круглые ямочные вдавления	О/2цв	О/3цв		
1	венчик	+			+		ГТП		+	+		
2	стенка	+			+		ГТП		+	+		
3	стенка			+		+	ГТП		+	+		
4	стенка		+			+	ГТП		+	+		
5	стенка			+		+	ГТП		+		+	Статичные отпечатки шерсти
6	стенка		+		+		ГТП		+	+		

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г1 – низкопластичная ожелезненная глина, Г2 – среднепластичная ожелезненная глина, Г3 – высокопластичная ожелезненная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, О – обжиг в окислительной среде, ГТП – гладкий твердый предмет.

Таблица 6. Кансыярское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье		Рецепт ФМ			Механическая ОП		Орнамент		Обжиг	
		Г2	Г3	Г+П+О	Г+ДР	Г+ГД+О(?)	Заглаживание	Лощение	нет	Круглые ямочные вдавления	О/1цв	О/3цв
1	Венчик (с ручкой)	+		+			ГТП				+	+
2	стенка	+		+			ГТП				+	+
3	стенка	+		+			ГТП				+	+
4	стенка		+		+			+	+		+	
5	стенка		+			+	+		+		+	

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г2 – среднепластичная ожелезненная глина, Г3 – высокопластичная ожелезненная глина, Г4 – низкопластичная глина, Г5 – высокопластичная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, ДР – дробленая раковина, ТД – тальковая дресва, О – обжиг в окислительной среде, ГТП – гладкий твердый предмет.

Таблица 7. Юмакаевское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье		Рецепт ФМ			Механическая ОП		Орнамент			Обжиг		
		Г2	Г3	Г+О	Г+П+О	Г+ДР+О	Заглаживание	Лощение	нет	Круглые ямочные вдавления	Наколы	О/2цв	О/3цв	В
1	стенка	+			+		ГТП			+			+	
2	стенка		+			+	+			+				+
3	стенка	+		+			+				+	+		
4	стенка	+			+		ГТП	+		+		+		
5	стенка	+			+		ГТП			+		+		
6	стенка	+		+			ГТП (?)			+			+	
7	стенка	+		+			ГТП			+				+
8	стенка		+			+	+		+				+	

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г2 – среднепластичная ожезненная глина, Г3 – высокопластичная ожезненная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, ДР – дробленая раковина, О – обжиг в окислительной среде, В – обжиг в восстановительной среде, ГТП – гладкий твердый предмет.

Таблица 8. Урское городище

№	Фрагмент	Исходное сырье		Рецепт ФМ		Механическая ОП		Термическая ОП	Орнамент		Обжиг		Прочее
		Г2	Г3	Г+П+О	Г+ДР+О	Заглаживание	Лощение		нет	Круглые ямочные вдавления	О/2цв	О/3цв	
1	стенка		+	+		ГТП	+	чернение (?)		+		+	
2	стенка		+	+		МП	+			+	+		
3	стенка	+		+		ГТП				+	+		
4	стенка		+		+	ГТП				+	+		
5	стенка		+	+			+			+	+		Статичные отпечатки шерсти
6	стенка		+	+		ГТП (?)				+	+		
7	стенка	+		+		ГТП (?)	+	чернение (?)	+		+		

Примечание к таблице: ФМ – формовочная масса, ОП – обработка поверхности, Г2 – среднепластичная ожезненная глина, Г3 – высокопластичная ожезненная глина, Г – глина, О – органика, П – песок, ДР – дробленая раковина, О – обжиг в окислительной среде, ГТП – гладкий твердый предмет.

© Колонских А.Г., Бахшиева А.К., 2015.

**ОБУВНЫЕ НАБОРЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(III–VIII ВВ. Н.Э.) УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ)**

O.S. Krpacheva

**SHOE COLLECTIONS THE EARLY MIDDLE
(III-VIII CENTURIES A.D.), THE UFA-BELAY INTERFLUVE
(THE ISSUE OF CLASSIFICATIONS)**

Аннотация: В настоящей статье предложена классификация элементов обувных наборов из памятников эпохи раннего средневековья Уфимско-Бельского междуречья.

Ключевые слова: классификация, раннее средневековье, Уфимско-Бельское междуречье.

Annotation: The present paper provides information on the classification of elements of shoe collections of the monuments of the early Middle Ages, the Ufa-Belay interfluve.

Key words: classification, The Ufa-Belaya interfluve, early Middle Ages.

Обувные наборы эпохи раннего средневековья неоднократно становились объектом для исследования. Так, вопросы классификации элементов обувных наборов из ряда памятников мазунинской культуры отражены в обобщающем исследовании Т.И. Останиной,¹ а реконструкции внешнего вида обуви пьяноборско-мазунинского времени посвящены работы А.А. Красноперова².

В настоящей статье впервые была составлена общая классификация элементов обувных наборов из памятников Уфимско-Бельского междуречья. Были проанализированы материалы 206 опубликованных погребений Бирского (III–VIII вв. н. э. по А. Н. Султановой),³ 14 погребений Бахмутинского (V–VII вв. н.э. по А.В. Шмидту),⁴ 95 погребений Ангасякского (IV вв. н.э. по Т.И. Останиной),⁵ 155 погребений Старо-Кабановского (IV–V вв. н.э.)⁶ и 81 погребения Югомашевского (V вв.

¹ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. С. 62–68.

² Красноперов А.А. Обувь пьяноборско-мазунинского времени // Емельяновские чтения. Курган, 2007. С.25–28.

³ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968; Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Автореф. дисс. на соискание ... к.и.н... Уфа, 2000.

⁴ Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в Бирском, Покровском и Нуримановском районах Башкирской АССР за 1960 г. // Научный архив Археологической лаборатории Башкирского государственного университета (далее НА АЛ БашГУ).

⁵ Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980.; Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского грунтового могильника // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2007. Вып. 6–7. С. 89–111.

⁶ Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устиново, 1986. С. 63–130.

н.э. по Т.И. Останиной)¹ могильников (всего 551 погребение). Указанные некрополи оставлены населением племен бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской и кара-якуповской культур. К сожалению, не представилось возможным детально ознакомиться с материалами 25 погребений Бахмутинского могильника (раскопки А.В. Шмидта), но информация, изложенная исследователем в итоговой статье,² была учтена при описании внешнего вида обуви.

Пряжки. Обнаружены в 2 погребениях Бахмутинского, 3 погребениях Старо-Кабановского, 4 погребениях Ангасякского, 8 погребениях Югомашевского и 35 погребениях Бирского могильников. Не удалось определить внешний вид пряжек из одного погребения Бахмутинского, двух погребений Югомашевского и двух погребений Ангасякского могильников.

В основе деления пряжек на типы лежит классификационная схема В.Б. Ковалевской;³ при описании морфологии конструктивных элементов использованы разработки Ю.Л. Щаповой⁴.

Отделы выделены по форме рамки, подотделы – по наличию щитка, типы по форме щитка, варианты и подварианты – по морфологическим особенностям. Каждому типу пряжек присвоено цифро-буквенное обозначение, указанное в скобках.

Отдел I. Круглорамчатые либо сегменторамчатые.

Подотдел А. Бесщитковые.

Тип 1. С неподвижным крючком (**IA1**; Анг. мог., 1 экз., рис. 1, 1).

Тип 2. С утолщенной спереди рамкой и подвижным язычком (**II** экз.)

Вариант **а.** С чуть выходящим за рамку язычком (**IA2a**; Бирск. мог., 7 экз.; Ст.-Каб. мог., 1 экз.; Юг. мог., 2 экз. рис. 1, 3)

Вариант **б.** С коротким язычком (**IA2б**; Юг. мог., 1 экз.).

Подотдел Б. Щитковые.

Тип 1. С треугольным щитком (**I5** экз.).

Вариант **а.** С рамкой из равномерно круглого в сечении дрота; с язычком, заходящим за внешний край рамки и имеющим уступчик у основания; с небольшим относительно рамки щитком (**IB1a**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1,4).

Вариант **б.** С чуть заходящим за рамку язычком; со скошенными углами щитка. Щиток встречается как короткий, так и удлиненный (**IB1б**; Юг. мог., 4 экз.; Ст.-Каб. мог., 4 экз., рис. 1,5).

Вариант **в.** С утолщенной спереди рамкой; с заходящим язычком, имеющим уступчик у основания; с щитком, внешняя сторона которого треугольной, а обратная – подпрямоугольной формы (**IB1в**; Бирск. мог., 5 экз., рис. 1,6)

¹ Васюткин С.М., Калинин В.К. О работе первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1975 году // НА АЛ БашГУ; Останина Т.И. Указ. соч. С. 130.

² Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 16–27.

³ Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979.

⁴ Щапова Ю.Л. Морфология украшений. М., 2007.

Вариант г. С утолщенной спереди рамкой; с коротким прямым язычком; с удлиненным щитком (**ИБ1г**; Ст.-Каб. мог., 1 экз., рис. 1,24)

Тип 2. С овальным либо сегментовидным щитком (15 экз.).

Вариант а. С утолщенной спереди рамкой; с длинным язычком, имеющим уступчик у основания; с овальным щитком, украшенным двумя шляпками-полугорошинами шпеньков (**ИБ2а**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1,7);

Вариант б. С длинным язычком, имеющим уступчик у основания; с щитком, форма которого близка к сегментовидной.

Подвариант 1. С утолщенной спереди рамкой; щиток украшен тремя шляпками-полугорошинами шпеньков (**ИБ2б1**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1,8);

Подвариант 2. С рамкой из равномерно круглого в поперечном сечении дрота; щиток соединялся при помощи одного шпенька (**ИБ2б2**; Бирск. мог., 12 экз., рис. 1,9);

Подвариант 3. С утолщенной спереди рамкой; с небольшим. относительно рамки, щитком, стороны которого соединены при помощи одного шпенька (**ИБ2б3**; Ст.-Каб. мог., 1 экз., рис. 1, 10).

Тип 3. С щитком подпрямоугольной формы (3 экз.).

Вариант а. С утолщенной спереди рамкой из круглого в поперечном сечении дрота; с удлиненным щитком; язычок отсутствует (**ИБ3а**; Бахм. мог., 1 экз., рис. 1, 11)

Вариант б. С рамкой из равномерно круглого в поперечном сечении дрота; с удлиненным язычком; щиток украшен по периметру орнаментом из насечек (**ИБ3б**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 12)

Тип 4. С щитком подтрапециевидной формы (**ИБ4**; Бирск. мог., 4 экз., рис. 1, 13).

Тип 5. С круглым щитком.

Вариант а. С неподвижным крючком (**ИБ5а**; Анг. мог., 1 экз., рис. 1, 2).

Отдел II. Овальнорамчатые.

Подотдел А. Бесщитковые.

Тип 1. С утолщенной спереди рамкой; с прогнутым язычком, выходящим далеко за край рамки (**ПА1**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 14);

Тип 2. С рамкой из равномерно круглого в поперечном сечении дрота; с прогнутым язычком, чуть выходящим за рамку (**ПА2**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 15);

Подотдел Б. Щитковые.

Тип 1. С прямоугольным щитком (21 экз.).

Вариант а. С украшением из зерни по периметру щитка и в центре (10 экз.).

Подвариант 1. С коротким язычком (**ПБ1а1**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1, 16).

Подвариант 2. С длинным язычком, заходящим за край рамки (**ПБ1а2**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 17).

Подвариант 3. С широким язычком, имеющим выступ у основания (**ПБ1а3**; Бирск. мог., 7 экз., рис. 1, 18).

Вариант б. С выгнутым в середине язычком, чуть выходящим за край рамки; с выпукло-вогнутым щитком (**ПБ1б**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1, 19)

Вариант в. С утолщенной спереди рамкой; с длинным, загнутым язычком.

Подвариант 1. С одной полугорошиной на поверхности щитка (**ПБ1в1**; Бирск. мог., 9 экз., рис. 1, 20).

Подвариант 2. С шестью полугорошинами на поверхности щитка (**ПБ1в2**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 21)

Отдел III. С В-образной рамкой.

Подотдел А. Щитковые.

Тип 1. С прямоугольным щитком (5 экз.).

Вариант **а.** С украшением щитка в виде золоченой зерни по периметру и в центре; с длинным хобботковидным язычком, (**ША1а**; Бирск. мог., 4 экз., рис. 1, 22)

Вариант **б.** С хобботковидным язычком, не выходящим за край рамки; с выпукло-вогнутым щитком (**ША1б**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1, 23).

Тип 2. С круглым щитком (2 экз.).

Вариант **а.** С прогнутым язычком, не выходящим за край рамки (**ША2а**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 25)

Тип 3. С лировидным щитком (**ША3**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1, 26)

Наконечники. Обнаружены в 3 погребениях Югомашевского, 3 погребениях Старо-Кабановского, 17 погребениях Бирского могильников.

Отделы выделены по способу крепления к ремню, типы – по форме изделия, варианты и подварианты – по конструктивным либо орнаментальным особенностям.

Отдел А. Из согнутой пополам пластины, соединенной при помощи шпенок-гвоздиков, ремень зажимался между двумя сторонами пластины (12 экз.).

Тип 1. Прямоугольной формы с закругленным окончанием (**А1**; Бирск. мог., 2 экз.; Ст.-Каб. мог., 4 экз., Юг. мог., 5 экз., рис. 1, 27).

Тип 2. Подтрапецевидной формы, с цилиндрическим расширением на месте сгиба пластины, обе стороны соединены при помощи шпенок с шляпками-полугорошинами (**А2**; Бирск. мог., 1 экз., рис. 1, 28).

Тип 3. Подпрямоугольной формы, с выемками по бокам и кольцевой привеской на месте сгиба пластины (**А3**; Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 35). Данные изделия были обозначены ранее как тип поясных накладок,¹ но вполне возможно, что они могли быть использованы и в качестве наконечников ремней².

Отдел Б. Наконечник крепился к ремню при помощи шпенок или штифтов на оборотней стороне (19 экз.).

Тип 1. Подпрямоугольной формы.

Вариант **а.** Двускатный наконечник с заостренным окончанием (**Б1а**; Бирск. мог., 9 экз., рис. 1, 29)

Вариант **б.** С закругленным окончанием, с украшением из золоченой зерни.

Подвариант 1. Зернь располагается по периметру и волнистой линией по центру (**Б1б1**; Бирск. мог., 4 экз., рис. 1, 30);

¹ *Крапачева О.С.* Поясные накладки из памятников эпохи средневековья Уфимско-Бельского междуречья (к вопросу о технологии и типологии) // Международная полевая школа в Болгаре. Казань, 2015. С.172–182.

² *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М., 1968.С. 107.

Подвариант 2. Сплошное украшение зернью (**Б1б2**; Бирск. мог., 4 экз., рис. 1, 31);

Вариант **в.** Двусоставный наконечник, обе части которого соединялись при помощи шпенька (**Б1в**, Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 32).

Накладки. Обнаружены в 6 погребениях Бирского могильника. Типы выделены по основной форме накладок.

Тип 1. Лунницы (Бирск. мог., 10 экз., рис. 1, 33).

Тип 2. Круглые (Бирск. мог., 2 экз.). Данный тип накладок отнесен к обувным условно. К сожалению, не совсем понятно из полевого описания п.148, какой именно внешний вид имели данные накладки¹.

Застежки-петли (Бирск. мог., 2 экз., рис. 1, 34). Обнаружены в п. 139 Бирского могильника снаружи ступней обеих ног.

Обувь раннебахмутинских племен выглядела относительно скромно: в могильниках Уфимско-Бельского междуречья, датируемых III-V вв. н. э., в составе немногочисленных обувных наборов обнаружены только пряжки и наконечники ремешков. Для сравнения, обувь в одновременных комплексах из памятников на территории Удмуртии была украшена еще и накладками². В Бахмутинском (раскопки Н.А. Мажитова) и Ангасякском могильниках обувные ремешки украшались исключительно пряжками, а в погребениях Югомашевского и Старо-Кабановского могильников обнаружены более разнообразные, но так же, в основном, неполные сочетания обувных наборов. Скорее всего, обувные накладки появляются в рассматриваемых памятниках только после V-VI вв. н.э., обнаружены они в Бирском могильнике в богатых женских (?) бахмутинских и мужских (?) турбаслинских погребениях.

Судя по полемому описанию, обувные ремешки обхватывали ногу примерно на уровне щиколотки, причем пряжка могла застегиваться как с внешней (Бирск, *пп.* 108, 128, 137), так и с внутренней стороны ноги (Старо-Кабаново, *п.115*). Наличие ремешка вокруг щиколотки характерно для обуви типа *туфель*, а находки накладок в составе обувных наборов может являться свидетельством бытования *сапог*³. В то же время, среди раскопанных А.В. Шмидтом 25 погребений Бахмутинского могильника в ранних комплексах (по А.В. Шмидту – V – нач. VI вв. н.э.) с наружной стороны колен зафиксированы остатки ремешков с бронзовой и железной фурнитурой (пряжки, наконечники, железные колечки).

С точки зрения А.В. Шмидта, эти ремешки могли служить для поддержки обуви типа *болотных сапог* (определение исследователя)⁴. Возможно археологом были зафиксированы остатки зимней обуви, голенища которой делались более высокими и широкими, для того чтобы в них можно было заправить штанины и надеть чулки⁵.

¹ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. С. 106–107.

² Красноперов А.А. Указ. соч. С. 26; Останина Т.И. Указ. соч. С. 320. Рис. 74.

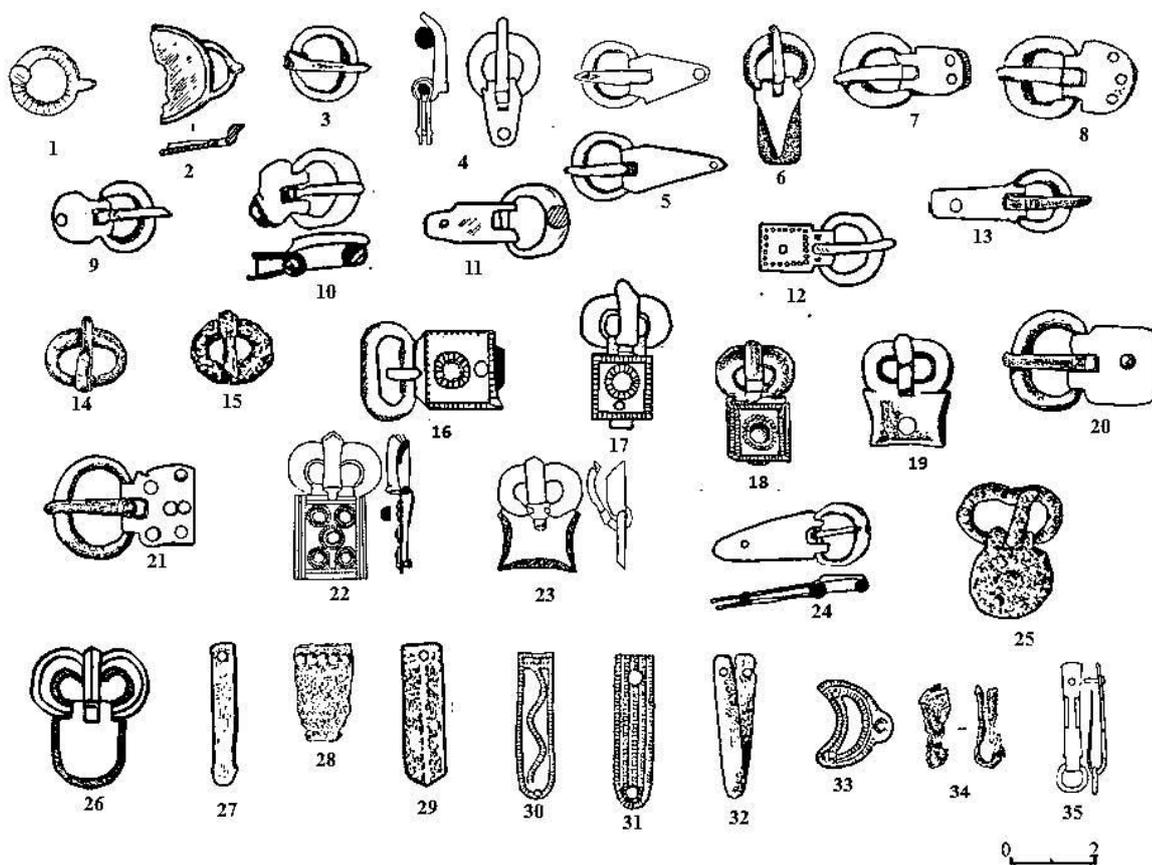
³ Красноперов А.А. Указ. соч. С. 26.

⁴ Шмидт А.В. Указ. соч. С.19–20.

⁵ Старостина О. В. Обувь в традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана (XIX первая треть XX в.). Автореф. дисс....канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2009. С. 19. По : Красноперов А.А. Логико-археологический трактат (О методологии, методике, проблемах и решениях изучения археологического костюма) // URL: <https://www.academia.edu/1757469>

Таким образом, изучение обувных наборов эпохи раннего средневековья Уфимско-Бельского междуречья представляется достаточно перспективной темой. Определение хронологических позиций для каждого выделенного типа и более детальная реконструкция внешнего вида обуви послужит темой для дальнейших исследований.

Рисунок 1

Примечания к рисунку: 1. Ангасякский мог. (п. 5). 2. Ангасякский мог. (п. 4). 3. Бирский мог. (пп. 22, 25, 70, 148), Старо-Кабановский мог. (п. 86), Югомашевский мог. (р. II, п. 53). 4. Бирский мог. (п. 2). 5. Старо-Кабановский мог. (пп. 80, 115), Югомашевский мог. (р. II, пп. 6,8,10). 6. Бирский мог. (пп. 33, 126, 128). 7. Бирский мог. (п. 40). 8. Бирский мог. (п. 40). 9. Бирский мог. (пп. 71, 116, 117, 139, 195). 10. Старо Кабановский мог. (п. 86). 11. Бахмутинский мог. (п. 5). 12. Бирский мог. (п.166). 13. Бирский мог. (пп. 108, 154, 195). 14. Бирский мог. (п. 52). 15. Бирский мог. (п. 137). 16. Бирский мог. (п.165). 17. Бирский мог. (п. 156). 18. Бирский мог. (п.77, 124, 130). 19. Бирский мог. (п. 138). 20.Бирский мог. (пп. 95, 108, 114, 125), Бахмутинский мог. (п. 5). 21. Бирский мог. (п. 83). 22. Бирский мог. (п.88, 111). 23.Бирский мог. (п. 138). 24. Старо-Кабановский мог. (п. 80). 25. Бирский мог. (п. 196). 26. Бирский мог. (п. 165). 27. Бирский мог. (п. 95), Югомашевский мог. (р. II, пп.7,8,15), Старо-Кабановский мог. (пп. 80, 115). 28. Бирский мог. (п. 125). 29.Бирский мог. (пп. 71, 108, 117, 126, 128, 137, 166). 30. Бирский мог. (п.77, 111). 31. Бирский мог. (пп. 83, 88, 130, 165). 32. Бирский мог. (п.176). 33. Бирский мог. (пп. 77, 88, 111, 124, 130). 34. Бирский мог. (п. 139). 35. Бирский мог. (п. 154).

© Крапачева О.С., 2015.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧУВАШЕЙ О КЛАДБИЩАХ

Medvedev V.V.

TRADITIONAL VIEWS OF CHUVASH ABOUT THE CEMETERIES

Аннотация: Важным компонентом сельского поселения является кладбище или несколько кладбищ. Ситуация характерна для смешанных деревень и сел, где представители разных народов или одного народа исповедуют разные религии. Локусы захоронения покойных чуваша называли *çăва*, *масар* «кладбище». В первом случае происхождение слова связано с древнетюркским языком, а во втором – с арабским и персидским.

Ключевые слова: чуваша, поселение, кладбище, глава кладбища, надмогильный памятник.

Abstract: An important component of rural settlement is a cemetery or more cemeteries. The situation is typical for mixed villages and hamlets, where representatives of different nations or people, profess different religions. Locus burial dead called Chuvash as *çăva*, *masar* like «cemetery». In the first case, the origin of the word is connected with the ancient Turkic language, while the second – with the Arab and Persian.

Keywords: Chuvashs, settlements, cemetery, the head of the cemetery, gravestones monument.

В чувашских поселениях можно встретить кладбища *çăваш масарё* «чувашей, придерживающихся традиционной веры и обрядов», *вырăс масарё* «крещеных чувашей», *тутар масарё* «чувашей, принявших ислам» и *салтак масарё* «погибших на войне и не вернувшихся на родину». *Салтак масарё*, как правило, самое маленькое кладбище, иногда это группа надмогильных памятников, расположенных за границей центрального кладбища, не обнесенных общей оградой. Например, *юна* «надмогильные столбы», установленные в память о погибших солдатах, в с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской области разделены с кладбищем дорогой и представлены единой группой¹. Традиция жива и среди крещеных чувашей. Мать, супруга погибшего на стороне устанавливали у реки либо ручья деревянный крест, у которого затем совершали поминание².

Слово *масар* крепко закрепилось среди тюркоязычных народов³. Одно из первоначальных значений термина «могила святого человека»⁴. Захоронения служили объектами паломничества, поэтому другое

¹ Полевые материалы автора (далее ПМА), Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Чувашское Урметьево, 2014 г.

² Институт истории материальной культуры Российской академии наук (далее ИИМК РАН). Ф. 95. Оп. 4.4. Л. 2–2 об.

³ *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 129, 204.

⁴ *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А–Р. Чебоксары, 1996. С. 343–344.

обозначение «место, которое посещают»¹. Также кладбища чувашей именовали *куринке* и *вилё карти*².

В некоторых местах одно кладбище состояло и из разных концов: *чаваш масарё*, *вырӑс масарё* и *тутар-пушкӑрт масарё*³. Деление кладбища – отражение культурной изоляции некрещеных чувашей от мусульман и православных. При отсутствии отдельных кладбищ имеются самостоятельные участки, разделенные тропой или рвом⁴. Границу обозначают и искусственно высаженные деревья, а также религиозные символы. Кладбище с. Новое Сережкино Лениногорского р-на Республики Татарстан делится на стороны некрещеных и крещеных чувашей. Символическая преграда в прошлом представляла собой *юна* и крест, воздвигнутые напротив друг друга⁵.

Одним из видов кладбищ были *кив масар* «старые кладбища»⁶. Так называли деревенские кладбища некрещеных чувашей, объединявших родственные селения. На старом кладбище д. Полевые Кизильяры погребали усопших жители восьми окрестных деревень⁷.

Известно *Шуршу масарё* «кладбище белой воды», расположенное на левом берегу р. Белая Воложка. Чувашей деревень *Паймиш*, *Йершер*, *Пӑрмас*, *Чашлама*, *Юпсар*, *Туканаш* и *Ватнер* использовали кладбище совместно⁸. В Буинском уезде Симбирской губернии ряд деревень был объединен названием *Тӑхӑр ял* «девять деревень» (*Пӑркел*, *Пимӑрсел*, *Кивӑ Мертлӑ*, *Сӗнӑ Мертлӑ*, *Елиел*, *Раккаси*, *Таккавар*, *Киштек* и *Хирти Кушкӑ*), имели общее кладбище *тӑхӑр ял масарё* «кладбище девяти деревень»⁹.

Совместные кладбища явный признак родственных связей и выделения деревень из материнского поселения. Так, с. Новое Сережкино Лениногорского р-на РТ основанное в 1750-х гг. некрещеными чувашами д. Старое Сережкино (сейчас с. Старое Сережкино Черемшанского р-на РТ) до 1920-х гг. не имело собственного кладбища. По сведениям информантов, покойных отвозили на старосережкинское кладбище. С выделением земли под новое кладбище жители долгое время не решались хоронить здесь умерших. Первым был похоронен сирота, впоследствии сельчане уже не увозили усопших в соседнее село¹⁰.

¹ Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 151.

² Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. 7–8. Чебоксары, 1999. С. 4, 202.

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 126.

⁴ Ягафова Е.А. Чувашское язычество в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2007. С. 60.

⁵ ПМА, Республика Татарстан, Альметьевский р-н, с. Новое Суркино; Лениногорский р-н, с. Новое Сережкино, 2014 г.

⁶ Ашмарин Н.И. Указ. соч. С. 204.

⁷ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1927). № 230. Л. 2; № 231. Л. 7.

⁸ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2.1453. Л. 15; Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881. С. 165.

⁹ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. 15–16. Чебоксары, 2000. С. 7.

¹⁰ ПМА, Республика Татарстан, Лениногорский р-н, с. Новое Сережкино, 2014 г.

Под *масар* подразумевали не только кладбища, но и места, на которые чувашаи относили вещи усопших¹. «По возвращении с кладбища, домашние покойного прежде всего относят на *мазарки* платье, в котором он умер, его постелю, посуду, из которой его обмывали, а также некоторые другие вещи»².

Наблюдения, проводимые во время экспедиционных выездов, позволяют выделить черты, отвечавшие требованиям чувашей при организации кладбища. Во-первых, определенная удаленность от сельского поселения. Здесь не существует единого расстояния, поэтому оно может занимать путь от десятков метров до нескольких километров. Чувашаи выбирали территории одновременно отдаленные от деревни, сакральных мест и больших дорог³. Во-вторых, на кладбище ведет накатанная дорога, как правило, грунтовая, пересекающая географическое препятствие. Дорога – последний путь, который преодолевает покойный, покидая родных и дом. По ней же душа будет навещать своих близких в поминальные дни. Дорога должна быть свободной и удобной.

Естественно-географическими преградами служат река, ручей, овраг или заболоченная местность. Видим и искусственно созданные препятствия, например, распаханная борозда. На пути можно встретить и мост, объединяющий противоположные стороны оврага либо реки. Следующая черта сельского кладбища – лесная роща, в которой оно находится. Г.Ф. Миллер подчеркивал обязательное расположение деревенского кладбища в лесу⁴.

На безлесных участках распространена посадка деревьев и кустарников. Кладбище может находиться на пригорке или другой возвышенности, что позволяет быстро стекать воде, не размывая могилы. Занимают под последние дома усопших ровные пространства.

Чувашские кладбища находились в стороне от поселения и главных дорог. Границей сельского мира «мира живых людей» и кладбища «мира мертвых» служили овраг, река и ручей. Традиционное расположение кладбища, по сведениям А.К. Салмина, приходилось на угол, образованный рекой и ближним оврагом⁵. Подобной реконструкции соответствует *чъваш масарё* некрещеных чувашей с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ. Перед кладбищем проходит овраг *хуп пйрахнй вар* «овраг для сбрасывания луба», где установлены столы и стульчики, а в прошлом скидывали вещи покойных. Чувашаи раскладывают на столиках и стульчиках пищу, а на землю ставят мешок с костями жертвенного животного, собранные при поминании

¹ *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. С. 42.

² *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 132–133.

³ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 143.

⁴ *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 78.

⁵ *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 557–558.

усопшего¹. Вход на кладбище устроен с западной стороны, восточная (тыльная) часть кладбища оканчивается неглубокой речкой. Практически на стыке реки и оврага находится кладбище. В созданном углу огорожено *салтак масарё*. *Вырӑс масарё* и *тутар масарё* расположены поближе к поселению перед оврагом, но с разных сторон дороги².

Периметр кладбищ чувашаи окружали рвом, т.к. в таком случае мертвые не могли их покинуть³. На этой линии проводили поминальные обряды, посвященные предкам⁴. Заслуживает внимания сюжет расположения кладбища относительно поселения. По традиции они должны были занимать западную сторону, что подтверждают проводимые в честь предков обряды, когда молящиеся обращались лицом на запад. Близким к западной стороне является ориентир на север⁵. Неслучайно, приглашая усопших на поминки, поворачивались к северу, т.к. «общая обитель мертвых предполагается где-то на севере»⁶.

Устойчивым элементом кладбища являются лесные массивы и насаждения. Могилы копают в небольших рощах, их территорию засаживают деревьями либо кустарниками. На кладбище встречаются дуб, липа, осина, береза и сосна. Из искусственно высаженных деревьев и кустарников видим рябину, калину, черемуху, сирень, яблоню, смородину.

В память об усопших на могилах сажали также вишню, акации, клен, ветлы. Осина, растущая на кладбищах, пользовалась нехорошей репутацией и ее вырубали, «от того, что листья у них трясутся не как у других деревьев». Бытовал строгий запрет на нахождение осины на кладбище⁷. Одновременно, имеются сведения, что деревья на кладбищах чувашаи не сажали⁸.

Кладбища чувашей имеют прямоугольную либо квадратную формы. В зависимости от числа жителей и возраста размеры кладбищ различны. Периметр обнесен изгородью. В прошлом эта роль отводилась борозде и символической изгороди. Огораживание связано с деятельностью священнослужителей и распространяется в начале XX столетия⁹. Борьба с традиционными обрядами чувашей продолжалась на протяжении веков. Священник Архип Степанов еще в 1757 г. ходатайствовал о строительстве часовен и расположенных при них огороженных кладбищ для погребения по православному канону чувашей из деревень Ганкино, Сантангулово и Ибраево¹⁰.

¹ Ягафова Е.А. Указ. соч. С. 62.

² ПМА, Республика Татарстан, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино, 2014 г.

³ Салмин А.К. Указ. соч. С. 558.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 175.

⁵ Там же. С. 554.

⁶ Смирнов И. Чувашаи // Энциклопед. словарь. Т. 76. СПб., 1903. С. 937.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 289, 293.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 376.

⁹ Салмин А.К. Указ. соч. С. 559.

¹⁰ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2086. Л. 1.

Современные кладбища повсеместно обнесены изгородью из штакетника или металлической сетки. Традиционно выглядит ограда *вёрлэк карта* «прясло из жердей».

Чувашские кладбища имели своих глав, которых почитали и к которым обращались при посещении. *Масар нуçё, çáva нуç, нуçлăхё* «глава кладбища», т.е. первый похороненный на новом кладбище человек. Он имел надмогильный памятник, приходя на кладбище, чуваша оставляли около него небольшие подношения. Дарами служили монеты, кусочки пищи, ткань, головные платки. Сейчас встречаем искусственные цветы, посуду, сигареты. Покойные «живут на своем кладбище под властью кладбищенского начальника – первого человека, похороненного на кладбище»¹.

В с. Средние Алгаши на новом кладбище первым был похоронен Ахмат, выкапывая могилу к нему обращались с просьбой выделить место для покойного². Божествам земли и главе кладбища адресовали жертву. На землю бросали кусочки хлеба и сыра и произносили: «Отец земли, Мать земли, Начальник сего кладбища, пусть наша жертва будет пред вами. У нас помер такой-то, дайте ему уголок земли»³. Для жертвы приносили с собой и один блин. В обращении к главе кладбища просили чистого места (не имеющего ранних захоронений), поскольку в таком случае в загробном мире покойный будет счастливым. У блина отщипывали кусок, клали на землю, вырезали квадрат с середины будущей могилы. Затем приступали к выкапыванию могилы⁴.

Масар нуçё имел помощников, управлявших кладбищем: судья (занимавший должность при жизни), сторож, нанимавшийся караульным, умерший в свадебном поезде и покойный, имевший в доме *Киреметя*⁵. Чуваша верили, что если при жизни глава кладбища был добрым человеком, то будет мало покойных, а если злым – заберет много душ⁶.

К главе кладбища обращаются при поминании усопших. Спрашивают разрешения на приглашение умерших родственников на время домой, при посещении могил и при новых захоронениях. В с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ кладбище некрещеных чувашей возглавляет легендарная *Матруне*. По преданию, *Матруне* – дочь первопоселенца *Сёркё*. Отправившись в лес девушка заблудилась, не смогла вернуться домой и умерла. Родные, обнаружив ее, похоронили на том же месте. Душа *Матруне* не успокоилась и по ночам из леса слышались крики, поэтому по совету старых людей было решено провести перезахоронение. Выбор кладбища предоставили лошади, лишенной еды в течение трех дней. Ее вывели в центр поселения и отпустили. Лошадь ускакала на север, где начала щипать траву. На этом месте перезахоронили *Матруне*. Ее могила стала первой на сельском

¹ Смирнов И. Указ. соч. С. 937.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 24.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 40. Л. 256.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 87.

⁵ Магнитский В.К. Указ. соч. С. 190.

⁶ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. С. 204.

кладбище. Надмогильный памятник *Матруне* датируется второй половиной XVII столетия¹. Покойному в изголовье ставят три свечи, одна из которых обязательно адресована *Матруне* как главе кладбища².

В с. Месели Аургазинского р-на РБ у крещеных чувашей главой кладбища считается могила сына местного священника, точнее его надмогильный камень. После смерти сына, священник похоронил его в церковном дворе, затем камень перенесли на новое кладбище. Этот памятник считают хозяином. В данном случае, налицо синтез традиционной культуры и православия. По воспоминаниям, чувашки в селе долгое время придерживались народной религии, что выражено устойчивой верой в хозяина кладбища. Как и к *Матруне*, к главе с просьбами и подарками обращаются при посещении кладбища, поминании и прощании с усопшими³.

На кладбищах каждый род занимал определенный участок⁴. Умерших детей хоронили со старшими членами патронимии, оберегавшими их как земные родители⁵. Известны и *ача масарёсем* «детские кладбища», возникавшие в годы эпидемий и голода. По другим преданиям, на подобных кладбищах хоронили незаконнорожденных детей⁶. Особое отношение было к людям, совершившим суицид. Чувашки хоронили их за пределами кладбища, за изгородью.

На могилах чувашки устанавливали деревянные или каменные памятники. Завершив похороны, в землю вбивали антропоморфную дощечку *чёре калак* «ложечка или лопаточка сердца» или *салам калак* «ложечка или лопаточка приветствия». Вариативность форм и названий дощечки очень широка. На сороковой день старались установить антропоморфный *юна* «надмогильный памятник», изготовленный из дерева или камня. *Юна* на могилах мужчин рубили из дуба, для женщин – из липы. «В лесу срубают липу, не очень тонкую, – приблизительно вершка два с половиной или три толщиной и два аршина длины. Кору с такого чурбана соскабливают и ставят его столбом... столб обертывают войлоком и везут домой»⁷. Как и с *чёре калак*, формы *юна* весьма разнообразны. На них присутствуют треугольные углубления, обозначающие лицо, глаза, рот, элементы женского головного убора и украшений, сверху иногда прибавляют деревянные шляпки и т.д. На памятники привязывали белые платки и длинные полотенца, чтобы умершие, поев в поминальные дни, могли утереться⁸.

Чувашки верили, что усопший должен иметь свой дом и необходимые вещи, поэтому на могилах строили *чартак* «домик с навесом». *Чартак*

¹ ПМА, Республика Татарстан, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино, 2014 г.

² *Столярова Г.Р.* История формирования и обрядность чувашей-язычников Татарстана // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 111.

³ ПМА Республика Башкортостан, Аургазинский р-н, с. Месели, 2013 г.

⁴ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 4. Чебоксары, 1994. С. 58.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 523.

⁶ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2.1453. Л. 16–16 об.

⁷ Российский этнографический музей. Ф. 1. Оп. 2.496. Л. 7.

⁸ *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 13, 15.

считали жилищем, изготавливали в ночь перед поминовением одновременно со столом, стульчиком, мостом, *юпа*¹. Невысокий сруб для *чартак* возводили вдоль могилы, сверху укладывали перекладину².

Деревенское кладбище занимало особое место в структуре поселения, о чем свидетельствуют названия улицы – *Масар кас*, *Масар касси* «кладбищенская улица» и традиционные обряды, например, *сёрен/вирём*. Завершив обход деревни в *сёрен/вирём* чуваша собирались на лугу перед кладбищем и устраивали совместную трапезу³.

Кладбища чувашами рассматривались как места обитания духов предков. Их побаивались и уважали. Тщательно выбирали место под кладбище, похороненный первым становился главой кладбища. Традиционная религия чувашей предполагала продолжение жизни в загробном мире, поэтому кладбище считали домом умерших сельчан. Говорили, что кладбище – это деревня покойных, называя *вилнисен ялэ* «мертвая деревня» и *тирён ял* «наша деревня». В память об умерших высаживали деревья и придерживались принципа родовой организации, поминали. Эти основные традиции сохраняются и поныне.

© Медведев В.В., 2015.

¹ ИИМК РАН. Ф. 77. Оп. 1. (1921–1929). 30. Л. 140.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 127–128.

³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. 7–8. С. 204; *Магнитский В.К.* Указ. соч. С. 132.

**ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ
ИЗ I ИШТУГАНОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА***V.I. Mukhametdinov***TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF VESSELS FROM
THE BARROW CEMETERY ISHTUGANOVO-1**

Аннотация. В работе представлены результаты исследования технологии изготовления керамики из Иштугановского-1 курганного могильника. Были получены данные об отборе и обработке исходного сырья, составлении рецептов формовочных масс, способе конструирования начинов и полых тел, орнаментации и термической обработке. По результатам анализа был сделан вывод о влиянии алакульских традиций на гончарство срубных племен в регионе. Кроме того, была уточнена хронологическая позиция памятника.

Ключевые слова: Южный Урал, Поздняя Бронза, гончарные традиции, культурные контакты, Срубная культурно-историческая общность.

Abstract. The paper presents some results of a study of manufacturing technology of vessels from the barrow cemetery Ishtuganovo-1. Data were obtained on the selection and processing of raw materials, the preparation of recipes moulding compounds, the method of construction of bases and walls, ornamentation and heat treatment of vessels. According to the analysis the conclusion was made about the influence of the Alakul traditions in pottery Srubna tribes in the region.

Key words: Ural region, late Bronze Age, pottery traditions, cultural contacts, Srubnaya cultural-and-historical community.

В рамках исследования гончарных технологических традиций на памятниках Южного Урала, материалы которых отражают связи срубного и алакульского населения, автором данной работы был проведен технико-технологический анализ керамики с курганного могильника Иштуганово-1, открытого в 1976 возле д. Иштуганово Мелеузовского района БАССР в ходе разведочных работ новостроечной экспедицией Башкирского государственного университета под руководством М.Ф. Обыденнова. В 1977 г. экспедицией было исследовано 5 курганных насыпей. Все курганы были сооружены срубными племенами. В кургане № 2 находилось два погребения, № 3 – тринадцать, № 4 – шесть, № 5 – четыре срубных погребения. Курган № 3 содержал преимущественно детские захоронения, одно из погребений кургана было парным. Инвентарь могильника представлен глиняными сосудами, бронзовыми браслетами и костяным навершием от плети¹.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта 15-11-02006а(р) «Гончарные традиции населения Южного Приуралья в эпоху поздней бронзы».

¹ Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Уфа, 1997. С. 27.

Материалы Иштугановского могильника, наряду с материалами других южноуральских памятников эпохи поздней бронзы, были использованы Н.Г. Рутто в обобщающей работе «Срубно-алакульские связи на Южном Урале» для анализа взаимодействий срубного и алакульского населения. Исследователь делает вывод, что срубно-алакульские погребения на памятнике составляют 30,43% (7 погребений из 23). Основанием для выделения срубно-алакульских погребений на могильнике служит, в основном, наличие в них сосудов синкретичного облика. Синкретичность же проявляется преимущественно в использовании алакульских орнаментальных мотивов и техники нанесения орнаментов в декорировании срубных, по форме, сосудов¹.

Доступными для технологического анализа оказались 18 сосудов: 3 сосуда из кургана № 2, 9 из кургана № 3, 3 из кургана № 4 и 3 из кургана № 5. Указанные сосуды были проанализированы по методике А.А. Бобринского в рамках разработанного им историко-культурного подхода². Гончарная технология, в рамках данного подхода, рассматривается как системное образование, состоящее из уровней – стадий керамического производства (подготовительная, созидательная и закрепительная), разделенных на десять ступеней – обязательных задач, выполнение которых необходимо для изготовления сосуда. В рамках подготовительной стадии – это 1. отбор, 2. добыча и 3. обработка исходного сырья, 4. составление формовочной массы; созидательной стадии – 5. конструирование начина и 6. полого тела сосуда, 7. придание ему формы и 8. механическая обработка его поверхностей; закрепительной стадии – 9. придание сосуду прочности и 10. устранение влагопроницаемости его стенок. Кроме того, существуют две необязательные ступени в рамках созидательной стадии: 11. создание рельефных частей сосуда и 12. орнаментация сосуда. В текстовой части работы будет представлена общая информация о гончарных традициях, зафиксированных на памятнике, после чего, в таблицах – данные по каждому отдельному сосуду.

1. Подготовительная стадия. В качестве исходного пластичного сырья при изготовлении сосудов из I Иштугановского курганного могильника использовалась ожелезненная глина двух видов. Первый вид – высокопластичная глина, которая либо не содержала естественной примеси песка, или содержала его в незначительной концентрации (до 1:7). Второй вид – среднепластичная глина с естественным содержанием мелкого песка (в среднем до 0,25 мм) в значительной концентрации. Отличительной особенностью естественной примеси песка в сосудах Иштугановского могильника является наличие в его составе белых остроугольных включений, вероятно известнякового происхождения.

Из среднепластичной глины изготовлено 13 сосудов, а из высокопластичной – 5 сосудов. Из непластичного исходного сырья в керамике памятника были зафиксированы шамот, и органические примеси.

¹ Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа, 2003. С. 65.

² Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978; Он же. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. Самара, 1999. С. 5–109.

Шамот представлен включениями дробленых фрагментов сосудов размером от 0,1 мм (шамотная пыль) до 5 мм. Наиболее часто встречающаяся размерность шамота – 1-3 мм. Концентрация шамота варьируется от 1:4 до 1:7, без превалирования какого-либо из ее значений.

Органические примеси представлены органическими растворами и навозом травоядных животных. Органический раствор характеризуется аморфными полостями размером до 2 мм, на стенках которых фиксируются черный глянцевый, бурый, рыжий или белесый налеты, в ряде случаев встречаются отпечатки измельченной растительности, размером не превышающие 2 мм. Вид органического раствора определить сложно. Отдельные признаки (аморфные поры, отпечатки растительности, белесый налет) позволяют предположить использование выжимки из навоза¹.

На памятнике зафиксировано использование только двух рецептов формовочных масс. Подавляющее количество сосудов изготовлено из массы – глина + шамот + органический раствор (17 случаев). Смешанный рецепт – глина + шамот + навоз + орг. раствор встречается в единственном сосуде из погребения № 5 кургана №4.

2. Созидательная стадия. Из 18 изученных сосудов у 17 удалось определить способ конструирования начина. Все начини были изготовлены по донно-емкостной программе. В качестве элементов конструирования использовались как жгуты, навитые по спирали (12 случаев), так и лоскуты, наложенные как по спирали (3 случая), так и комковатым способом (1 случай). В одном случае зафиксировано использование двухслойного начина, навитого из жгутов по спирали (К5П2С2).

Способ наложения элементов конструирования и их вид у полых тел проанализированных сосудов, в большинстве случаев совпадал со способом наложения и видом элементов, из которых изготавливались их начини. Отмечено только: в двух случаях конструирование полого тела из коротких жгутов при спирально-жгутовом начине и, в одном случае, из коротких жгутов при спирально-лоскутном начине.

Большинство сосудов были изготовлены путем скульптурной лепки на плоскости (15 случаев). Два сосуда могли быть сделаны на форме основе (К3П4 и К4П3), о чем говорит сильная деформация элементов конструирования в сочетании с лоскутной программой. Один сосуд, вероятно, был сделан в форме емкости (К5П3), поскольку на ее внешней поверхности фиксируется диагональная складчатость от дна к середине тулова.

Из способов обработки поверхности сосудов были выделены заглаживание и лощение (табл. 3). В большинстве случаев инструменты, которыми осуществлялось заглаживание, установить не удалось из-за сильного соляного налета на внешней поверхности. С достаточной долей определенности можно говорить только об использовании мягкого либо твердого инструментов. Из тех инструментов, которые удалось определить,

¹ *Илюшина В.В.* Экспериментальные исследования органических растворов в археологической керамике // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI в.». Ульяновск, 2013. С. 40–45.

можно назвать: ткань, деревянный нож, шпатель (костяной?), гребенчатый штамп. Залощены были три сосуда. Все они ложились по поверхности в кожетвердом состоянии.

Орнамент на сосуды наносился различными способами. Зафиксированы оттиски, среднегребенчатого штампа (3 случая), мелкогребенчатого штампа (1 случай), наколы (3 случая) и прочерчивание (1 случай). Десять сосудов из 18 были неорнаментированы.

3. Закрепительная стадия. Обжиг всех сосудов был костровым либо очажным. Сосуды, в основном, обжигались окислительной среде (15 случаев) с доступом кислорода. Еще три сосуда обжигались в восстановительной среде, но с незначительным доступом кислорода. Их поверхность посветлела в результате обжига, но не приобрела насыщенного оттенка теплого цвета.

Выводы. Практически все выделенные на памятнике гончарные традиции характерны для срубных племен, что подтверждается анализом керамических коллекций с памятников Среднего Поволжья и степного Приуралья¹. В то же время некоторые из выделенных гончарных традиций характерны также и для алакульских племен. В первую очередь это конструирование начинов сосудов по донно-емкостной программе из лоскутов, с использованием форм-основ². Отдельно стоит отметить сосуд из погребения № 3 кургана № 4. Основываясь на размерах и общих пропорциях можно предположить, что его прототипом служили мелкие неорнаментированные баночные сосуды широко распространенные в срубной среде (в том числе и в Иштугановском могильнике). Однако такие внешние признаки, как близкая к горшечной форма с уступом при переходе от тулова к плечу и лощение поверхности, позволяют сказать, о влиянии алакульских традиций. Примечательно, что именно у этого сосуда отмечено использование лоскутно-комковатого налета на форме основе. Схожая ситуация и с сосудом из погребения № 3 кургана № 4. Здесь такие внешние андроновские признаки как многозональность орнамента и мелкогребенчатый штамп также сочетаются с лоскутным налетом и использованием формы основы. Подобные закономерности отличают I Иштугановский могильник от I Старо-Яппаровского и Акназаровского, где внешние алакульские признаки не совпадают со способами конструирования, которые можно отнести к андроновскому миру³.

¹ Салугина Н.П. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 2014. С.643–646.

² Ломан В. Г. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. – Челябинск: 1995. С. 97–100.

³ Мухаметдинов В.И., Бахшиева А.К. Техничко-технологический анализ керамики из могильника Старо-Яппарово-1 // Самарский научный вестник. №4 (13). Самара. 2015. С. 80–85; Они же. Техничко-технологический анализ керамики из Акназаровского курганного могильника // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета: сборник статей. Вып. 1. Уфа. 2015. С. 41–48.

Таблица № 1. Технологические данные об исходном сырье, рецептах формовочных масс и обжиге отдельно по каждому сосуду

Сосуд	Исходное сырье		Рецепт формовочной массы		Обжиг	
	ВП	СП	Г+Ш+ОР	Г+Ш+Н+ОР	ОС	ПОС
К2П1С1	+		+			+
К2П1С2		+	+		+	
К2П2	+		+		+	
К3П3	+		+		+	
К3П4		+	+		+	
К3П4зас		+	+		+	
К3П5	+		+		+	
К3П6		+	+		+	
К3П7		+	+		+	
К3П9		+	+		+	
К3П12		+	+		+	
К3П13	+		+			+
К4П1		+	+		+	
К4П3		+	+			+
К4П5		+		+	+	
К5П2С1		+	+		+	
К5П2С2		+	+		+	
К5П3		+	+		+	
Итого	5 (28%)	13 (72%)	17 (95%)	1 (5%)	15 (83%)	3 (17%)

Примечание к таблице: ВП – высокопластичная глина, СП – среднепластичная глина, Г – глина, Ш – шамот, ОР – органический раствор, Н – навоз, ОС – окислительная среда, ПОС – полуокислительная среда.

Таблица № 2. Технологические данные о конструировании и формообразовании отдельно по каждому сосуду

Сосуд	Начин				Полое тело				Формообразование		
	ДЕ, СЖ	ДЕ, СЛ	ДЕ, ЛК	ДЕ, СЖ, двухслойный	СЖ	КЖ	СЛ	ЛК	ВП	ФО	ФЕ
К2П1С1	+				+				+		
К2П1С2	+				+				+		
К2П2	+				+				+		
К3П3	+					+			+		
К3П4			+					+		+	
К3П4зас	+				+				+		
К3П5	+				+				+		
К3П6	+				+				+		
К3П7		+					+		+		
К3П9	+				+				+		
К3П12	+				+				+		
К3П13	+				+				+		
К4П1	+				+				+		
К4П3		+				+				+	
К4П5		+			+				+		
К5П2С1	+				+				+		
К5П2С2				+	+				+		
К5П3	+					+					+
Итого	13 (72%)	3 (18%)	1 (5%)	1 (5%)	13 (72%)	3 (18%)	1 (5%)	1 (5%)	15 (83%)	2 (12%)	1 (5%)

Примечание к таблице: ДЕ – донно-емкостный начин, СЖ – спирально-жгутовой налеп, СЛ – спирально-лоскутный налеп, ЛК – лоскутно-комковатый налеп, КЖ – короткие жгуты, ВП – выдавливание на плоскости, ФО – форма-основа, ФЕ – форма емкость.

Таблица № 3. Технологические данные об обработке поверхности и способах орнаментации отдельно по каждому сосуду

Сосуд	Обработка поверхности							Способ орнаментации				
	МП	ГТП	ГШ	Т	ДН	Шп	Л	нет	Гр	мГр	Н	Пр
К2П1С1		+					+					+
К2П1С2		+							+			
К2П2		+	+						+			
К3П3				+				+				
К3П4							+	+				
К3П4зас	+	+						+				
К3П5		+							+			
К3П6		+						+				
К3П7		+						+				
К3П9	+	+						+				
К3П12	+	+									+	
К3П13		+						+				
К4П1		+									+	
К4П3							+			+		
К4П5						+		+				
К5П2С1	+	+						+				
К5П2С2	+	+						+				
К5П3					+						+	

Примечание к таблице: МП – мягкий предмет, ГТП – гладкий твердый предмет, ГШ – заглаживание гребенчатым штампом, Т – ткань, ДН – деревянный нож, Шп – шпатель, Л – лощение, Гр – гребенчатый штамп, мГр – мелкогребенчатый штамп, Н – наколы, Пр – прочерчивание.

© Мухаметдинов В.И., 2015.

Р.М. Мухаметзянова-Дуггал

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)

Mukhametzyanova-Duggal R.M.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMORIES OF ITS PARTICIPANTS (ON MATERIALS OF THE FAMILY ARCHIVE)

Аннотация: В статье на основе материалов семейного архива, включающего рукописные записи, воспоминания участников Великой Отечественной войны, предпринята попытка взглянуть на Отечественную войну по-новому: глазами ее участников. В ней отражены основные события войны, раскрываются малоизвестные широкой аудитории факты.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, участник, воспоминания.

Abstract: In the article on the basis of materials of the family archive, including handwritten records, memoirs of participants of the Great Patriotic war, an attempt was made to represent the Patriotic war in a new way: through the eyes of its participants. It highlights main events of the war, reveals a little-known wide audience the facts.

Keywords: the Great Patriotic war, participant, memoirs.

В нынешнем 2015 г. наша страна отмечает великий и святой праздник – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. О войне написаны тысячи научных монографий, художественных книг, но многие факты по-прежнему остаются малоизвестными для широкой аудитории, имеют место попытки по-новому трактовать сущность прошедшей войны. Авторы оперируют в основном такими категориями, как общество, народ, массы, соответственно массовый героизм и т.д. Нам в свою очередь интересно и важно знать, как воспринимали эту великую трагедию, как вели себя в условиях войны конкретные люди, в том числе наши родственники, из совокупности которых и состоял народ. Семейные архивы и воспоминания родных дают возможность взглянуть на Великую Отечественную войну по-новому: глазами участников войны.

При написании статьи мною использованы воспоминания прадеда Саяхутдина Саяхутдиновича Саяхова¹ и моих дедов Зайнуллы

¹ Саяхов Саяхутдин Саяхутдинович родился 15 февраля 1900 г. в с. Имай-Карамалы Давлекановского района. Был грамотным, окончил медресе. Принимал участие в Гражданской войне, кавалеристом в отряде Буденного. Был одним из организаторов колхоза в деревне Батраки. В 1941-1945 гг. сражался на фронтах Великой Отечественной войны, победу встретил в Берлине. Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», нагрудным знаком «Гвардия» и др.

Ахметвалиевича Мухаметзянова¹ и Фоата Хузеевича Тагирова². Особо хочется остановиться на воспоминаниях прадеда. Саях Саяхов записал их в последние годы жизни и назвал «Много повидавший». Сохранились они в виде рукописей на татарском языке и содержат следующую информацию: краткая история образования деревни Имай-Карамалы Давлекановского района, годы обучения в медресе, события Гражданской войны, голод в родном селе, основание в 1926 г. деревни Батраки, эпизоды участия в Великой Отечественной войне, послевоенная жизнь... Зная войну не по книгам и по чужим рассказам, С. Саяхов считал своей святой обязанностью оставить письменные свидетельства о том, что видел сам, как воевал, как жил, какими ценностями руководствовался. Его воспоминания особенно важны и ценны для молодого поколения. Именно ему он адресовал свои записи, написав «пишу молодым – как нелегко нам все доставалось».

Во многих изданиях пишется, что война была неожиданной для советского народа. Безусловно, высшее руководство страны знало о возможной агрессии, хотя не верило в то, что она начнется скоро. По представлению Сталина, Германия обязательно должна была напасть на СССР, но не ранее лета 1942 г. Именно в эти сроки планировалось завершить перестройку Красной армии³. Но совершенно очевидно, что руководство страны психологически не готовило население к началу военных действий. Об этом свидетельствуют воспоминания ветеранов. Так, мой прадед Саяхов Саяхутдин Саяхутдинович в своих воспоминаниях пишет, что война застала его в разгар сенокоса. Вот как он описывает первые дни и месяцы войны:

«22 июня 1941 г., когда проклятый Гитлер напал на нашу страну, мы косили траву. В первую очередь забрали молодых ребят, в возрасте 20-25 лет. Меня забрали 5 августа 1941 г. вместе с молодыми в конную кавалерию, так как в гражданскую войну я служил в отряде Буденного. <...> Нас собрали и отправили в Алкино. Когда нашу команду привезли, никого в лагере еще не было. Мы расположились первыми в домах лагеря. Затем начал приезжать народ и прибывать лошади с колхозов. Мы начали готовить место для лошадей. Дней через десять народ собрался, и организовали кавалерийскую дивизию. Нас начали учить военной науке. Приняли присягу. В

¹ Мухаметзянов Зайнулла Ахметвалиевич родился 5 марта 1918 г. в д. Курманаево Аургазинского района в многодетной крестьянской семье. В пятилетнем возрасте лишился отца. Окончил начальную школу. Участвовал в Великой Отечественной войне. За годы войны прошел путь от Сталинграда, по Белоруссии, Латвии, Польше. Победу встретил в Берлине, награжден медалями «За взятие Кёнигсберга» и «За взятие Берлина».

² Тагиров Фоат Хузеевич родился 1 мая 1925 г. в д. Аюханово Давлекановского района Башкирской АССР в многодетной семье. В 1939 г. поступил в Магнитогорский горный техникум. Но обучение пришлось оставить из-за смерти отца, нужно было помогать матери содержать семью, поднимать младших. В октябре 1943 г. призван на фронт, служил заряжающим в составе 266-го отдельного артдивизиона. Пешком прошёл всю Европу, освобождал Венгрию, Австрию, Чехословакию. Победу встретил в г. Бухаресте. Вернулся домой в ноябре 1947 г. в звании ефрейтора. Награжден медалью «За Победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени и другими юбилейными медалями.

³ Великая Отечественная война глазами ее участников. Уфа, 2000. С. 4.

дивизии мы были самые «старые» - 41 год, остальным по 20-35 лет было. Нас начали тренировать, учить преодолевать препятствия на лошадях. Прыгали через заборы, канавы, ямы. Мне в Гражданскую войну было 20-22 года, а сейчас 41 год. К тому же колхозы присылали лошадей, не подготовленных к прыжкам и преодолению препятствий, их тоже надо было обучать. Было очень тяжело с возрастом».

В книгах о войне советского периода отмечается, что с первых дней нападения фашистской Германии на СССР люди разных возрастов и национальностей в едином порыве поднялись по зову Родины на защиту ее свободы и независимости. Что касается современной литературы, то из нее мы узнаем и о фактах предательства, дезертирства. Возможно, так и было, однако представляется бесспорным, что многие шли на фронт добровольцами, желая помочь и внести свой вклад в дальнейшую судьбу Родины.

На фронт по собственному желанию ушел и мой дед – Мухаметзянов Зайнулла Ахметвалиевич. В 1938 г. он был призван в армию. Начал службу на Дальнем Востоке. Действительную военную службу по призыву проходил в 50-м стрелковом полку под Владивостоком. В 1940 г. демобилизовался, остался работать там же на железной дороге в г. Облучье. То есть фактически продолжил службу: в то время все железнодорожные рабочие находились на военном положении. Они осуществляли охрану железной дороги, мостов, станций и имели оружие. Когда возникла угроза нападения Японии, строили оборонительные сооружения и минировали железнодорожный мост через Амур.

В 1942 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление о переброске всех железнодорожных спецформирований с Дальнего Востока на запад для восстановления и строительства стальных магистралей, ведущих в фашистскую Германию. В состав спецформирований входили: головные ремонтно-восстановительные поезда (горемы), головные ремонтные поезда для восстановления подвижного состава (подремы) и другие (водремы, связремы, мостопоезда, мостоотряды). В 1942 г. проводился отбор для спецформирований – военно-эксплуатационного поезда № 33 и других – с каждой дистанции пути по несколько человек гражданского персонала. В коллективе, где работал дед, должны были взять рабочего – главу многодетной семьи. Зайнулла Ахметвалиевич попросил отправить на фронт его. До места боев добирались один месяц. В составе поезда было более 60 вагонов – в длину он достигал километра. В каждом вагоне ехало по 15 человек, была печка-«буржуйка», двухъярусные спальные нары, кухня и график дежурства на ней.

С началом Великой Отечественной войны и призывом всех взрослых мужчин на фронт в городах и селах остались лишь старики, женщины и дети. Мой дед – Тагиров Фоат Хузеевич, которому тогда не исполнилось и 17 лет, был назначен бригадиром колхоза «Путь Ильича» Давлекановского района. По его воспоминаниям, с большим трудом летом ему приходилось выводить женщин и детей на работу в поле. В октябре 1943 г. его самого забрали на фронт.

На лето 1942 г. немецкое руководство планировало большое наступление на юге Советского Союза. Успешному наступлению немцев содействовало то, что вопреки мнению маршала Жукова, в ставке сложилось ошибочное представление о планах командования немецкой армии. Решили, что немцы продолжат наступление на Западном фронте, на Москву, и поэтому именно здесь были сконцентрированы основные силы Советской Армии. Была и еще одна серьезная ошибка. Командование Юго-Западного направления предложило провести наступательную операцию с целью освобождения Харькова. Сталин поддержал это предложение, не отреагировав на возражения Генерального штаба и решительное несогласие Г.К. Жукова. Наступавшая группа наших войск, продвинувшись весьма успешно в начале операции, оказалась в окружении намного превосходящих сил противника, сосредоточенных для большого наступления в сторону Волги и Кавказа. Были очень большие потери убитыми и пленными с нашей стороны. Так, например, С.С. Саяхов пишет: *«В конце апреля нас отправили под Харьков. Там в мае 1942 года мы вступили в бой. <...>. Война есть война, кто видел, тот знает, что это такое, а кто не видел, тому не дай бог увидеть. На войне днем передвигались мало, в основном ночью. Нас, пять человек, отправили в разведку. В деревнях, где мы проходили, только печи с трубами торчали, было все разрушено. Около одной деревни, в которую нам надо было добраться, протекала река. Весной, когда бурлила вода, на берегу из песка торчали чьи-то ноги, руки, головы.*

Мы вернулись в часть под утро, наши в это время готовились к наступлению. Мы немного перекусили и присоединились к своим. У немцев оборона была крепкая, мы не смогли прорвать, нам пришлось отступить. Уже наступил вечер, мы отступили километров на семь, в наших частях были большие потери. Когда мы вернулись в деревню, нас, тринадцать человек, направили для освобождения из озера четырех лошадей с тачанкой-пулеметом и минометной батареей, которые там потерялись. Мы получили такой приказ. В полночь добрались до этого озера. Цепью мы вошли в воду, правда, вода была теплая. Немцы пускают ракеты в небо по 5-7 штук, поверхность воды полностью освещается, и по нам немцы начинают стрелять. У нас только глаза на воде, а все остальное в воде. В ту ночь мы ничего не нашли, наступило утро, потеряв двоих ребят, вернулись к своим. <...> На второй день, когда солнце ушло за горизонт, опять 13 человек отправили на задание. Мы, как только вошли в озеро, услышав всплеск воды, немцы начали пускать ракеты и по нам стрелять. Вода по горло, камыши, один товарищ наощупь нашел лошадей и позвал нас. Когда мы дошли – три лошади погибли, одна пыталась жевать камыши. Ночь была темная, но как повиснет ракета в небе – все видать. Невозможно было отвязать лошадей, все веревки – пострунки намокли, у товарища оказался ножичек, все веревки срезали, но лошадь невозможно было вывести, очень ослабла и завязла в глине. Еще один товарищ погиб. Осталось всего 11 человек. Кое-как вытащили тачанку на сухое место и поволокли в колхозный сад, где-то

километра два. Сели под дерево, в это время, где мы сидели, разговаривали, упала мина, мы подумали: «Все кончено». Но на наше счастье волчком она покрутилась-покрутилась и не разорвалась.

Нас отправили в деревню, там посушили одежду, разрешили один день отдохнуть и подарили 200 грамм. В той деревне наших лошадей поместили в домах, сараях, везде техника, народ, куда бы немец ни стрелял, везде ранит, убивает. Мы, как футбольная команда, то туда, то сюда. В то время немцы были сильные. Окружив нашу дивизию, в местности, где-то как Давлеканово, мы то туда, то сюда, бьемся вкруговую и никак не можем выбраться. В какую бы сторону не посылали разведку, ни одна не возвращается. До нас четверых товарищей в разведку послали, они долго не возвращались, решили нас четверых отправить. Мы поскакали на лошадях по одной дороге, а навстречу нам скачет один из ранее посланных разведчиков. Он сказал: «Туда не ходите, там троих в плен взяли, я смог ускакать». Тогда мы пошли другой дорогой. Когда уже стемнело, мы добрались до одной деревни. Зашли в крайний дом, там мужчина 60-65 лет. Мы попросили его вывести нас к станции ближайшей дорогой. Деваться ему было некуда. Одного товарища отправили в дивизию с сообщением. Вскоре за нами начала двигаться наша дивизия. Мы вчетвером, дед пятый, идем впереди, сзади танки, войска. Мы шли все время лесом. Станция находилась где-то в 30 километрах, к рассвету мы добрались. Здесь ни наших, ни немцев еще не было. Куда ни кинь взор, все горит, все кипит. Народ с элеватора зерно таскает. В нашу сторону железнодорожную линию немцы оборвали. На этой станции, немного покормив лошадей и перекусив сами, эскадрон двинулся дальше».

На второй день мы все еще отступали, вошли в большой лес. В это время на небе появилось 50-60 немецких самолетов, и начали нас бомбить. Нам дали команду: «Воздух». Я привязал лошадь к сосне начал смотреть, нет ли поблизости оврага, ямы. Увидел яму и упал в нее, на меня сверху упали еще два товарища. Только они легли, в это время со свистом упала бомба. После этого я ничего не помню.<...> Меня привезли в госпиталь в городе Калач, что на Дону. Я два-три дня лежал без сознания. Это произошло где-то в мае 1942 года. Пролежав в этом госпитале дней 15, я начал потихоньку, держась за предметы, передвигаться. Фронт проходил где-то в пятнадцати километрах от города. Здесь народ гудел, как в улье. Немцы стреляли из пулеметов».

Неудачное наступление дало противнику возможность вновь захватить инициативу и в конце июня начать широкое наступление. В результате вынужденного отхода наших войск в руки немцев попали богатейшие области Дона и Донбасса. Именно в это время, 28 июля 1942 г., И.В. Сталин подписал приказ № 227. Этим приказом вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями воинской дисциплины. Суть приказа была в выражении «Ни шагу назад!». Был образован Сталинградский фронт. Советские войска, несмотря на значительный перевес сил на стороне

противника, отстаивал каждую пядь земли. Немцы в районе города вышли к Волге. Большая часть его оказалась в их руках. Но окончательно взять Сталинград они так и не смогли¹. Вот как описывает события того времени мой дед, солдат железнодорожных войск З.А. Мухаметзянов: *«Восстановлением железнодорожного сообщения занимались круглосуточно под постоянными бомбежками авиации и артобстрелами гитлеровцев. Когда начиналась бомбежка, все выскакивали из вагона и бежали вниз по насыпи в открытое поле, те же, кто прятался под железнодорожным мостом, обычно погибали. Раненых из-под обстрела выносили на руках. Подразделение выполняло норму и за тех, кто выбыл временно в лазарет. Мы обязаны им своей жизнью».*

Целью бомбардировок фашистов было отрезать действующую армию от снабжения в технике и боеприпасах, в живой силе, продовольствии. Самое страшное на железной дороге представляли мины, где крушение одного поезда и вагонов вызывало массовую гибель людей. Глубокие воронки перерезали пути, искореженные рельсы, шпалы. Необходимо было в максимально короткий срок восстановить разрушенные участки на линии железной дороги, проложить новую стальную ветвь. Несмотря на сильные морозы, бураны, восстанавливали и прокладывали по болотам, рекам новые дороги и мосты, старались максимально, чтобы грузы пошли быстрее. Порой испытывали огромные трудности из-за отсутствия материалов. Не хватало балласта, шпал, рельсов, креплений. Выкручивались как могли. Рельсы и крепления добывали, разбирая старые тупики, второстепенные линии и ветки. Выполнение задачи осложнялось и тем, что часто обгорелые искореженные прямым попаданием вагоны надо было сбросить под откос. Их вручную разбирали, забирали только колеса.

Днем и ночью вражеские самолеты прилетали и бомбили, чтобы помешать восстановлению железной дороги. З.А. Мухаметзянов вспоминал: *«Когда мощный кран поднял пролет, чтобы опустить его на опоры, прозвучал сигнал воздушной тревоги. Вынырнув из-за туч, к мосту устремились немецкие бомбардировщики, начали сбрасывать свой смертоносный груз, от чего вздыбилась земля. Минута растерянности – и весь наш труд мог бы пропасть даром. В воздухе свистели осколки и пули, нужно было опустить пролет и отвести ценный кран в безопасное место. В эти минуты даже бывалым бойцам стало не по себе. Но ни один боец не покинул своего места – у крана, как ни в чем не бывало, продолжали работать, успели опустить пролет на опоры и отвести кран на тупиковую ветвь, в укрытие. Иногда риск оправдывал себя. Так каждый день восстанавливали полотно после очередного налета авиации противника. К счастью, все обошлось для меня благополучно».*

Успешной обороной Сталинграда был завершен первый этап Великой Отечественной войны и начат отсчет времени нового ее этапа, этапа коренного перелома в ходе войны. Разгром немцев под Сталинградом

¹ Великая Отечественная война... С. 132.

положил начало мощному наступлению Красной Армии зимой 1942-1943 гг. почти на всех фронтах. Наши войска начали массовое изгнание врага с советской территории¹.

Летом 1943 г. немецкое командование планировало провести крупное наступление в районе Курского выступа с целью вернуть утраченную стратегическую инициативу, окружить крупную советскую группировку войск, зажав ее в «клещи» наступлением из районов севернее и южнее Курска. Вот как описывает С. Саяхов события предшествовавшие наступлению: *«В начале 1943 года сражались в районе Курской дуги. Немцы начали кидать нам листовки. В этих листовках говорилось, что мы в «мешке». Кругом были немцы, только в одном месте 15 километров были «ворота», откуда мы вошли в их тыл на 150 километров и на третий день мы дали им жару. Там было не счесть погибших немцев и их порушенной техники, мы выбрались из «мешка». Наши войска тоже поредели, наш корпус, дивизия вышла на отдых, отступила на семьдесят километров в тыл».*

Наступление противника под Курском началось утром 5 июля. В результате созданного на узком фронте временного перевеса сил, особенно в танках, противнику удалось несколько потеснить наши войска. В районе деревни Прохоровки 12 июля произошло решающее танковое сражение, в результате которого противник вынужден был остановить наступление. Курская битва – одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны, в которой Советская Армия сорвала последнее крупное наступление немецко-фашистских войск и окончательно взяла стратегическую инициативу в свои руки.

После провала наступления немецко-фашистских войск под Курском началось контрнаступление советских войск общим направлением на Днепр. К концу сентября к Днепру вышли войска четырех фронтов. Несмотря на яростное сопротивление врага, был захвачен ряд плацдармов на правом берегу Днепра. Советским войскам удалось не только захватить ряд плацдармов за Днепром, но и быстро их расширить.

Железнодорожным войскам, в составе которых был и мой дед З.А. Мухаметзянов, пришлось восстанавливать мост через Днепр. По воспоминаниям деда, враг понимал огромное значение моста. Отходя, фашисты обрушили в воду пролетные строения, подорвали опоры, взрывами фугасов образовали огромные воронки. Метр за метром отсыпали. Все делалось на скорую руку. Главное – быстрее пропустить поезда и помочь нашей армии выстоять и победить сильного врага. Этим жили, дорожа каждым часом рабочего времени, каждая пара рук была на счету.

О тяготах военного времени подробно написал прадед С.С. Саяхов. Ниже приводим ряд примеров из истории военной жизни, свидетелем которых он был. *«Во время войны были разные события, которые не выходили из сердца, постоянно скребли душу, разрывали ее. Вот одно из них.*

¹ Великая Отечественная война... С. 133.

Война шла в Смоленском направлении. В одной из красивых деревень немцы уходя, облили дома керосином и сожгли людей (женщин, стариков, детей). Согнали на окраину деревни, загнали в конюшню, облили стены керосином и бросили огонь. Нам, санитарной команде, поступил приказ, мы тут же прибыли, но было поздно. В одном углу, задыхаясь дымом, лежали человек 12, мы перетаскали их на воздух. Женщина одна через несколько минут пришла в себя и рассказала следующее. «Здесь должно быть более 200 человек. Я дочь кулака, у этой (показывая на другую женщину) отец партизан». Сама рассказывает и плачет. Среди поджигателей был и русский человек. Когда народ начал кричать, что он сам партизан, его тоже загнали в конюшню и подожгли. Такое если кто бы увидел, мог с ума сойти. Совсем безгрешных, беззащитных детей, стариков - кто-то уже превратился в золу, кто-то вздулся, как гора, кого-то, если за тело возьмешь, в руках разваливается. Настолько было жалко людей, такая ненависть к фашистам – бандитам была.

<...>

Другой случай. Бои шли на Смоленском направлении. Наши войска наступали (мы были в санитарной команде). Один из наших товарищей, с которым два года служил, шел рядом со мной, с другой стороны – командир взвода. Этот товарищ и говорит: «Вот видите недалеко деревню, – это моя, разрешите мне сходить туда». Взводный, посоветовавшись, разрешил ему отлучиться на 3-4 часа. Немцы только что оставили эту деревню. Когда он вошел в свой дом, увидел под потолком на петлях отца и мать. Вернулся он через 6-7 часов и упал перед нами без сознания. Когда пришел в себя, рассказал следующее: «Отца с матерью фашисты повесили, увидев это, я потерял сознание, придя в себя, снял их с петли (тела еще были теплые), выкопал посередине двора одну могилу и похоронил обоих там, поэтому не смог вовремя прибыть». У самого из глаз слезы льются, и мы кто слушал, тоже заплакали. Встав перед нами, он поклялся: «Если доберусь до берлоги немцев, всех убью!».

На самом деле так и получилось. Мы были на территории Германии. Вошли во двор одного дома, там стоял один старик, его он застрелил, недалеко стояла девочка - ее тоже застрелил. В глаза, что ни попадало, все крушил, в доме все имущество поломал, его нельзя было остановить. На второй день получили приказ маршала Жукова. В нем говорилось: «Товарищи, пять лет пролив кровь, в мучениях, мы вступили на немецкую землю. То, что мы видим, - это все наше, вывезенное немцами, сохраняйте все это». Только после этого этот товарищ угомонился.

К началу 1945 г. Советская Армия изгнала немецко-фашистских захватчиков из пределов нашей страны, освободила Румынию, Болгарию, значительную часть Польши, Чехословакии и Венгрии, Югославии и Северной Норвегии. Советские войска вступили в пределы Германии. Вот как воспоминал эти события ветеран С. Саяхов: «Мы находились недалеко от Польши, Варшавы. Нас поставили охранять минный склад. Когда ослабили

Польшу, через Латвию, Литву в апреле 1945 года мы вошли на территорию Германии. Были очень сильные бои. Немецкая армия, обращаясь к своему народу с призывом не сдаваться, закидала листовками. «Советы же не отдали свою Москву, мы тоже не отдадим свои земли», - говорилось в них. Мы прочитали эти листовки и только посмеялись. Если уж когда линия фронта составляла 4 тысячи километров, не смогли победить, то когда она собрана в тысячу километров, тем более не победить. Здесь было сосредоточено столько техники - невозможно было переждать, когда они пройдут. Тем не менее, немцы цеплялись зубами и ногтями за свою землю, сражались, как умирающий человек за последний глоток воздуха. Куда ни кинь взор, наши бомбили, из пушек стреляли, даже трое суток, из-за серого неба самолеты не могли летать. <...> После трех суток опять были сильные бои за Берлин. В то время я как раз стоял на посту, у входа на склад. Это было восьмого мая. Наше помещение караула стояло посередине двора, там человек двадцать товарищей отдыхало. В одно время, смотрю, небо стало огненным, красным. Начали стрелять из пушек, ракет, я подумал, что это неспроста, наверное, война закончилась, поэтому стреляют. Вбежал в помещение и закричал: «Вставайте скорее, война закончилась!». Они на меня начали ворчать, зачем мол, людей будишь. «Если не верите, посмотрите, что на улице творится», - сказал я. После этого несколько человек вышли посмотреть и, увидев зарево в небе, вбежали в здание, остальные тоже встали и вышли. В это время со всех сторон стреляли в небо. Не прошло и получаса, нам пришло сообщение. Мы тоже вынесли свои оружия и начали стрелять в небо. Таким образом, мы немца в своей берлоге добились 8 мая 1945 года. У оставшихся в живых товарищей свалился с плеч тяжелый груз войны. Кто остался в живых, по годам начали отправлять домой. Людей нашего года оставили еще месяца на три, чтобы немецкие заводы, фабрики переоформить нам. В августе и нам пришло время ехать домой».

Из всей своей трудной биографии З.А. Мухаметзянов всегда вспоминал жестокое сражение за г. Кенингсберг (ныне г. Калининград). «Здесь нам пришлось, что называется, грудь в грудь сойтись с фашистами. Несмотря на большие потери, мы оттеснили противника от железнодорожного моста и уничтожили его, захватив мост. В бой шли по сплошным минным полям, на хорошо спланированную и укрепленную десятками дотов оборону фашистов. Все подходы к мосту простреливались до сантиметра из всех видов оружия. Выжить в этих условиях помогли только большой военный опыт и солдатская смекалка». Любовь к Родине и ненависть к врагам – эти чувства двигали людьми, и они творили чудеса. Героическая вершилась в то время работа и делали ее самые обыкновенные мужчины и женщины. По воспоминаниям З.А. Мухаметзянова, «в сложных ситуациях пример храбрости и самообладания проявляли женщины. Они работали наравне с мужчинами. Их смелость, решительность и выносливость вдохновляли нас». От себя добавим, что бойцы железнодорожных войск – одна из нераскрытых

страниц истории минувшей войны. Они воевали и трудились, не щадя ни сил, ни жизни. Командующий 62-й армией в Сталинграде генерал В. Чуйков говорил: «Когда мне встречался человек в железнодорожной форме, я видел в нем бойца с передовой...». Кровью и потом выложены фронтовые дороги бойцами спецформирований. Они тоже делали все возможное, чтобы приблизить долгожданный час разгрома злейшего врага. И Победа пришла по их рельсам.

В заключение отметим, что у каждого участника Великой Отечественной войны сложилась своя страшная картина того времени. Очевидно одно, что Победу обеспечило духовное единство всего советского народа, которое проявилось в сознании необходимости самоотверженной защиты Отечества, Родины от агрессора.

© Мухаметзянова-Дуггал Р.М., 2015.

**ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В
РОССИИ ГЛАЗАМИ ИМАМОВ
ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Mukhametzyanova-Duggal R.M.

**STATE-RELIGION RELATIONS IN RUSSIA
THROUGH THE EYES OF THE IMAMS VOLGA FEDERAL DISTRICT**

Аннотация: В статье рассматриваются оценки и восприятие развития государственно-конфессиональных отношений в современной России имамами Приволжского федерального округа, слушателями курсов повышения квалификации в Российском исламском университете (г. Уфа). Статья написана на основе полевых исследований: бесед, опроса и анкетирования.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, имамы, Приволжский федеральный округ.

Abstract: The article discusses the assessment and perception of development state-religion relations in modern Russia imams of the Volga Federal district, the courses of improvement of qualification in the Russian Islamic University (Ufa). The article is written based on field research: interviews, polling and questionnaires.

Key words: state-religion relations, the imams, Volga Federal district.

В последние годы анализ состояния отношений государства и различных конфессий в современной России, рассмотрение тенденций их развития и специфических особенностей привлекает самое пристальное внимание отечественных исследователей. Однако при обращении к рассматриваемой теме не менее ценно восприятие государственно-конфессиональных отношений представителями духовенства. Цель данной статьи – осуществить анализ оценки состояния и динамики государственно-конфессиональных отношений на субъективном уровне, то есть анализе мнений, позиций одной из сторон данных отношений. Мнение представителей конфессий на указанные вопросы нами было рассмотрено на примере имамов Приволжского федерального округа (ПФО). Выбор имамов ПФО обусловлен тем, что они представляют собой относительно однородную социально-конфессиональную группу лиц, в целом образованных и стремящихся к знаниям, с высоким уровнем межкультурной толерантности, способных отстаивать интересы верующих¹. С 2013 г. по 2015 г. сотрудниками Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (ИЭИ УНЦ РАН) были прочитаны лекции имамам; проведены беседы, а также анкетирование с целью выявления уровня образования, отношения к злободневным проблемам современного развития ислама, в

¹ Юнусова А.Б. Имамы Приволжского федерального округа по данным опроса слушателей курсов переподготовки имамов в Российском исламском университете ЦДУМ. Рукопись статьи.

частности текущей национальной и религиозной политики¹. Анализ результатов включенного наблюдения, бесед и анкетирования дал основание сформулировать следующие основные выводы.

Отношение к государственной политике в сфере свободы совести. Имамы признают, что политика в сфере свободы совести на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также в различных субъектах нашей страны, осуществляется с учетом сложившейся этноконфессиональной ситуации. В тоже время они констатируют, что указанная политика часто отличается и осуществляется в меру понимания и компетентности тех или иных госслужащих в вопросах религии и государственно-конфессиональных отношений.

Имамы выразили мнение, что в регионах, где преобладает православное население, имеет место приоритетное сотрудничество представителей власти с Русской православной церковью, они ощущают недостаточно уважительное, предвзятое отношение к мусульманам (например, в Оренбургской области). Отметим, что подобные оценки характерны и для мусульманской молодежи Татарстана, которые считают, что права мусульман в России соблюдаются в меньшей степени, чем права христиан².

В целом, 31,6% выразили удовлетворение отношением государства к нуждам и проблемам мусульман, 10,5% заявили, что всегда получают поддержку органов власти при решении вопросов приходов, устно почти все добавляли, что их все устраивает. Столько же не удовлетворены политикой государства и российскими законами, они же считают, что мусульмане должны руководствоваться только законами шариата. При этом 5 человек заявили, что не пытались и не будут пытаться вносить свои предложения по совершенствованию государственно-исламских отношений, жизнь и нужды общины – это ее внутренне дело, на государство они не рассчитывают³.

Отношение к религиозному фактору в системе государственного светского образования. С 2012 г. во всех российских школах начато преподавание учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Молодое поколение имамов (большой частью те, у кого дети обучаются в средних общеобразовательных школах) знакомо с данным предметом. Наряду с положительными отзывами о введении данного предмета, имамы отмечают неудовлетворенность тем, как и что преподают на уроках ОРКСЭ по модулям «Основы светской этики» и «Основы исламской культуры». Имамы выражают стремление участвовать в

¹ Сотрудники ИЭИ УНЦ РАН наряду с другими учеными и педагогами ведущих научных и образовательных учреждений Башкортостана привлечены для чтения лекций в Центр повышения квалификации имамов на базе Российского исламского университета (РИУ) ЦДУМ в Уфе. Программа обучения носит название «Теория и практика управления религиозной организацией» и включает как светские, так и теологические дисциплины. Кроме того, имамов просвещают в вопросах государственно-конфессиональных отношений. В РИУ за период с октября 2013 г. по март 2015 г. прошли переподготовку 244 имамов субъектов Приволжского федерального округа.

² Нуруллина Р. Конфессиональная модель республики Татарстан: роль и место ислама // Власть. 2010. № 9. С. 114.

³ Юнусова А.Б. Указ. соч.

образовательном процессе и выступать в качестве учителей по основам исламского вероучения, забывая о том, что данный учебный курс является культурологическим, главной целью которого является формирование у младшего подростка мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России.

В рамках светского характера образования с 2013 г. введена единая, обязательная форма для учащихся и выработаны единые требования к одежде обучающихся. Целью данных требований является помимо всего прочего устранение признаков социального, имущественного и религиозного различия между обучающимися. Однако значительная часть имамов полагает, что школьницы имеют право носить хиджаб в общеобразовательной государственной школе. Так, 21% имамов считают, что школьницы могут (16%) и должны (5%) ходить в школу в хиджабе, 10% считают, что в школу надо ходить в школьной форме единого образца, «это укрепит дружбу». Остальные предпочли не отвечать на этот вопрос¹.

Отношение к взаимодействию вооруженных сил РФ и религиозных объединений. Взаимодействие вооруженных сил и религиозных организаций обеспечивает реализацию права на свободу совести граждан Российской Федерации, находящихся на военной службе, а также способствует решению воспитательных задач в воинских коллективах, в том числе с использованием духовно-нравственного потенциала религии. Одной из последних мер в области взаимодействия вооруженных сил и религиозных объединений стало официальное воссоздание института военного духовенства в России и введение должности помощника командира по вопросам верующих военнослужащих. Данные меры оцениваются имамами положительно, однако они справедливо отмечают, что вопросы, связанные с организацией и проведением религиозных обрядов, церемоний в условиях поликонфессионального состава армии недостаточно проработаны.

Имамы сходятся во мнении о необходимости дальнейшего совершенствования государственно-конфессиональных отношений. При этом указанная сфера требует взвешенного, продуманного и стратегически выверенного подхода, т.к. она затрагивает наиболее сильные, иррациональные струны общественной психологии, способные мобилизовать большие массы людей, как верующих, так и неверующих. Имамы убеждены в том, что повышать квалификацию в области государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений должны не только представители духовенства, но и госслужащие, представители власти, в первую очередь муниципальных властей, т.к. именно они на местах в настоящее время несут ответственность за межнациональный и межконфессиональный мир и согласие.

© Мухаметзянова-Дуггал Р.М., 2015.

¹ Юнусова А.Б. Указ. соч.

К ВОПРОСУ МУЗЕЙНОГО ПРАВА: НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Mukhametshina M.U.

RIGHTS OF THE MUSEUM: THE UNAUTHORIZED REPRODUCTION OF IMAGES OF MUSEIM OBJECTS

Аннотация: В статье освещена проблема «воспроизведения» и «использования» изображений культурных ценностей, хранящихся в музеях. Рассматривается вопрос передачи права на использование в коммерческих целях «воспроизведения» музейных предметов и музейных коллекций. Описаны меры пресечения и ограничения данного вопроса по Федеральному Закону РФ.

Ключевые слова: «воспроизведение» и «использование» культурных ценностей, разрешение на использование изображений, музейный предмет, инвентарная книга, Музейный Фонд РФ.

Abstract: In this article we examine the problem of «reproduction» and «use» of images of cultural values that are stored in museums. Rights of “reproduction” and “use” of museum objects and museum collections for commercial purposes, the constraint measure and limitation of this issue of the Federal Law of the Russian Federation highlights in this publication.

Keywords: «reproduction» and «use» of cultural values, permission to use the images, the museum object, inventory book, the Museum Fund of the Russian Federation.

В последнее время на страницах всевозможных изданий, а также в Интернете, воспроизводятся изображения культурных ценностей, хранящихся в музеях, причем такое воспроизведение довольно часто осуществляется физическими, а порой и юридическими лицами, без получения разрешения со стороны музея.

Данная ситуация заставляет обращать на себя особое внимание, так как осуществленное без разрешения музея, воспроизведение изображений принимает массовый характер. В свет выходят издания, основным содержанием которых является описание музейных предметов, или коллекций в целом, иногда изображения музейных экспонатов в них используются только как иллюстративный материал. Для любого воспроизведения изображений культурных ценностей обязательно получение разрешения дирекции музея.

Проблему можно рассматривать шире: во-первых, понятие музейные предметы относятся к понятию культурные ценности, как часть к целому. Во-вторых, необходимость получения разрешения собственника на воспроизведение культурных ценностей (музейных предметов) установлена в двух законах Российской Федерации: областью регулирования одного из которых является, в том числе выявление, изучение, охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры, музейное дело и

коллекционирование¹, а второго – особенности правового положения музейного фонда РФ, а также особенности создания и правовое положение музеев в РФ².

Рассмотрим соотношение понятий «воспроизведение культурных ценностей» и «использование культурных ценностей». Согласно закону РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 9 июля 1993 г. № 5351–1 (с посл. изм.; далее закон № 5351–1) под воспроизведением произведения понимается изготовление одного или более экземпляров произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- и видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного или более экземпляров двухмерного произведения и в двух измерениях – одного или более экземпляров трехмерного произведения; компьютерная запись произведения также является воспроизведением.

Понятие «воспроизведение» можно понимать двояко: как процесс повторения оригинала (копирование) либо результат процесса (копия).

В ст. 53 закона № 3612–1 говорится об изготовлении и реализации продукции с изображением (воспроизведением) объектов культуры и культурного достояния³, п.2 ст. 36 закона № 54–ФЗ – о передаче прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов и музейных коллекций, а в п.3 той же статьи о производстве продукции с использованием изображений музейных предметов⁴.

¹ Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612–1.

² Федеральный закон Российской Федерации «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. №54–ФЗ (далее закон № 54–ФЗ). Отметим, что законодательство РФ о музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации состоит, в том числе из упомянутых выше Основ законодательства РФ о культуре (ст. 2 закона №54–ФЗ).

³ В законе №3612–1 не приводится определения термина «объект культуры» и «объект культурного достояния» В ст.3 закона №3612–1 дается определение «культурного достояния народов Российской Федерации» под которым понимается - совокупность культурных ценностей, а также организации, учреждения, предприятия культуры, которые имеют общенациональное (общероссийское) значение и в силу этого безраздельно принадлежат Российской Федерации и ее субъектам без права их передачи иным государствам и союзам государств с участием Российской Федерации. Поэтому под объектом культурного достояния, подвергая расширительному толкованию приведенное определение, мы понимаем культурную ценность, либо организацию, учреждение, предприятие культуры, имеющее значение в страновом (государственном) масштабе. Полагаем, что термин «объект культуры» родственен «объекту культурного достояния» с разницей лишь в их принадлежности (любые виды собственности против государственной) и возможности передачи иным субъектам международного публичного права (передача объектов культуры возможна, а передача объектов культурного достояния недопустима).

⁴ Содержание п.2 и 3 ст. 36 ФЗ–54 следующее: Передача прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в музеях в Российской Федерации, осуществляется музеями в порядке, установленном собственником музейных предметов и музейных коллекций.

Производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев».

Обратим внимание на то, что слово «воспроизведение» дается в п.2 ст. 36 закона № 54–ФЗ во множественном числе, следовательно, по смыслу фразы «передача прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов и музейных коллекций» под «воспроизведениями» мы понимаем копии с оригиналов музейных предметов.

Итак, вначале владельцем музейных предметов, является музей, изготавливаются воспроизведения (копии) музейных предметов. Музей имеет право использовать в коммерческих целях эти копии. Под коммерческим использованием копий следует понимать любые действия, как с ними самими, так и их изображениями, которые направлены на извлечение дохода. Далее, музей передает права осуществлять эти действия третьим лицам, причем эта передача прав осуществляется в порядке, установленном собственником музейных предметов (см. п.2 ст. 36 закона № 54–ФЗ).

Соотношение авторских прав лица, создавшего культурную ценность с правами собственника по владению, пользованию и распоряжению культурной ценностью.

Бытует вопрос, заключающийся в том, нужно ли спрашивать у собственника произведения, перешедшего в общественное достояние, разрешение на его воспроизведение. Корень проблемы существует в подмене нормами авторского права норм музейного права и права собственности.

Согласно ст. 28 закона № 5351–1 истечение срока действия авторского права на произведения означает их переход в общественное достояние. Произведения, перешедшие в общественное достояние, могут свободно использоваться любым лицом без выплаты авторского вознаграждения. При этом должно соблюдаться право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора. Общий срок действия авторского права установлен в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти¹, кроме исключений, установленных ст. 27 закона № 5351–1.

Однако в ст. 53 закона № 3612–1 устанавливается, что предприятия, учреждения и организации могут изготавливать и реализовывать продукцию (в том числе рекламную) с изображением (воспроизведением) объектов культуры и культурного достояния, деятелей культуры при наличии официального разрешения владельцев и изображаемых лиц. Плата за использование изображения устанавливается на основе договора. При использовании изображения без разрешения применяются нормы законодательства Российской Федерации.

Более того, согласно ст. 36 закона № 54–ФЗ производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов,

¹ Ранее до внесения изменений в закон №5351–1 федеральным законом от 20 июля 2004 г. №72–ФЗ этот срок составлял 50 лет.

расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев.

Музейным предметом является культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление. Законодательство Российской Федерации о музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации состоит, в том числе из Конституции Российской Федерации, Основ законодательства Российской Федерации о культуре.

Культурные ценности, согласно закону «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» – нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Включим определение «культурные ценности» в понятие «музейный предмет», подразумевая, что последним может быть материальная составляющая культурного наследия. Музейный предмет – произведение культуры и искусства, результат научных исследований культурной деятельности, имеющее историко-культурную значимость здание, сооружение, предмет, уникальная в историко-культурном отношении территория и объект, качество либо особые признаки которого делают необходимым для общества его сохранение, изучение и публичное представление.

В любом случае музейным предметом является произведение, являющееся результатом творческой деятельности, поэтому мы вправе говорить, что музейный предмет относится к кругу охраняемых законом № 3531–1 произведений.

Право собственности на новое произведение, изготовленное или созданное лицом для себя, приобретается этим лицом. У этого лица имеются личные неимущественные права на произведение, имущественные права, а также права по пользованию, владению и распоряжению произведением. Иными словами, у автора «сосредотачиваются» права авторские и собственности.

В п.5 ст. 6 закона № 5351–1 установлено, что авторское право на произведение не связано с правом собственности на материальный объект, в котором произведение выражено. Право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки по отчуждению этого имущества (ст. 218 ГК РФ).

Передача права собственности на материальный объект или права владения материальным объектом сама по себе не влечет передачи каких-

либо авторских прав на произведение, выраженное в этом объекте, за исключением случаев, предусмотренных статьей 17 закона № 5351–1.

Однако при заключении автором сделки по отчуждению произведения, наряду с правами пользования, владения и распоряжения материальным объектом им могут быть переданы и имущественные авторские права, за исключением случаев, предусмотренных ст. ст. 18–26 закона 5351–17. До истечения срока действия авторского права, за автором в любом случае сохраняются исключительные неимущественные права и, если не переданы новому собственнику произведения, имущественные авторские права.

Основу имущественных авторских прав составляют: право на воспроизведение; право на распространение; право на импорт; право на публичный показ; право на публичное исполнение; право на передачу в эфир; право на сообщение для всеобщего сведения по кабелю; право на перевод; право на переработку; право на доведение до всеобщего сведения. Авторское право переходит по наследству, но не переходит по наследству право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора произведения. Наследники автора вправе осуществлять защиту указанных прав. Эти правомочия наследников сроком не ограничиваются (ст. 29 закона № 5351–1).

Как отмечалось выше по истечении 70 лет после смерти автора, произведение переходит в общественное достояние, причем их использование является свободным, без каких-либо выплат авторского вознаграждения с одним лишь замечанием. Лицо, использующее такое произведение, обязано соблюдать личные неимущественные права автора: право признаваться автором произведения (право авторства); право использовать или разрешать использовать произведение под подлинным именем автора, псевдонимом либо без обозначения имени, то есть анонимно (право на имя); право на защиту произведения, включая его название, от всякого искажения или иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора (право на защиту репутации автора).

На основании вышесказанного, делаем следующие выводы:

1. Музейные предметы, культурные ценности являются произведениями в смысле терминологии авторского права, то есть представляют собой результат творческого труда лица их создавших и поэтому должны рассматриваться как неповторимые, уникальные и подлежащие защите произведения¹;

2. В силу этого законом делегируются собственнику (владельцу) культурных ценностей (музейных предметов) специфические полномочия по контролю над воспроизведением этих предметов, которые не сводятся к имущественным правам авторов их создавших;

3. В период действия сроков охраны авторского права наблюдается двойная защита произведений, относящихся к культурным ценностям от

¹ Сказанное является следствием одного из принципов музейного права, заключающимся в необходимости защищать культурные ценности, сохранять и поощрять многообразие культуры.

несанкционированного воспроизведения со стороны автора и со стороны собственника произведений;

4. По окончании семидесяти лет после смерти автора, его имущественные права на произведение прекращают свое действие, но в отношении произведений-культурных ценностей продолжает действовать право собственника разрешать их воспроизведение, которое определено нормами музейного, а не авторского права.

Требование музея о необходимости получения разрешения на воспроизведение музейных предметов основано на императивных нормах: ст. 36 (п.3) № 54–ФЗ: «Производство изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий музеев, объектов, расположенных на территориях музеев, а также с использованием их названий и символики осуществляется с разрешения дирекций музеев»; ст. 53 Закона РСФСР «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612–1: «Организации культуры обладают исключительным правом использовать собственную символику (официальное и другие наименования, товарный знак, эмблема) в рекламных и иных целях, а также разрешать такое использование другим юридическим и физическим лицам на договорной основе. Предприятия, учреждения и организации могут изготавливать и реализовывать продукцию (в том числе рекламную) с изображением (воспроизведением) объектов культуры и культурного достояния, деятелей культуры при наличии официального разрешения владельцев и изображаемых лиц. Плата за использование изображения устанавливается на основе договора. При использовании изображения без разрешения применяются нормы законодательства Российской Федерации».

Приготовление, которое может осуществить музей, заключается в разработке и утверждении руководством музея расценок за использование изображений культурных ценностей, находящихся в Музее.

Учитывая, что чаще всего музей узнает от несанкционированном использовании изображений музейных предметов уже из изданной полиграфической продукции, либо размещенной информации в Интернете, меры, которые он может предпринять для получения упущенной выгоды заключаются в возможности направить в известные музею адреса лица, осуществившего воспроизведение музейных предметов, претензии с требованием возмещения причиненных убытков.

Федеральный музей мог и должен был получить определенные доходы, и только нарушение лицом, осуществившим воспроизведение музейных предметов, норм закона № 54–ФЗ и закона № 3612–1 является единственной причиной, лишившей музея возможности получить доходы от реализации принадлежащего ему права. Возможность предоставления права закреплена указанными выше нормами закона (потенциальная возможность), а наличие музейных предметов во владении музея, изображения которые были

воспроизведены, давало музею реальную возможность реализации права на представление изображений культурных ценностей, не реализованную вследствие не обращения организации, осуществившей несанкционированное воспроизведение, за разрешением в музей.

В заключение отметим, чаще вопросы несанкционированного использования изображений музейных предметов решаются на уровне выставления претензии с последующим заключением мирового соглашения.

© Мухаметшина М.У., 2015.

**ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ И ВЫБОРА КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
МОДУЛЕЙ «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ
ЭТИКИ (ОРКСЭ)» (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

T.M. Nadyrshin

**THE CONTENT AND CONFESSIONAL COURSES SELECTION
PROBLEMS OF «THE BASICS OF RELIGIOUS CULTURES AND
SECULAR ETHICS» COURSE (EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF
BASHKORTOSTAN)**

Аннотация: В статье рассматривается основной контент курса ОРКСЭ и проводится анализ картины выбора конфессиональных модулей курса и взаимовлияние основных факторов определяющих выбор модулей курса в регионе.

Ключевые слова: религия, школа, религиозное образование.

Abstract: The article discusses the main content of “The Basics of Religious Cultures and Secular Ethics” course and analyzes the pattern and interference of the main factors determining the region course confessional modules selection.

Keywords: religion, school, Religious Education.

В рамках комплексного учебного курса ОРКСЭ существует несколько модулей для преподавания. К ним относятся два не конфессиональных модуля «Основы светской этики» и «Основы мировых религиозных культур» и четыре конфессиональных модуля «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры» и «Основы буддийской культуры». Самым распространенным модулем в России является «Основы светской этики». Выбор четырех конфессиональных модулей опирается на Федеральный закон о «Свободе совести и религиозных объединениях». В преамбуле закона делается ссылка на «особую роль Православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и на уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России».

Государство зафиксировало в законодательстве приоритетное сотрудничество с «традиционными» для России религиозными объединениями – православными, мусульманскими, иудаистскими и буддистскими и стало проводить политику преференций по отношению к ним¹. Проекция данного сотрудничества на курс ОРКСЭ не является исключением.

¹ Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Государственная политика в сфере свободы совести в России // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 1. С. 29

Рассматривая проблемы конфессиональных модулей предмета ОРКСЭ, мы должны в первую очередь рассмотреть базовые цели данного курса и понять, как данные цели реализуются в зеркале конфессиональных модулей.

- Изучение Основ религиозных культур и светской этики направлено на достижение следующих целей: развитие представлений о значении нравственных норм и ценностей для достойной жизни личности, семьи, общества; формирование готовности к нравственному самосовершенствованию, духовному саморазвитию;
- знакомство с основными нормами светской и религиозной морали, понимание их значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе; формирование первоначальных представлений о светской этике, о традиционных религиях, их роли в культуре, истории и современности России; об исторической роли традиционных религий в становлении российской государственности; осознание ценности человеческой жизни;
- воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России; становление внутренней установки личности поступать согласно своей совести.

В данной статье нас в первую очередь интересует второй и третий пункты базовых целей, которые в рамках курса нам представляются наименее разработанными.

Единственный конфессиональный модуль, который разработан больше всего – это «Основы православной культуры» так как церковь национальная по своей сути, является одним из структурообразующих факторов в России и жизнь огромного количества героев российской истории часто неотделима от религиозных убеждений. После прихода к власти большевиков данная галерея была частично заменена персонажами революционного движения, либо при невозможности это сделать их вероисповеданию не придавалось значения. Она не упоминалась или подтверждена антиклерикальностью мышления главных действующих лиц.

Сложнее дело обстоит с представителями других религий России. На настоящий момент кроме «Основ православной культуры» в школе ведется преподавание модулей «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры».

Истории данных религий в России посвящены считанные страницы. Глава «История Ислама в России» – 2 страницы, «История Буддизма в России» – 2 страницы, «История Иудаизма в России» – 4 страницы. Существует потребность, чтобы данный перекоп был ликвидирован, чтобы цели курса были в полной мере реализованы.

Однако данная проблема во многом связана с тем, что нет узнаваемых героев российской истории, чье вероисповедание было бы ассоциировано с Исламом, Иудаизмом, Буддизмом или другими религиями, за исключением Православия. Это не говорит о том, что их нет, это говорит о том, что их имена широко не известны. Есть отдельные персонажи, которые

присутствуют в национальных историях народов России. Однако часто духовный авторитет не является определяющим для других.

Совместная работа представителей интеллигенции для формирования галереи данных религиозных образов и их перенос на общероссийское пространство не проводилась. Возможно, чтобы учебниками формировалась указанная галерея исходя из следующих критериев: участие представителей религиозных меньшинств в общественной жизни России, благотворительной, войнах и т.д.

Существует множество проблем относительно количества источников. Очень мало дополнительного хрестоматийного материала для учащихся по конфессиональным модулям. Этот хрестоматийный материал набирается учителем самостоятельно.

Другой тренд – это снижение числа выбора конфессиональных модулей. В поликонфессиональных регионах России значительное число выбрало нерелигиозные модули, большинство выбирают модуль «Основы светской этики» или «Основы мировых религиозных культур». Во многом это связано с тем, что на данный выбор влияет множество субъективных факторов.

В Республике Башкортостан представлены четыре модуля для преподавания: «Основы светской этики», «Основы мировых религиозных культур», «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры».

Все четыре модуля ОРКСЭ в 2015 г. выбрали в Белорецком, Ишимбайском, Стерлитамакском, Мелеузовском, Куюргазинском районах Бирском, Дуванском, Балтачевском, Янаульском, Белебеевском, Туймазинском, Уфимском районах, а также в городе Уфа и Стерлитамак Республики Башкортостан. Можно отметить, что эти районы характеризуются высокой урбанизированностью. За исключением Дуванского и Балтачевского района на территории всех указанных районов находятся города, и хотя Куюргазинский, Стерлитамакский, Уфимский районы являются отдельными муниципальными образованиями, тем не менее, имеют тесную связь с близлежащими городами: Кумертау, Стерлитамак и Уфа.

Если мы проследим выбор модуля «Основы исламской культуры» то мы можем обнаружить, что выбор данного модуля преимущественно характерен для восточной части региона. Самый большой процент выбора модуля «Основы исламской культуры» характерен для Гафурийского, Ишимбайского, Бурзянского, Баймакского, Зилаирского, Хайбуллинского, Учалинского района и стоящего особняком Кигинского района Республики Башкортостан. Эти районы – место компактного проживания башкирского населения региона.

Тем не менее, связь зависимости выбора модулей для преподавания с этноконфессиональной характеристикой района очень часто не совпадает. Например, на примере Чекмагушевского, Бураевского, Абзелиловского, Стерлибашевского районов можно обнаружить, что в районах с большим

процентом этнических мусульман не были выбраны конфессиональные модули. С другой стороны в районах со смешанным полиэтничным составом, со значительным соотношением этнических православных был выбран модуль «Основы исламской культуры». Например – это характерно для Гафурийского, Ишимбайского, Зилаирского, Куюргазинского района РБ. Это может служить доказательством того, что на выбор модулей оказывают влияние факторы не связанные с этноконфессиональной структурой.

Модуль «Основы православной культуры» очень слабо представлен на территории Республики Башкортостан. В большинстве районов региона данный модуль не был выбран. Тем не менее, мы можем обнаружить, что выбор модуля «Основы православной культуры» коррелирует с этноконфессиональной структурой указанных районов. Однако это происходит не всегда. Например, на примере Зилаирского, Федоровского и Бакалинского районов (выбор модуля «Основы православной культуры – 0%») можно обнаружить, что данная картина не подтверждается, что говорит о том, что на выбор модулей могут оказывать влияние иные не связанные с этноконфессиональной структурой факторы.

Таким образом, влияние этноконфессионального фактора в выборе модулей подтверждается только для русского населения, однако учитывая незначительный процент выбора модулей, мы не можем назвать его решающим. Выбор модуля «Основы исламской культуры» характерен для юго-восточной части РБ, а также не подтверждается прямая зависимость между выбором модулей и процентным соотношением этнических мусульман.

Что касается влияния религиозных организаций на выбор модуля, то можно обнаружить, что все религиозные организации РПЦ относятся к единому центру и поэтому прямое влияние на выбор модулей не подтверждается. Большое количество приходов в районе не гарантирует доминирования конфессиональных модулей – это например, подтверждается в Абзелиловском, Туймазинском районе. С другой стороны часто в районах, где количество приходов обеих крупнейших конфессий является достаточно малым, а выбор конфессиональных модулей высок – это например, подтверждается в Белокатайском или Дуванском районе.

Полученные данные говорят о том, что на выбор модуля оказывает влияние несколько факторов, к ним в первую очередь относится образовательная среда, этнический фактор и религиозный фактор. Полученные данные говорят о том, что влияние последних двух факторов не является решающим при выборе модулей курса.

© Надыршин Т.М., 2015.

**ПРОБЛЕМА «КАРАЮЩЕГО ГРОМА»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СООБЩЕНИЯ ИБН ФАДЛАНА О ПОЧИТАНИИ ГРОЗЫ
НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ**

D.V. Puzanov

**THE PROBLEM OF «PUNISHING THUNDER»: THE IBN FADLAN
MESSAGE INTERPRETATION OF STORM VENERATION BY VOLGA
BULGARIA POPULATION**

Аннотация: В работе критикуется попытка А.А. Лушниковой сопоставить сообщение Ибн Фадлана о вере волжских булгар, согласно которому гроза карает грешников, с поздними славянскими народными представлениями. Идея «карающей грозы» рассматривается в контексте отношения к природному явлению в авраамических религиях и зороастризме. Предлагаются возможные варианты возникновения этого сообщения у Ибн Фадлана.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Ибн Фадлан, природные явления, язычество, авраамические религии, зороастризм.

Abstract: The article criticize the A.A. Lushnikov's attempt to compare the message of Ibn Fadlan about thunderstorm punishing sinners with late Slavic beliefs. The idea of "the punishing thunderstorm" is considered in the context of the relation to a thunderstorm in the Abrahamic religions and Zoroastrianism. Available options for this message.

Keywords: Volga Bulgaria, Ibn Fadlan, natural phenomena, Paganism, Abrahamic religions, Zoroastrianism.

Природа оказывает существенное влияние на формирование этноса. Во главе составляющих национальной целостности ставит природу известный российский философ Г.Д. Гачев¹. Представления о природе опутывают всю сакральную картину мира человека, и они могут стать серьезным маркером этничности. Мы знаем многое об отношении человека к природным явлениям в развитых цивилизациях и современных этнических культурах. Однако проследить динамику его формирования необычайно сложно. Источники по ранним периодам этногенеза необычайно скудны, что порождает небывалый простор для их интерпретаций, порой весьма произвольных.

В качестве примера можно привести анализ А.А. Лушниковым следующего известия Ибн Фадлана о почитании булгарами грозы и грома: «Я не видал [нигде] большего количества молний, чем в их стране. Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, каким он есть, и [также] все, что в нем [находится], - человека и имущество и все прочее, - пока не уничтожит его время. И они говорят: "Это дом [тех], на

¹ Гачев Г. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М., 2007.

которых лежит гнев»¹. А.А. Лушников связывает этот сюжет с идеей громовержца как бога-судьи, существовавшей, по его мнению, у славян. Свидетельство Ибн Фадлана, согласно исследователю, доказывает древность такого воззрения. А.А. Лушников понимает, что сообщение Ибн Фадлана, записанное в Волжской Булгарии, сложно интерпретировать как славянское верование («очень сложно судить, к какому конкретному народу относится то или иное описание [у Ибн Фадлана – Д.П.]»). Однако полагает, «что культ громовержца-судьи вряд ли имел рамки одного народа и мог быть распространен у большинства населения Волжской Булгарии, в том числе и у славян»².

Главная проблема в том, что вся работа А.А. Лушникова базируется на авторской интерпретации позднего жития Артемия Вертолкого, которое повествует об отроке, убиенном громом. По мысли исследователя народ противился канонизации святого, т.к. в языческих представлениях гром поражал только больших грешников³. Идея А.А. Лушникова жестко противоречит сложившейся историографической традиции изучения жития, которую исследователь, кажется, не замечает. Еще Л.А. Дмитриев отмечал, что культ Артемия Вертолкого сложился первоначально в народной среде, а потом уже был освящен церковью. На это, по мнению исследователя, указывает неканоническое содержание самого жития, а также тот факт, что святой в своей жизни ничем не успел отличиться, кроме того, что умер от удара молнии, и от его останков постоянно совершались чудеса⁴. Конфликты между церковью и народом Л.А. Дмитриев объясняет разницей в формах почитания: «Созданный Афанасием Пашковым в честь Артемия монастырь вызвал протест верколцев. (...) Во вновь построенном монастыре Иона жил со строителем (настоятелем монастыря) Рафаилом (...). Веркольцы ‘возненавидеша’ Иону и Рафаила и пытались изгнать их, говоря: ‘чудотворец наш и монастырь наш’»⁵.

Основанные на указанном житии выводы Е.А. Рыжковой кардинально расходятся с выводами А.А. Лушникова. Исследовательница, напротив, считает житие отражением традиции почитать святыми погибших от удара молнии⁶. Она сопоставляет житие Артемия Вертолкого со славянскими представлениями, согласно которым от грозы погибал либо праведник, либо

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 137.

² Лушников А. А. «Верховное божество» в язычестве восточных славян и кризис этой религии в IX–X вв. // Известия ПГПУ им. в. г. Белинского. 2011. № 23. С. 510.

³ Там же. С. 510.

⁴ Дмитриев Л.А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII – XVII вв. Эволюция жанра легендарно-библиографических сказаний. Л., 1973. С. 249–261.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Рыжкова Е.А. Севернорусская агиография в контексте традиционной народной культуры («почему убитые громом – святые») // Локальные традиции в народной культуре русского севера (Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения–2003»). Сборник научных докладов. Петрозаводск, 2003. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (публикации о музее-заповеднике Кижи) [Официальный сайт]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/97.html> (дата обращения 25.08.2015)

большой грешник. Ссылаясь на Д.К. Зеленина, Е.А. Рыжкова демонстрирует наличие этнокультурных параллелей вере в особую святость человека, убитого громом. Исследовательница отмечает, что вблизи д. Веркола, рядом с монастырем, археологами было обнаружено кладбище заложных покойников, напоминающее языческие захоронения. Идею убийства громом праведника Е.А. Рыжкова связывает с представлениями, согласно которым громовержец бьет нечистую силу, а она может спрятаться за ни в чем неповинным человеком¹.

Первый намек на возможную общественную полемику вокруг представлений о загробной жизни человека, убитого громом, встречается в Палее Толковой – памятнике Северо-Восточной Руси XIII века. По мысли автора Палеи, нет смысла гадать по какой причине Бог поражает громом того или иного человека, так как воли Всевышнего мы знать не можем². При этом особое внимание в Толковой Палее уделено убийству ни в чем не повинных детей: «но от материнихъ ядръ младенца извергъ снабжаетъ, другонци же от рукъ материнихъ истрегъ младенець суду предаеть, мать же младенца снабжаетъ»³. Это сообщение интересно в том плане, что в славянском и балтском фольклоре довольно часто гром убивает несовершеннолетних. Отроком был Артемий Верткольский. Согласно одной латышской сказке, богиня счастья Лайма предсказывает одному мальчику быть убитым от грозы. Отец ребенка сделал специальный погреб, чтобы укрыть сына. Однако в назначенный день сын не стал заходить в погреб, а взобрался на гору. Польщенный храбростью Перкон не причинил ему зла, а разбил молнией погреб⁴. Представляет интерес польское поверье о том, что гром бьет туда, где зарыты некрещенные младенцы⁵.

Погибшие неестественной смертью некрещенные младенцы в мифологии восточных славян нуждались в особой сакральной защите. Матери младенца предписывалось соблюдать особые ритуалы-правила⁶. При этом ребенка нельзя было хоронить на кладбище, его клали под порог (он почитался как святыня), хоронили около печки, в саду, топили в болоте или закапывали под деревом⁷.

Дуализм в представлении о святости / грешности человека, убитого громом, действительно существовал у славян⁸. В настоящее время нет возможности утверждать, был он в народной культуре изначально, либо это следствие христианского влияния. Во всяком случае, представление о святости человека, убитого громом, вряд ли имеет христианские корни.

¹ Рыжкова Е.А. Указ. соч.

² Палея толковая. М., 2002. С. 107.

³ Там же.

⁴ Латышские сказки. М., 1941. С. 50–51.

⁵ Толстой Н.И. Гром // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 558.

⁶ 100 образів української міфології / під ред. Олени Таланчук. Київ, 2002. С. 192.

⁷ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 72–73.

⁸ Толстой Н.И. Указ. соч. С. 559–560.

Раскат молнии в Библии сопоставлен с падением дьявола, а гром – распространенное орудие гнева Саваофа. «Откровение» Мефодия Патарского повествует о том, как страшные гром и молния, поражая людей и вызывая пожары, уничтожат целое царство, жители которого были подвержены греху инцеста¹. Жестко расправлялся с врагами Бога Илья Пророк, чья фигура в народных представлениях была сопоставлена с фигурой громовержца. Идея молнии, карающей за грехи, настолько пропитала современную европейскую культуру, что одно только упоминание явления в художественном произведении создает настроение возмездия: например А.Н. Островский «Гроза», Рей Бредбери «И грянул гром».

В древности все могло быть иначе. Поэтому описанное Ибн Фадланом верование вряд ли как-то связано со славянским культурным наследием. Идея грозы - Божьей кары прослеживается и в исламе: «Когда же возжелает Всевышний наказать людей, то не отвратить этого ничем, если только он сам не пожелает им покровительства. Он – Тот, Кто являет вам молнию, чтобы вы испугались [гнева Господня] и надеялись [на милость Его]»² Вероятно, представления об очистительном огне, грозе и свете, которые имеют параллели во всех монотеистических культах, восходят своими корнями к иудейским и индоиранским верованиям. В зороастрийских представлениях молния – это огонь Вазишт, а гром – вопль поверженного демона Аспенджаргака: «и вышел огонь Вазишт, и от тяжелейшего удара его палицы (дэв Аспенджаргак) громко закричал, и потому теперь, во время битвы с устройтелем дождя появляются гром и молния»³.

Именно в иудейской и иранской традиции огонь безвреден для праведников и вредит грешникам. Поэтому болгарские представления о громе, с одной стороны, могли сформироваться под влиянием иранской культуры. С другой стороны, представление о карающем громовержце могло образоваться у болгар самостоятельно. Не следует также отрицать возможность того, что Ибн Фадлан мог неправильно понять обычай сакрального почитания объекта, поверженного молнией, как неправильно понял обычай по особому хоронить заложных покойников автор жития Артемия Вертолкого: «понеже они тех убиеных громом или молниею гнушаются»⁴. Примеры сакрального почитания объектов, пораженных молнией, мы встречаем у славян и финно-угров⁵.

Критикуя Е.В. Климова за то, что он распространяет верования, характерные средневековым славянам Поволжья, на всех славян, А.А. Лушников сам подтверждает древность веры в громовержца-судью

¹ Откровение Мефодия Потарского // Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 677.

² Коран. СПб., 2013. С. 225.

³ Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М., 1997. С. 274.

⁴ Лушников А. А. Указ. соч. С. 510.

⁵ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 67; Толстой Н.И. Указ. соч. С. 558.

сведениями Ибн Фадлана¹. Понятно, что идея карающего Бога так же стара, как и древние цивилизации. Но когда и при каких условиях она распространяется на всю Европу? Однозначно ответить на этот вопрос вряд ли представляется возможным.

Таким образом сообщение о громовом ударе Ибн Фадлана пока что ставит больше вопросов, чем дает ответов. Волжская Булгария находилась на важном торговом пути, который соединял Скандинавию со странами Востока. Это зона бурных этнических контактов. И помимо автохтонных культур региона здесь активно взаимодействовали культуры пришлые, включая иранскую, что делает необычайно сложной задачу интерпретации сообщений Ибн Фадлана в этническом ключе.

По мере процессов политогенеза, как и все народы Европы, народы Волжской Булгарии втягивались в единое монотеистическое культурное пространство, что вело к сглаживанию этнокультурных различий. Поэтому языческие представления в их чистом виде по-прежнему остаются для нас невнятным гласом побежденных, а этнические характеристики, вопреки сложившимся представлениям, при определенных условиях могут быть достаточно динамичной единицей.

© Пузанов Д.В., 2015.

¹ Лушников А. А. Указ. соч. С. 509.

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЮЖНОГО УРАЛА

A.I. Tuzbekov

ARCHAEOLOGICAL SITES IN FORMATION OF MODERN SACRAL SPACES IN SOUTH URAL

Аннотация: На примере курганного могильника Ильчигулово IV анализируются процессы новых сакральных пространств на Южном Урале. Анализируются работы отечественных и зарубежных авторов, материалы электронных изданий, видеоресурсы сети Интернет. На основе полевых исследований (май 2015 г.), восстанавливается хронология формирования сакрального пространства на территории объекта историко-культурного наследия. В заключении характеризуются современные процессы сакрализации, происходящие как на рассмотренном памятнике, так и на всей территории Южного Урала в целом.

Ключевые слова: Археологический памятник, сакрализация, аулия, святое место, Ильчигулово IV.

Abstract: The processes of sacralisation of archaeological sites in the South Urals are being analyzed in the context of Ichigulovo IV barrow. The history of archaeological study of the subject is considered in detail. The works of domestic and foreign authors, electronic publications, Internet video resources are being analyzed. On the basis of own field researches held in May 2015 within Russian Foundation for Humanities grant "Islam in the South Urals geographical information system", the chronology of formation of the sacred space on the territory of historical and cultural heritage is being restored. In conclusion, the modern sacralisation processes taking place on the significant site under consideration as well as throughout the whole South Urals are being characterized.

Key words: archeological monument(site), sacralisation, saint (awliya) holy place, Ichigulovo IV.

В мае 2015 г. сотрудниками ИЭИ УНЦ РАН был осуществлен экспедиционный выезд в южные и юго-западные районы Республики Башкортостан. В рамках выезда особое внимание было уделено выявлению и обследованию археологических памятников ставших объектами поклонения мусульман, одним из которых является курганный могильник Ильчигулово IV расположенный на г. Нарыстау.

Курганный могильник Ильчигулово IV расположен в 2,5 км к востоку северо-востоку от д. Ильчигулово (Миякинский район РБ), в 3 км к востоку от р. Демы, в 300-350 м. к востоку от «святого ключа» на площадке возвышенного сырта. Сырт ограничивает пойму правого берега р. Демы.

Данное место издревле считалось священным для башкир и других тюркских народов и соотносилось с эпосом «Идукай и Мурадым» (Едигей) как место захоронения Идукая и Мурадыма.

«Покончив с войной, наконец,
Меч, отер он, лицо омыл,
Вновь остался у тех мест.
Где могила Идукая с Ынье,
Находилась у горы Нарыс»¹.

Впервые памятник был исследован Гарустовичем Г.Н. в 1986². Анализируя т.н. «степной загар» на камнях оградок могильника исследователь приходит к выводу, что они были возведены из камней, взятых из разрушенных каменных насыпей большого близлежащего могильника, который относится к XIV в., и были сооружены не ранее XIX в.³. До 60 х гг. XX в., по мнению жителей д. Ильчигулово, а также сведениям, зафиксированным в научном отчете Г.Н. Гарустовича, на памятнике наблюдались паломники, приходившие к «святому ключу», но в дальнейшем объект теряет свою значимость.

С конца XX в. активный рост религиозного самосознания, подкрепленный сведениями из спорных работ Хисам ад-Дин ибн Шараф уд-Дин ал-Булгари Муслими и Тадж ад-Дина Ялыгула аль-Башкурди. (работы резко критиковались как нетрадиционалистами Ш. Марджани и Р. Фахрутдиновым, так и историками, писавшими в советское время (М.А. Усманов⁴)), инициировали активный поиск верующими могил сахабов на территории Волго-Уральского региона.

В 2010 г. в ходе посещения делегацией суфиев из Башкортостана Шейха суфийского ордена Накшибандия Мухаммада Назима Адиль аль-Кубруси аль-Хаккани (проживающего в Турецкой республике – Северный Кипр) ему были показаны несколько фотографий предполагаемых мест захоронения сахабов на территории Башкортостана. Рассмотрев все фотографии, шейх указал на г. Нарыстау⁵ как одно из них.

После возвращения делегации суфиев, в республиканских СМИ появляется информация об обнаружении места захоронения сахабов и на территории Курганного могильника Ильчигулово IV начинается активное строительство. В 2011 г. воздвигается памятник сахабам и куполообразное сооружение, а в 2012 г. у подножья горы строится мечеть. После этого территория курганного могильника Ильчигулово IV становится одним из

¹ Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос / Составитель, автор вступит. ст. и комм. Нур Зарипов / Ответ. ред. тома Р. Г. Кузеев. Уфа, 1999. С. 186.

² Гарустович Г.Н. Отчет об археологических работах в Мелеузовском, Кугарчинском, Чишминском, Миякинском, Бижбулякском и Зианчуринском районах Башкирской АССР в 1986 г. // Архив Института Археологии РАН. С. 37.

³ Гарустович Г.Н. Особенности распространения ислама среди башкир в эпоху средневековья // Уфимский археологический вестник. Вып. 13. Уфа, 2013. С. 142.

⁴ Татарские исторические источники XVII-XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань, 1972. С. 134–166

⁵ Святой Шейх Абдурафик из Башкирии (суфизм) [Электронный ресурс] // Видеохостинг YouTube [Офиц. сайт]. URL: // http://www.youtube.com/watch?v=SMJHSa_iD_Y (дата последнего обращения 5.09.2015)

наиболее популярных мест паломничества мусульман, как из регионов РФ, так и из стран СНГ. Дополнительный импульс и легитимизацию объект получает в 2013 г. после посещения сыном и приемником Мухаммада Назима Хаккани, Мухаммадом (Мехмет) Адилем Хаккани аль-Кипруси сопровождаемого представителями местного духовенства. В рамках ежегодного турне (2013–2015 г.) Мехмета Адила по «святым местам» Ильчигулово IV наряду с другими археологическими объектами (Кешене Бендебике и т.д.) ежегодно включается в основную часть программы его пребывания и именно в эти дни на памятнике можно наблюдать наибольшее количество паломников (более 1000 чел.).

На основе рассмотренного нами памятника мы видим, что использование текстов спорных средневековых авторов наложенных на вполне реальный археологический объект, дало, возможность, конструирования некоего нового сакрального пространства.

На сегодняшний день на Южном Урале насчитывается более сотни археологических памятников подвергшихся сакрализации. С каждым годом их количество увеличивается, благодаря распространению всевозможных религиозных течений и сект, в том числе и запрещенных, которые пытаются привлекать новых членов, используя в том числе и объекты историко-культурного наследия, являющиеся связующим звеном между прошлым и настоящим.

Рассматриваемое нами явление, безусловно, требует дополнительного исследования, а схожесть процессов происходящих на археологических памятниках, распространившаяся по всему миру, говорит о глобальности кризиса традиционных духовных ценностей, что обусловило поиск людьми новых или возрождение старых религиозных систем, дающих ответы на вызовы современного мира.

© Тузбеков А.И., 2015.

Сведения об авторах

Алламуратова Лейсан Хакимьяновна (г. Уфа). Аспирант Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Ахатов Альберт Тагирович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Баимов Айрат Гайсарович (г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Батыршина Эвелина Наилевна (г. Уфа). Аспирант Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Бахшиев Илшат Интизам оглы (г. Уфа). Кандидат исторических наук, зав. отделом Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Бахшиева Александра Камиловна (г. Уфа). Аспирант, хранитель фондов учебно-научного археологического музея Башкирского государственного университета.

Гусева Юлия Николаевна (г. Самара). Доктор исторических наук, доцент Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Диникеева Юлия Геннадьевна (г. Бирск). Аспирант Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Камалеев Эльвир Винерович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Колонских Александр Геннадьевич (г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Козловская Галина Ефимовна (г. Самара). Доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Крапачева Ольга Сергеевна (г. Уфа). Магистрант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Медведев Владислав Валентинович (г. Магнитогорск). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Мухаметдинов Вадим Ильдарович (г. Уфа). Инженер археологической лаборатории Башкирского государственного университета.

Мухаметзянова-Дуггал Регина Массаровна (г. Уфа). Доктор политических наук, зав. отделом Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Мухаметшина Марина Ураловна (г. Уфа). Зав. отделом Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Надыршин Тимур Маратович (г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Тузбеков Айнур Ильфатович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Оглавление

<i>Алламуратова Л.Х.</i> О СТАТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА У БАШКИР.....	3
<i>L.Kh. Allamuratova</i> ABOUT STATIC PRINCIPLE OF BASHKIR SPATIAL CONCEPTIONS.....	3
<i>Ахатов А.Т.</i> БАШКИРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XVI – НАЧАЛА XX ВВ.: КРАТКИЕ ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)...	9
<i>A.T. Akhatov</i> BASHKIR SETTLEMENTS OF XVI – EARLY XXTH CENTURIES: SUMMARY RESULTS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH (BY ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN).....	9
<i>Баимов А.Г.</i> ПЕРВИЧНАЯ ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ИСЛАМСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ.....	16
<i>A.G. Vaimov</i> INITIAL TRAINING FOR MILITARY CHAPLAINS THE ISLAMIC CREED.	16
<i>Батыршина Э.Н.</i> СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 ГОДА (ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ БАШКИР/ТАТАР)	21
<i>E.N. Batyrshina</i> NORTH-WESTERN REGION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN BY MATERIALS OF RUSSIAN CENSUS OF 2010 (ETHNO-LINGUISTIC COMPOSITION OF BASHKIRS AND TATARS)	21
<i>Бахшиев И.И.</i> АРХЕОЛОГИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА (КРАТКИЙ ОБЗОР)	24
<i>I.I. Bakhshiev</i> ARCHAEOLOGY OF SOUTH URAL'S STEPPE ZONE IN BRONZE AGE IN THE FIRST QUARTER OF XX CENTURY (BRIEF SUMMERY).....	24
<i>Гусева Ю.Н., Козловская Г.Е.</i> ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОНИТОРИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Г.О. САМАРА)	29
<i>Yu.N. Guseva, G.E. Kozlovskaya</i> ETHNIC TOLERANCE IN YOUTH (BY MATERIALS IN SAMARA EDUCATIONAL INSTITUTIONS)	29

<i>Диникеева Ю.Г.</i> ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)	34
<i>Yu.G. Dinikeeva</i> CHILDBIRTH RITUALS IN TRADITIONAL CULTURE OF RUSSIANS OF BASHKORTOSTAN (BASED ON FIELDWORK).....	34
<i>Камалеев Э.В.</i> ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ С. МАСЛЯНЫЙ МЫС XVIII–XX ВВ.....	39
<i>E.V. Kamaleev</i> HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CULTURAL LAYER OF MASLYANIY MYS VILLAGE IN XVI–XX CENTURIES.....	39
<i>Камалеев Э.В., Ахатов А.Т.</i> ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ С. НИКОЛО-БЕРЕЗОВКА XVI–XX ВВ.....	45
<i>E.V. Kamaleev, A.T. Ahatov</i> HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CULTURAL LAYER OF NIKOLO-BEREZOVKA VILLAGE IN XVI–XX CENTURIES.....	45
<i>Колонских А.Г., Бахшиева А.К.</i> ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ КЕРАМИКА УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ Р. БЫСТРЫЙ ТАНЬП: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ...53	53
<i>A.G. Kolonskih, A.K. Bahshieva</i> THE FORTIFIED SETTLEMENTS' CERAMICS OF BAKHMUTINO CULTURE OF THE RIGHT BANK OF THE RIVER BYSTRYJ TANYP: PRELIMINARY RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCE.....	53
<i>Крапачева О.С.</i> ОБУВНЫЕ НАБОРЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (III-VIII ВВ. Н.Э.) УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ).....	65
<i>O.S. Krapacheva</i> SHOE COLLECTIONS THE EARLY MIDDLE (III-VIII CENTURIES A.D.), THE UFA-BELAY INTERFLUFE (THE ISSUE OF CLASSIFICATIONS).....	65
<i>Медведев В.В.,</i> ТРАДИЦИОННЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧУВАШЕЙ О КЛАДБИЩАХ.....	71
<i>Medvedev V.V.</i> TRADITIONAL VIEWS OF CHUVASH ABOUT THE CEMETERIES.....	71
<i>Мухаметдинов В.И.</i> ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ I ИШТУГАНОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА	78
<i>V.I. Mukhametdinov</i> TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF VESSELS FROM THE BARROW CEMETERY ISHTUGANOVO-1.....	78

<i>Р.М. Мухаметзянова-Дуггал</i>	
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)	85
<i>Mukhametzyanova-Duggal R.M.</i>	
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMORIES OF ITS PARTICIPANTS (ON MATERIALS OF THE FAMILY ARCHIVE).....	85
<i>Р.М. Мухаметзянова-Дуггал</i>	
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ ГЛАЗАМИ ИМАМОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	95
<i>Mukhametzyanova-Duggal R.M.</i>	
STATE-RELIGION RELATIONS IN RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE IMAMS VOLGA FEDERAL DISTRICT.....	95
<i>Мухаметшина М.У.</i>	
К ВОПРОСУ МУЗЕЙНОГО ПРАВА: НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ.....	98
<i>Mukhametshina M.U.</i>	
RIGHTS OF THE MUSEUM: THE UNAUTHORIZED REPRODUCTION OF IMAGES OF MUSEUM OBJECTS.....	98
<i>Надыршин Т.М.</i>	
ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ И ВЫБОРА КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ (ОРКСЭ)» (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН).....	105
<i>T.M. Nadyrshin</i>	
THE CONTENT AND CONFESSIONAL COURSES SELECTION PROBLEMS OF «THE BASICS OF RELIGIOUS CULTURES AND SECULAR ETHICS» COURSE (EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN).....	105
<i>Пузанов Д.В.</i>	
ПРОБЛЕМА «КАРАЮЩЕГО ГРОМА»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СООБЩЕНИЯ ИБН ФАДЛАНА О ПОЧИТАНИИ ГРОЗЫ НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ.....	109
<i>D.V. Puzanov</i>	
THE PROBLEM OF «PUNISHING THUNDER»: THE IBN FADLAN MESSAGE INTERPRETATION OF STORM VENERATION BY VOLGA BULGARIA POPULATION	109
<i>Тузбеков А.И.</i>	
ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЮЖНОГО УРАЛА	114
<i>A.I. Tuzbekov</i>	
ARCHAEOLOGICAL SITES IN FORMATION OF MODERN SACRAL SPACES IN SOUTH URAL.....	114
Сведения об авторах.....	116

Научное издание

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы IX Всероссийской научно-практической
конференции молодых ученых
г. Уфа, 30 сентября 2015 г.

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Т. Ахатова

Подписано в печать 18.12.2015 г.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага «Снегурочка».

Тираж 100 экз.

Гарнитура Time New Roman. Усл. печ. л. 10.

Тираж 100 экз.

Отпечатано на множительном участке
Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: cesmaeok@anrb.ru